

МЕДИЧИ

ДИНАСТИЯ

КОЗИМО I СТАРШИЙ, ЛОРЕНЦО I ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ,
РАСЦВЕТ ФЛОРЕНЦИИ, СМУТА САВОНАРОЛЫ, ШЕДЕВРЫ БОТТИЧЕЛЛИ,
РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА ТОСКАНСКОГО, КОНТРОЛЬ НАД ВАТИКАНОМ

Ирина Александровна Терпугова

Медичи. Повелители Флоренции

Серия «Династия (АСТ)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67857264
Медичи. Повелители Флоренции: SelfPub; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-153387-8*

Аннотация

Перед вами художественная книга о династии Медичи, которая будет интересна широкому кругу читателей. Речь идет о династии, которая управляла Флоренцией и Тосканой в течение трех столетий. Действие происходит во Флоренции XIV-XVIII веков, когда первые представители рода Медичи появляются в городе. Их происхождение неизвестно, значение семейного герба тоже. Медичи прибыли из сельской местности под названием: Муджелло и были простыми торговцами тканей. Но постепенно представители этой семьи начинают управлять Флорентийской республикой неофициально, не имея ни звания, ни титула. Путь становления династии был долгий и тернистый: были интриги, заговоры, изгнания из Флоренции и возвращения, убийства и смерти при неизвестных обстоятельствах, любовные истории, счастливые и несчастные браки. Из рода Медичи были две французские королевы: Екатерина и Мария. В середине XVI века

они добиваются титула герцогов, а потом и Великих герцогов Тосканы.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	8
Часть I	13
Глава 1	13
Семейный герб Медичи	17
Глава 2	21
Глава 3	50
Генеалогическое древо Медичи	64
Глава 4	91
Брак Козимо Старшего и Контессины де Барди	95
Изгнание Козимо Старшего	103
Возвращение во Флоренцию	114
Ферраро-Флорентийская уния	125
Меценатство Козимо Старшего	130
Последние годы жизни и смерть Козимо Старшего	155
Глава 5	157
Меценатство Пьеро ди Медичи	171
Глава 6	182
Семья Лоренцо Великолепного и начало его правления	188
Заговор Пацци	200
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Ирина Терпугова Медичи. Повелители Флоренции

© И.А. Терпугова, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Флоренция – один из самых красивых городов Италии, столица региона Тоскана и колыбель эпохи Возрождения. В начале XV века здесь зародился новый стиль, совершивший революцию в средневековом искусстве Европы. Во Флоренции жили и работали в те времена самые известные мастера эпохи Возрождения: Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Доменико Гирландайо, Андреа Верроккьо, Донателло, Филиппо Брунеллески, Филиппо Липпи и его сын Филиппино Липпи и многие другие. Миллионы людей из всех уголков земли приезжают во Флоренцию, чтобы посетить ее многочисленные музеи и увидеть бесценные произведения искусства: картины, статуи, фрески, драгоценности, античные вазы, керамику, старинные манускрипты, архитектуру. Во Флоренции находится самая знаменитая статуя в мире – мраморный Давид работы Микеланджело Буонарроти – и большинство других работ гения – скульптора, художника, архитектора и поэта.

Собор Флоренции когда-то строился как самый большой в Европе, а его огромный купол парит над городом, словно гигантское красное яйцо. Это гениальное творение Филиппо Брунеллески, чудо инженерии XV века, стало своеобразным символом города. Картинная галерея Уффици – один из самых известных музеев Европы, где находятся многие

шедевры: «Весна» и «Рождение Венеры» работы Алессандро Боттичелли, «Тондо Дони» – единственная законченная картина Микеланджело Буонарроти, «Благовещение» и «Поклонение Волхвов» кисти Леонардо да Винчи, «Венера Урбинская» работы Тициана Вечеллио, «Голова Медузы горгоны» Караваджо и множество других. Великолепные дворцы, средневековые башни, красивые церкви, роскошные сады, загородные виллы, монастыри, библиотеки – всех достопримечательностей не перечислить. Столица Тосканы – самый знаменитый город Италии вместе с Римом и Венецией. И не только благодаря талантливым мастерам, но и одной флорентийской семье – Медичи.

Династия Медичи – знаменитый клан банкиров, которые управляли Флоренцией и Тосканой в течение трех столетий: с середины XV до середины XVIII века. О них написали немало статей и книг, снимали сериалы и фильмы. Об этой семье много известно, но еще больше неизвестно. Кто-то называет их крестными отцами Ренессанса, а Флоренцию XV века – кремниевой долиной эпохи Возрождения. Туда в XV–XVII веках стекались все талантливые мастера и великие ученые под покровительство Медичи. Другие их считают первой итальянской мафией, щупальцы которой, как у осьминога, проникали во все сферы деятельности и уголки земли. Они рассылали своих агентов по всему свету для поиска античных манускриптов, древних статуй, рельефов, драгоценностей, старинных камней и других артефактов с це-

лью их изучения и коллекционирования. Медичи были щедрые и добрые меценаты, но могли быть и очень жестокими, беспощадно расправляясь со своими врагами. В этой семье были взлеты и падения, интриги и отравления, войны и захваты чужих территорий, убийства, изгнания из Флоренции и торжественные возвращения обратно. Среди Медичи рождались как выдающиеся персонажи, так и бездарные. Много произошло за триста лет правления, изменяя судьбы членов семьи, но на большинство событий ее представители сами оказывали большое влияние. Их жизнь настолько переплелась с судьбами знаменитых мастеров и ученых, что нельзя рассказывать о Микеланджело Буонарроти или Галилео Галилее и не упомянуть при этом их покровителей – Медичи. Если бы не эта династия, то не было бы такой Флоренции, какая она сейчас.

Изначально безродные пастухи, они достигли той вершины, выше которой уже не могли подняться из-за своего низкого происхождения: добились титула великих герцогов Тосканских. Королями при всем своем желании и амбициях Медичи стать не могли, но из этого рода были две французские королевы: Екатерина и Мария Медичи, и четверо римских пап: Лев X, Климент VII, Лев XI и Пий IV.

Это были богатейшие банкиры своего времени, их состояние в период расцвета составляло более 250 миллионов евро в пересчете на современные деньги. Они умели не только приумножать свое богатство, но и щедро тратить на бла-

готворительность и постройку новых зданий в своем городе. Благодаря Медичи во Флоренции развилось новое направление в искусстве под названием Ренессанс. Произошло возрождение римского античного искусства и греческой философии после долгого, почти тысячелетнего периода Средневековья. Медичи организовали переезд Вселенского собора Римской католической и Византийской православной церкви из Феррары во Флоренцию, тем самым прославили и себя, и свой город.

За триста лет правления Флоренцией и Тосканой Медичи собрали огромную коллекцию произведений искусства и научных инструментов, составляющую основу многих флорентийских музеев. В середине XVIII века эта династия исчезла, но коллекция сохранилась во Флоренции благодаря последней представительнице этого рода Анне Марии Луизе. Когда она осталась одна из всей семьи, то понимала, что династия вырождается. И перед смертью завещала все имущество Медичи Флоренции и новым правителям с условием: ничто не должно вывозиться за пределы города навсегда. Это условие до сих пор соблюдается. Только два человека: Наполеон и Гитлер – покушались на коллекцию. Кое-что из имущества Медичи было украдено и исчезло бесследно. Династия окончилась, но оставила Флоренции источник богатства и процветания – миллионы людей каждый год посещают этот город и его музеи, платят за билеты и стоят в оче-

дах, чтобы увидеть эти бесценные сокровища.

Меня часто спрашивали туристы: как так получилось, что в XV веке во Флоренции родились, жили и работали многие великие мастера. Я не знаю, почему это случилось именно во Флоренции. Итальянцы, когда видят у человека талант, говорят: бог поцеловал при рождении. Возможно, бог тогда поцеловал весь город. Но несмотря на такую концентрацию гениев в одном городе, для их развития нужны деньги. У Медичи были не только деньги, но и огромный интерес к искусству, науке, культуре, античной философии и всему новому. Удивительно, что люди низкого, неблагородного происхождения стали настолько утонченными меценатами.

Интересно то, что Гай Цильний Меценат – друг Августа Октавиана и полководец его армии – был родом из тосканского города Ареццо, расположенного неподалеку от Флоренции. Гаю Цильнию настолько нравилось искусство, что он вкладывал в его развитие большие деньги. Таким образом, его фамилия стала нарицательной.

Для начала нужно узнать о происхождении династии Медичи.

Часть I

Медичи – неофициальные властители Флоренции

Глава 1

Происхождение династии

Медичи были родом из долины Муджелло, расположенной в итальянском регионе Тоскана. Сейчас эта провинция известна тем, что там проходит гоночная трасса Формулы-1. Муджелло – красивое место, как и вся Тоскана: завораживающие пейзажи с виноградниками, оливковыми рощами и кипарисовыми аллеями. Повсюду разбросаны средневековые замки, которые превратились в загородные виллы с виноградельнями, сельские дома отдыха или отели. В лесах Тосканы водится множество диких зверей и птиц: кабаны, зайцы, косули, фазаны, дикие утки, перепелки. Там есть прекрасные места для охоты, которой раньше так увлекались господа. Жаренная на гриле дичь была их любимым лакомством. Местная кухня Тосканы простая, но вкусная и разнообразная. Традиционными блюдами Муджелло являются равиоли с картошкой в соусе из белых грибов или трюфеля, толстая и плоская паста под названием «паппарделле» с рагу из дикого кабана, запеченный голубь. Самые популярные блюда во Флоренции: стейк по-флорентийски – из говядины с кровью, обжаренный только снаружи. Для него выбирают породу кьянина – снежно-белая корова без единого пятнышка.

Средневековое блюдо риболлита – овощной суп с местной фасолью, черной капустой под названием «кейл» и размоченным черствым хлебом. Позже появилась паппа аль помодоро, когда из Америки завезли помидоры. Это тот же черствый хлеб с помидорами, луком, сельдереем и морковью. Но самое типичное флорентийское средневековое блюдо назы-

вается «лампредотто». Это часть коровьего желудка – сычуг, его варят в бульоне с морковью, сельдереем, луком и помидором. Потом сычуг режут на кусочки и подают как сэндвич – внутри разрезанной пополам круглой булочки. По желанию добавляют острый красный перец и зеленый соус – мелко нарезанные чеснок и петрушка в оливковом масле. Все эти блюда, и еще много других традиционных тосканских лакомств, можно попробовать в многочисленных trattoriaх Флоренции. Особенно хорошо их готовят в маленьких средневековых городках, рассыпанных по всей Тоскане.

Медичи были незнатного происхождения. Предполагают, что их далекие предки были пастухами, потому что они разбогатели на продаже шерсти. На торговле они сделали такое большое состояние, что открыли банки и стали банкирами. В середине XV века филиалы банка Медичи были во всех крупных городах Европы. В Муджелло у них во владении было два замка: Треббио и Кафаджоло. Эти поместья до сих пор в прекрасном состоянии и принадлежат частным лицам. «Фаджо» (faggio) с итальянского переводится как «бук», поэтому место под названием «Кафаджоло» означает «буковый лес». Над названием замка хозяева долго не думали, назвали так же: «Кафаджоло».

Версий об их происхождении множество. Слово «медичи» в переводе с итальянского – «врачи, медики». Существует предположение, что их далекий предок был врачом самого Карла Великого. Карл был королем франков, основателем

династии Каролингов и первый император Священной Римской империи. Профессия врача во все времена была одной из самых уважаемых. Но уже доказано, что медиков среди предков Медичи не было. По другой легенде, родоначальник их рода по имени Аверардо был полководцем армии Карла Великого. Однажды король франков со своим войском прибыл в долину Муджелло, где они остановились на несколько дней. Местные жители жаловались на огромного великана, который разорял всю округу и угонял скот. Аверардо решил вызвать гиганта на бой и после продолжительной схватки убил его. На щите героя остались круглые вмятины от палицы великана, которая была с шипами. Они потом превратились в знаменитые шары на семейном гербе Медичи. Жители Муджелло уговорили Аверардо остаться у них жить и защищать их. Полководец согласился и стал родоначальником династии Медичи. Но это все легенды, которые не подтверждены никакими документами. Еще одна версия говорит о том, что их предком был некий Медико ди Потроне (Medico di Potrone), который родился в 1046 году. Он был смотрителем замка феодалов Убальдини в Муджелло, потом от имени «Медико» и произошла фамилия Медичи. В итальянском языке конечная буква О обозначает мужской род, во множественном числе мужского рода она меняется на И. Так Medico – врач, становится Medici – врачи. Буква С читается как К перед гласными О и А, и как Ч перед Е и I.

О происхождении имени их родоначальника есть предпо-

ложение: существует древняя популярная традиция, согласно которой имя Медико намекает на особые чудодейственные способности, которыми обладает человек. Об этом сообщили специалисты по генеалогии Медичи, которые высказывали версию их каролингского происхождения. Возможно, они произошли от незаконнорожденного сына Карла Великого, ведь чудодейственные целительские способности считались верным доказательством королевского происхождения в Средние века. Однако эта версия лишена какой-либо исторической основы.

Семейный герб Медичи

Герб Медичи – это овальный щит с шестью шарами. Пять из этих сфер красные, а одна – голубая с французской золотой лилией. Происхождение шариков доподлинно неизвестно, и одну версию о щите родоначальника я уже упоминала. Но самое вероятное предположение о происхождении шаров – что это монеты, потому что Медичи были банкирами. Или клубки шерсти, так как они разбогатели на продаже шерсти. Еще была одна версия, что это таблетки, потому что их предки были врачи. Или ядовитые пилюли – они изучали алхимию и яды. Сейчас эти версии уже не рассматривают, после того как выяснили, что предков-врачей не было. А таблетки появились в медицине гораздо позже, чем сферы на гербе Медичи. Есть еще одно предположение: это апельси-

ны или другие цитрусовые. Медичи обожали эти плоды и были первыми, кто занялся разведением цитрусовых в Тоскане. В их садах было выведено более 500 видов разных сортов, многие из которых совершенно несъедобны. Путем скрещивания получился такой интересный плод, как «рука Будды» – он по форме напоминает кисть руки с пальцами. Еще один необычный цитрус называется «яблоко Адама», он похож на надкушенное яблоко. Но самый нестандартный – это бидзаррия, переводится примерно как «диковинка». Этот цитрус получен путем скрещивания лимона, померанца и бергамота, он представляет собой куст, на котором растут разные плоды. До сих пор огромное количество разных сортов апельсинов, лимонов, мандаринов, грейпфрутов, помело, померанца, бергамота и других видов выращивают в садах Боболи позади основной резиденции Медичи: дворца Питти, в саду дворца Медичи-Риккарди и на их загородных виллах. Цитрусовые разводят в больших терракотовых кадках, чтобы в случае холодной погоды можно было убрать в оранжерею под названием «лимонайя» (limonaia).

Есть совсем абсурдное предположение, что шары на эмблеме Медичи – это отрубленные головы их врагов. Все это можно найти в книгах, в интернете и в других источниках. Но самая вероятная версия – это монеты. В Средние века во Флоренции и других тосканских городах были основаны ремесленные гильдии. Одной из них была корпорация банкиров, в которой состояли и Медичи. Герб этого цеха: зо-

лотые шары на красном фоне. Вероятно, Медичи переняли этот герб, только поменяли цвета местами и уменьшили количество шариков.

Почему число сфер меняется, тоже достоверно неизвестно. Можно увидеть гербы, на которых одиннадцать, десять, восемь, семь, шесть шариков. Голубого шара с золотой лилией изначально не было, все они были красные. Герб Медичи с разным количеством шариков можно увидеть в Старом дворце – их второй резиденции во Флоренции. Предположительно, каждый раз новый глава семьи выбирал количество сфер. Кроме главной ветви этой династии были и побочные, которые параллельно жили во Флоренции и в других городах Италии. У них на гербах тоже есть шарики, и их количество разное. Известно о миланской ветви Медичи, из которой был римский папа Пий IV, живший в середине XVI века. Это были дальние родственники флорентийских Медичи. Из побочной флорентийской ветви был папа Лев XI, который умер через 26 дней после своего избрания. Это был самый короткий период понтификата, даже здесь Медичи отличились. Об этом папе мало упоминают, но в соборе города Пистойя ему установлен памятник. А во флорентийском дворце Питти есть мраморный бюст Льва XI. Достоверно известно только одно: когда и почему появился голубой шар с французской золотой лилией. В конце XV века глава семьи Пьеро Медичи ссудил крупную сумму денег французскому королю Людовику XI. Монарх в знак благодарности позво-

лил Медичи украсить один из шариков на их щите золотой французской лилией на голубом фоне.

У династии Медичи, кроме герба, было также два личных символа. Первый – это три или четыре скрещенных кольца с бриллиантами конической огранки. Второй – кольцо с бриллиантом и тремя павлиньими перьями, которые пересекает лента с надписью: *semper*, «всегда». Оба эти символа означают вечность, потому что бриллиант – самый твердый и прочный из всех драгоценных камней. Павлин был символом вечности в христианстве – итальянцы думали, что его мясо никогда не гниет. Девиз семьи был: *semper*, мы будем всегда. Они и остались навсегда в памяти флорентийцев, а коллекция, здания и крепости, построенные на их деньги, сохранились во Флоренции, Пизе, Сиене, Ареццо, Вольтерре.

Теперь надо немного разобраться в истории Тосканы и в политической ситуации Флоренции в эпоху Средневековья.

Глава 2

История Тосканы

Примерно 2500–3000 лет назад в Тоскане, Умбрии и Южном Лацио жили этруски, их земля называлась Этрурия. Этот таинственный народ неизвестно откуда появился на Апеннинском полуострове. Возможно, они были выходцами из Малой Азии, которые покинули свои земли из-за голода и неурожая. Или это были коренные жители, потомки еще более древней цивилизации вилланова. Название региона Тоскана – этрусского происхождения. Римляне называли этрусков пренебрежительно: туски, потом тоски, от этого произошло слово Тоскана, земля этрусков. Их цивилизация была очень развитая, она предшествовала римской и во многом на нее повлияла. Этруски строили прекрасные купола и арочные своды, римляне потом это у них переняли и усовершенствовали. Свои защитные стены они возводили без применения цемента – настолько плотно подгоняли каменные блоки друг к другу. При закладке городов этруски применяли шахматную планировку – там, где это было возможно. Они прокладывали улицы параллельно и перпендикулярно, на месте пересечения двух центральных была площадь. В городах этрусков была прекрасная канализация, но жилые дома и храмы они строили из дерева и глины, поэтому эти постройки не сохранились. Этруски придумали гла-

диаторские бои и театр, очень любили банкеты, во время которых пили много вина. Рабы подавали господам во время пиров множество разнообразных изысканных блюд. Этруски с далеких времен занимались виноделием и обучили этому галлов, будущих французов. Большая и разветвленная сеть дорог Этрурии соединяла как большие города, так и самые маленькие поселки.

В семьях этрусков царило равноправие: женщины наряду с мужчинами занимались управлением хозяйством, государственными делами, участвовали в банкетах, имели свою собственность и даже свои имена. Это удивляло римлян и греков – у римских женщин своих имен не было, их называли по имени отца. Если, например, отец Юлий, то дочь называют Юлия, если две дочери – то Юлия Старшая и Юлия Младшая. Если несколько дочерей – то Юлия Первая, Юлия Вторая и так далее. Три последних римских царя: Тарквиний Приск, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый – были этрусского происхождения. В эпоху их правления Рим был кардинально перестроен и из грязной деревни превратился в большой прекрасный город. Были построены театры, канализация Клоака Максима, возведены величественные дворцы, взметнулся в небо огромный храм Юпитера, Юноны и Минервы – Капитолий. Была проложена широкая сеть дорог, подобная этрусской. Она соединяла город со всеми остальными городами и поселениями, тогда и появилась фраза «Все дороги ведут в Рим».

После свержения последнего римского царя начался период республики, главными органами правления которой были сначала народное собрание, а потом сенат. Этот период в истории Древнего Рима характеризуется реформами, гражданскими войнами, завоеваниями чужих территорий, в том числе и Этрурии, диктатурой Юлия Цезаря и его убийством. После смерти Цезаря его внучатый племянник Август Октавиан завоевал Египет и объявил себя императором. Так началась эпоха Римской империи, границы которой простирались от Англии на севере до Северной Африки на юге.

В I веке до нашей эры римляне завоевали все города этрусков, последним из которых была Вольтерра. Так, постепенно, эта цивилизация прекратила свое существование. Нет, они не вымерли, а ассимилировались с римлянами. Этруски начали говорить на латыни и постепенно забыли свой родной язык. Их язык до сих пор полностью не расшифрован, не сохранилось их рукописей, поэзии и литературы. Были найдены только некоторые записи коммерческого и юридического порядка. Этруски-аристократы избирались в сенат, переняли римскую моду, которая являлась хорошо улучшенной версией этрусской. Так, плащи, которые носили этруски, послужили прототипом римской тоги. Говорят, в каждом коренном жителе Тосканы есть хотя бы капля этруской крови. Возможно, что и Медичи были их прямыми потомками.

На месте Флоренции в те времена города не было, только

кладбище. Этрусский город Фьезоле был построен на холме и окружен крепкими стенами, остатки которых там находятся до сих пор, вместе с фундаментом храма. Флоренцию основали римляне в 59 году до нашей эры, когда завоевали эту территорию. Впоследствии каждый коренной флорентиец с гордостью считал себя потомком тех древних римлян, которые основали город. Название поселения римлян было Флорентия (Florentia). Потом, в эпоху Средневековья, город переименовали во Фьоренца (Fiorenza). До наших дней дошло сокращенное название: Фиренце (Firenze).

Тоскана была частью Римской империи, но в конце IV века произошел ее раскол на Западную и Восточную. А к концу V века территория Западной Римской империи уменьшилась до размеров Апеннинского полуострова. Это произошло в результате нашествий северных племен, которых греки и римляне называли варварами. В 476 году начальник отряда наемников-варваров в римской армии Одоакр низложил последнего римского императора Ромула Августула. В истории это событие считается датой падения Западной Римской империи и началом эпохи Средневековья. Любопытно то, что первого римского царя тоже звали Ромул, и он, по преданию, основал Рим после убийства своего брата Рема.

Постепенно Италия распалась на отдельные государства и объединилась снова только в 1861 году. Восточная Римская империя со столицей в Константинополе, нынешнем

Стамбуле, просуществовала еще почти тысячу лет. Она пала в 1452 году вследствие нашествия турок-сельджуков. Территория бывшей Западной Римской империи была постепенно завоевана варварами. Сначала это были западные и восточные готы, вандалы, даки, потом гунны, сарацины, лангобарды, каролинги, викинги. Византийцы, жители Восточной Римской империи, попытались освободить Тоскану от готов. Но потом сами же ее разграбили, и их тоже стали считать варварами. На смену византийцам пришли лангобарды – длиннобородые. При них было основано герцогство Туша – территория современной Тосканы. Столица была в городе Лукка. Когда на смену лангобардам пришли каролинги, воины Карла Великого, герцогство стало графством, а потом маркизатом. К этой эпохе, по легенде, и восходит происхождение династии Медичи.

В 800 году папа Лев III короновал Карла Великого как императора Священной Римской империи, которая уже никакого отношения не имела ни к Западной, ни к Восточной Римской империи. Коронация произошла в Риме во время рождественской службы, для нее была использована железная корона лангобардов. Она сделана не из железа, это обруч шириной примерно 7,5 сантиметра из чистого золота, покрытого драгоценными камнями. Диадему называют железной, потому что внутри нее находится узкое железное кольцо, которое, по преданию, было отлито из гвоздя распятого Иисуса Христа. Этот гвоздь папа Григорий Великий по-

дарил лангобардской принцессе Теodelинде, которая заказала из него корону для своего супруга – короля Агилульфа. С тех пор железная корона лангобардов хранится в соборе итальянского города Монца, ее использовали для коронации всех императоров Священной Римской империи до Карла V Габсбурга включительно. Этим же венцом короновал сам себя Наполеон в 1804 году, как изображено на картине художника Жака Луи Давида в Лувре.

Но вернемся в Тоскану. В конце X века граф Уго Великий перенес столицу маркизата из Лукки во Флоренцию, где основал бенедиктинское аббатство Бадиа Фиорентина. В этом монастыре он был с почестями похоронен после своей смерти в 1001 году. В эпоху Возрождения, в середине XV века, скульптор Мино да Фьезоле высек его гробницу из белого мрамора. Ее можно увидеть в церкви до сих пор, вместе с картиной художника Филиппино Липпи «Явление Мадонны святому Бернарду Клевроскому», написанной в конце XV века. В XI веке маркизат перешел во владение феодалов из Каноссы. Последняя представительница этой династии, знаменитая женщина-воительница Матильда Каносская, умерла в начале XII века бездетной. Она была пламенной сторонницей римского папы Григория VII в его войне с императором Генрихом IV и перед смертью все свое состояние завещала церкви. После смерти Матильды Каносской маркизат Туша перестал существовать и раздробился на отдельные города-республики.

Флорентийская республика стала независимым мини-государством, постепенно подчинившим себе большую часть территории. В те времена во Флоренции развивались ремесла и торговля, в основном текстильная промышленность. Производили шерсть и лен, торговали и другими дорогими тканями: парчой, шелком и хлопком. Шелк был очень дорогой, его привозили из Китая по Шелковому пути. Потом, благодаря Крестовым походам, секрет производства этой ткани был привезен в Европу. Крупным центром производства шелка была Лукка, хлопок привозили из Индии и Персии. Ремесленники объединялись в профсоюзы, их еще называли гильдии, или корпорации. Число гильдий постепенно росло и к концу XIII века достигло 21. Самым богатым был цех производителей шерсти, и очень многие флорентийские торговцы разбогатели на ее продаже. Среди них были и Медичи.

Органом правления Республики был совет приоров, состоящий из разного количества человек. В конце XIII века приоров было девять, и чтобы быть избранным в правительство, нужно было состоять в какой-либо гильдии. Во главе правительства стоял гонфалоньер, от слова: гонфалоне – так называли знамя Республики. Члены совета приоров и гонфалоньер переизбирались каждые два месяца во избежание коррупции. Сначала они заседали в средневековой башне и для голосования использовали вареные каштаны. Любопытный факт: вареный каштан в Тоскане называли *ballotta* (бал-

лотта). Отсюда происхождение слова ballottaggio – баллотирование. Это здание до сих пор сохранилось и называется башней Каштанов (torre delle Castagne). В конце XIII века главный архитектор Флоренции Арнольфо ди Камбио родом из маленького городка Колле Валь д'Эльса, что переводится как «холм долины реки Эльза», спроектировал для приоров новый дворец. Сейчас это знаменитый музей палаццо Веккио, но это название появилось гораздо позже, в середине XVI века.

Изначально это был дворец Приоров, потом дворец Синьории – так называли впоследствии республиканское правительство. Приоры жили во дворце в течение всего периода своего избрания, им было запрещено выходить на улицу и возвращаться домой. Здание палаццо Веккио несколько не похоже на роскошные дворцы Франции или Санкт-Петербурга, оно скорее напоминает прочную крепость. Слово «палаццо» происходит от названия палатинского холма в Риме, где в эпоху империи жили римские аристократы. От этого же происходят названия дворцов на других языках: palace по-английски, palais на французском, царские палаты на русском.

Другими крупными городами-республиками, конкурентами Флоренции, были Пиза и Сиена. Жители этих городов постоянно соперничали и воевали друг с другом, они до сих пор не любят друг друга. Пиза в Средние века – самая крупная военная и торговая морская держава на всем Средизем-

номорье. Но в 1284 году пизанский флот потерпел поражение в сражении с генуэзским при острове Мелория. С тех пор начался закат Пизы как морской державы. На суше пизанцы еще долго воевали с соседними городами Флоренцией и Луккой, пока флорентийцы не захватили республику окончательно в 1406 году. Правда, в конце XV века пизанцам удалось свергнуть флорентийское правительство. Это произошло из-за некоторых событий во Флоренции, но о них позже.

Сиена была крупнейшим городом менял – ростовщиков. Ее жители были банкирами королей, римских пап и императора Священной Римской империи уже в те времена, когда Медичи еще пасли овец в Муджелло. Родом из Сиены была семья Толомей, банкиры французского короля Филиппа IV Красивого. Этот монарх известен тем, что уничтожил орден тамплиеров и приказал сжечь живым на костре его магистра Жака де Моле. Об этом есть серия романов французского писателя Мориса Дрюона «Проклятые короли».

Во Флоренции тоже постепенно открывались частные банки, самыми богатыми банкирами были семьи Барди и Перуцци. Средневековые банки – это были конторы, находившиеся на рынках или в каких-нибудь людных местах. Внутри помещения был прилавок, за которым ростовщики вели свои дела. Если банкир разорялся и не мог выплатить долги кредиторам – приходили полицейские и ломали прилавок. Прилавок по-итальянски: банко (banco), сломанный – ротто (rotto). Получается: банко ротто (banco rotto), или банкрот –

вот происхождение этого слова.

В начале XIII века в Тоскане вспыхнула большая гражданская война между двумя политическими партиями: гвельфами – сторонниками преимущества власти римского папы в Европе, и гибеллинами – сторонниками императора. Рассказывают, что поводом для этой войны послужила одна любовная история. Во время банкета в загородном замке из-за невинной шутки одного из присутствующих вспыхнула ссора между представителями нескольких знатных флорентийских семей. Среди них были члены династий Буондельмонти и Амидей. Ситуация накалялась, и конфликт угрожал перейти в поножовщину. Разборку удалось прекратить только тогда, когда красавец Буондельмонте Буондельмонти пообещал жениться на девушке из семьи Амидей. Ее до этого никак не могли выдать замуж из-за непривлекательной внешности и небольшого приданого, которое было гораздо важнее красоты. Тут же состоялась помолвка, и был назначен день свадьбы. Пока Амидей готовились к празднику, соседка Буондельмонте Гвальдрада Донати познакомила юношу со своей дочерью. Это была очень красивая девушка, в которую молодой человек сразу же влюбился. В день свадьбы Буондельмонте и Амидей все члены семьи и гости невесты собрались в церкви, не хватало только жениха. И вот он появляется на мосту на белом коне, все ждут его приближения к церкви, где должно состояться бракосочетание. Но всадник проезжает мимо, он едет на свидание со своей любимой.

Какое неслыханное оскорбление! Такого Амидей стерпеть не смогли. Они тут же собрали совет, на котором решили убить молодого человека. Глава семьи тогда произнес фразу, которая стала очень известной: «*cosa fatta capo ha*». Это означает: «Давайте покончим с этим делом поскорее». В день свадьбы с девушкой из семьи Донати жених опять пересекал Старый мост на белом коне, одетый во все белое. Он спешил в ту же самую церковь на бракосочетание, но не успел. Как только Буондельмонте переехал мост – его окружили мрачные мужчины из семьи Амидей и забили дубинками до смерти. Это было самое знаменитое флорентийское убийство в эпоху Средневековья.

Флоренция была преимущественно городом гвельфов, их герб был: красный ирис на белом щите. Цветок ошибочно путают с лилией, даже по-итальянски называют: *giglio fiorentino*, флорентийская лилия. Но это ирис, потому что изображены тычинки, которые на цветке лилии не изображали. У гибеллинов цвета были наоборот: белый ирис на красном фоне. Оба эти герба можно увидеть нарисованными на верхней части стены палаццо Веккио, прямо под зубчиками. Менялась власть – менялся и герб. Зубчики на зданиях тоже были разные: для гвельфов были характерны квадратные, а для гибеллинов – в виде ласточкиного хвоста. Они похожи на зубчики Московского Кремля, но его построили в Москве гораздо позже войны гвельфов и гибеллинов.

Пиза и Сиена были преимущественно городами гибелли-

нов, но там другие гербы. Флоренция воевала поочередно то с Пизой, то с Сиеной, то с соседним городом Ареццо. Кровавые битвы заканчивались победой то одной, то другой партии. Если побеждали гвельфы – они изгоняли гибеллинов из города и разрушали их дома. То же самое делали гибеллины с гвельфами после победы. Гражданская война в Тоскане затянулась примерно на 80 лет, но население городов не уменьшалось. Как раз в те времена во Флоренции родился Данте Алигьери, средневековый поэт, автор знаменитой поэмы «Божественная комедия». Данте принимал активное участие в политике, он избирался в совет приоров как член гильдии врачей и аптекарей, куда записывались и поэты. Как у многих других творческих людей, у него была своя муза, девушка по имени Беатриче Портинари, она жила по соседству и была на год младше Данте. По преданию, поэт увидел Беатриче в церкви Святой Маргариты во время праздничной мессы. Ему тогда было около девяти лет, а ей – около восьми, но мальчик сразу влюбился, несмотря на такой юный возраст. Он любил Беатриче всю свою жизнь, даже после ее смерти. Но любовь была платонической, молодые люди даже ни разу не поговорили. Только один раз Данте и Беатриче поздоровались, когда были представлены друг другу. Но она тогда уже была замужем за Симоне Барди, ей было в то время семнадцать лет, а Данте – восемнадцать. Беатриче выдали замуж по расчету лет в четырнадцать, так было принято. Вполне возможно, что она и не знала о любви Данте. Моло-

дая женщина умерла в возрасте 24 лет от родов, это случилось часто в Средневековье. После ее смерти Алигьери так сильно тосковал, что едва не свел счеты с жизнью. Впоследствии его женили на Джемме Донати, но ни в одном своем литературном произведении он ни разу не упоминает о жене. А Беатриче сначала посвящает поэму «Новая жизнь», а потом свое самое известное произведение – «Божественную комедию», – которое делится на три части: Ад, Чистилище и Рай. Беатриче сначала появляется ненадолго в начале поэмы и передает его в руки древнеримского поэта из Мантуи Вергилия, который ведет его через Ад и Чистилище. А потом, в третьей части, она ведет Данте через Рай земной и небесный.

В конце XIII века окончательную победу в Тоскане одержали гвельфы, после чего их герб – красный ирис на белом щите – стал постоянным символом Флоренции. Он до сих пор им является, красный ирис можно увидеть на многих флорентийских зданиях. Но среди гвельфов вскоре пошли разногласия, и вскоре они раскололись на две группировки: черных и белых гвельфов. После этого гвельфы воевали уже между собой до начала XIV века. Для Данте эта война обернулась изгнанием из родного города навсегда, он не мог вернуться при жизни под страхом смертной казни. Алигьери примкнул к партии белых гвельфов, а победили черные. Они изгнали всех белых из Флоренции и разрушили их дома. Последние годы жизни поэт жил в городе Равенна, где умер и

похоронен. Флорентийцы пытались вернуть прах своего знаменитого земляка на родину, но жители Равенны отказываются наотрез под тем предлогом, что «вы сами его изгнали и при жизни не оценили». В церкви Санта-Кроче к 700-летию Данте возвели его похоронный монумент с аллегорическими фигурами Италии и Поэзии, но его могила пуста. К 600-летию со дня рождения Алигьери, в 1865 году, памятник ему был установлен в центре площади Санта-Кроче, но примерно через 100 лет статую переставили к фасаду. В 1966 году во Флоренции было самое сильное наводнение за всю ее историю, кое-где вода поднялась на высоту около четырех метров. Когда вода начала потихоньку уходить – обнажилась вся грязь, мусор, поваленные деревья и ветки. В церкви Санта-Кроче когда-то были фотографии этого наводнения. На них видно, что памятник Данте стоит посередине площади, и поэт мрачно взирает на то, что творится вокруг него. Флорентийцы тогда придумали стишок – Данте как будто говорит: «O fiorentini, mi avete esiliato. Ora godete la merda, che dio vi ha mandato». Транскрипция: «О фьорентини, ми avete эзильято. Ора годэтэ ла мэрда, ке дио ви а мандато», звучит в рифму. Перевод: «О, флорентийцы, вы меня изгнали. Теперь наслаждайтесь дерьмом, которое бог вам послал».

Данте Алигьери знаменит тем, что совершил в свое время революцию в литературе, официальным языком которой была латынь. Он первым писал свои произведения на родном тосканском наречии, единого итальянского языка тогда

не существовало. Так появился новый стиль в литературе под названием *volgare*, или *dolce stile nuovo*, который потом продолжили другие тосканские поэты: Франческо Петрарка родом из Ареццо, Джованни Боккаччо родом из Чертальдо. А когда произошло объединение Италии в 1861 году, то выбирали единый итальянский язык из всех диалектов, на которых говорили между собой жители разных государств Апеннинского полуострова. Выбрали тосканское наречие – как язык Данте. Эти государства сейчас являются регионами Италии, в каждом из которых местные жители до сих пор общаются между собой на диалектах. Эти наречия иногда настолько не похожи на итальянский язык, что жители разных регионов не понимают друг друга. Кто знает итальянский язык – не поймет диалекта Неаполя, Калабрии, Сардинии, Апулии и многих других регионов.

В начале XIV века во Флоренции уже складывались первые предпосылки Ренессанса. Художник Джотто ди Бондоне родом из той же долины Муджелло, что и Медичи, смело отступил от строгих канонов византийской живописи. Но обо всем по порядку: Джотто был родом из маленькой деревни Веспасиано, расположенной около небольшого городка Викио. В детстве он был пастухом, и когда пас овец – любил рисовать животных кусочком угля на большом гладком камне. Однажды по дороге из Флоренции в Болонью проезжал на коне флорентийский художник Чимабуэ. Увидев мальчика, рисующего на камне, он заинтересовался, остановил ко-

ня, спешился и подошел посмотреть. Талант подростка, рисующего своих овец, так поразил Чимабуэ, что он пригласил его учеником в свою флорентийскую мастерскую. Об этом в конце XVI века пишет придворный архитектор и живописец герцогов Медичи Джорджио Вазари в книге «Жизнеописания самых знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Вазари собрал биографии всех выдающихся мастеров, начиная с Чимабуэ и заканчивая своими современниками. Но как там было на самом деле – мы не знаем. Вазари в то время не жил и многое мог придумать сам. Тем не менее его книга считается первым учебником по истории искусства.

Есть и другие легенды о Джотто и Чимабуэ: говорят, что Джотто взял в город свою любимую собачку. Флорентийцы даже шутили, что у Чимабуэ ученик – пес. И что в конце жизни художник изобразил эту собачку на барельефе своей колокольни, которую спроектировал для собора Санта-Мария дель Фьоре. Эта легенда не выдерживает критики: над рельефами для колокольни работали скульпторы Андреа Пизано и Лука делла Роббиа. У Вазари в книге есть еще история о том, как Джотто, в отсутствие учителя, в шутку нарисовал на его картине муху. Да так натурально, что вернувшийся в мастерскую Чимабуэ пытался ее прогнать.

Во времена Средневековья во всей европейской живописи существовал только один стиль: иконопись с ее строгими канонами, от которых ни в коем случае нельзя было отступать. Тосканские художники в те времена писали только тем-

перой по дереву. Темпера – это краска в виде порошка из натуральных минералов, который растворяли в яичном желтке. Правилами были: обязательный золотой фон, олицетворяющий рай. Его наносили с помощью позолоты – очень тонких листов сусального золота. Они были настолько тонкие, что разлетались от малейшего дуновения. Их и руками-то взять нельзя было, только тампоном или хлебным мякишем. Изображение на иконах было плоское, никакого трехмерного пространства. Лица святых, Мадонн и Иисуса Христа – застывшие, неодушевленные, не похожие на реальных людей. На иконах Джотто и Чимабуэ в начале XIV века впервые появляется некоторая объемность в изображении трона Марии, складок платьев, округлости лиц и рук. У Мадонн Чимабуэ лица еще стилизованные, а Богородицы и святые его ученика уже приобретают человеческие черты, даже иногда взгляд направлен на зрителя. Но Иисус все еще выглядит как взрослый человек, а не маленький ребенок. И глаза святых на их иконах еще узкие, миндалевидные, разрез глаз неестественный. Таким образом, Джотто ди Бондоне совершил революцию в живописи, как его друг и современник Данте Алигьери – в литературе. Потом, в течение почти 90 лет, его ученики и последователи повторяли такой стиль, не внося особенно никаких изменений. Иногда этот период называют Проторенессанс, или Предвозрождение. Прошло еще 700 лет со времен Джотто – и как сильно все изменилось в жизни и искусстве.

Несмотря на то что мастер был родом из Тосканы и жил во Флоренции, его оригиналов на родине сохранилось немного: два алтарных образа в галерее Уффици, фрески и полиптих в церкви Санта-Кроче, фрески в часовне дворца Барджелло и монументальная колокольня флорентийского храма. Это был единственный его архитектурный проект, о котором точно известно. Через три года после начала работы над колокольней мастер скончался в возрасте почти 70 лет. Похоронен Джотто ди Бондоне в кафедральном соборе Санта-Мария дель Фьоре, дословный перевод которого: «Святая Дева Мария цветка». А цветок – это символ Флоренции.

В архитектуре XIII–XIV веков преобладал готический стиль со множеством декораций, остроконечных арок, башенок, витых колонн, водостоков в виде горгулий – маленьких чудовищ. Здания храмов как будто тянулись ввысь, к небу, тонкие стены со множеством цветных витражей укреплялись контрфорсами и стрельчатыми арками. В таком стиле построено множество церквей во Франции, Испании, Чехии, Германии и других странах Европы. Яркий пример – собор Парижской Богоматери. Купола если и строили, то они были маленькими, но чаще всего их не было. В Италии появился свой, особый стиль итальянской готики, смешанной со средневековым романским стилем с его толстыми стенами, маленькими окнами и элементами классики. Название стиля: готика – происходит от слова готы – это были варвары, которые разрушили в V веке Флоренцию. Поэтому итальянцы

считали этот стиль варварским и не принимали полностью.

В XII–XIII веках по всему городу были рассеяны маленькие средневековые церкви с массивными стенами и практически без окон. Самой первой была церковь Святого Лаврентия мученика, построенная в IV веке за пределами городской стены. Римляне казнили Лаврентия за веру – сожгли на железной решетке. Поэтому в иконографии его изображают с решеткой в руке. Освятить ее в IV веке приехал сам епископ Милана Амвросий Медиоланский, впоследствии канонизированный. В XI веке церковь была полностью перестроена и заново освящена, а в XV Медичи превратили ее в свой семейный склеп.

Между церквями высились жилые дома-башни, достигающие высоты от 30 до 70 метров. Это были своеобразные средневековые небоскребы XII–XIII веков. Чем богаче была семья, тем выше ее башня. Дружеские семейные кланы строили башни очень близко друг к другу, соединяли их переходами, чтобы можно было ходить в гости, не выходя на улицу. В случае нападения врагов можно было убежать, перебегая из башни в башню. Помещения внутри были узкие и маленькие, они соединялись между собой лестницами через отверстия в полу. Чтобы как-то их расширить – часто пристраивали мансарды к этажам повыше. Земельный налог был очень высоким, поэтому выбирали маленький кусочек земли, чтобы платить поменьше налогов. И строили ввысь, потому что за воздух никаких налогов платить не надо было.

Из-за мансард и без того узкие улицы еще больше сужались, были темными, уличного освещения не было, и ходить по ним было страшно. Что такое канализация, в средневековом городе забыли, часто помои выбрасывали из окон в эти узкие переулки, несмотря на строжайший запрет. Потом уже дождь постепенно смывал грязь с улиц городов. Окна были узкие, в виде бойниц – защита была важнее солнечного света. На первом этаже была конюшня, поэтому дверные проемы делали настолько высокими, чтобы всадник верхом на лошади мог спокойно въехать внутрь.

В середине XIII века было построено первое общественное здание Флоренции для капитана народа – так называлась должность главы флорентийского войска. Вместе с ним там должна была разместиться вся его свита. Дворец капитана народа спроектировал в виде крепости неизвестный архитектор, возможно, отец Арнольфо ди Камбио. В часовне этого здания Джотто ди Бондоне со своими учениками писали фрески на тему Ада и Рая. В Раю среди святых и избранных художник изобразил своего друга Данте Алигьери с книгой в руке – это был первый портрет поэта в истории живописи. Позднее в этом здании была городская тюрьма и жил капитан полиции, должность которого называлась: барджелло. Тюрьму упразднили в середине XIX века и превратили в национальный музей скульптуры, который называют «Барджелло». Портрет Данте, на удивление, хорошо сохранился, его до сих пор можно увидеть в этой часовне, где также хра-

нится церковная утварь из серебра и позолоченной бронзы. Центральной площади в средневековой Флоренции не было вообще, вместо нее был большой продуктовый рынок с лавками, тавернами и маленькими церквями. Это был, говорят, целый лабиринт узеньких улочек и крохотных площадей размером не больше двора. Рынок был любимым местом встречи флорентийцев, где можно было просто поболтать, посплетничать, обсудить разные дела за стаканчиком местного красного вина кьянти – сейчас это всемирно известный бренд. Не обходилось и без ссор, или даже драк, когда в ход шли ножи и дубинки.

Недалеко от центрального рынка находился зерновой. Это было квадратное двухэтажное здание с открытыми арками на первом этаже, где торговали зерном, на втором этаже было зернохранилище. Здание рынка спроектировал архитектор Арнольфо ди Камбио на месте старого, разрушенного монастыря Святого Михаила Архангела. При монастыре когда-то был огород, где монахи выращивали овощи и фруктовые деревья. По легенде, однажды на рынке случился пожар, во время которого все деревянное сгорело. Уцелела только икона Богородицы с младенцем, которую тогда сочли чудотворной. После этого рынок был отремонтирован, арки внизу закрыли и первый этаж перестроили под церковь. Название этой церкви – Орсанмикеле (Orsanmichele), сокращенно от орто ди Сан Микеле, что переводится: огород Святого Михаила. Потом надстроили третий этаж, и наверху

так и осталось зернохранилище. Снаружи, в стенных нишах этой церкви, были установлены статуи святых, покровителей разных гильдий. Над ними работали такие мастера, как Донателло, Лоренцо Гиберти, Филиппо Брунеллески, Андреа Верроккьо, учитель Леонардо да Винчи, и другие их современники. Внутри церкви Орсанмикеле находится роскошный готический иконостас из белого мрамора с позолотой и мозаикой из самоцветов – работа ученика и последователя Джотто Андреа Орканьи. Все это сохранилось, только зернохранилища на верхних этажах больше нет. Вместо него там расположен бесплатный музей, куда убрали подлинники статуй святых, а в нишах их заменили на копии.

Река Арно пересекает всю Флоренцию. Но изначально, еще во времена древних римлян, она протекала за пределами защитной стены. На выезде из города, напротив южных ворот, был построен деревянный мост. Он был единственный в то время во Флоренции и сейчас известен под названием понте Веккио, это переводится как «старый мост». В конце XII века круг городских стен был расширен, включил в себя реку Арно и небольшой район за рекой. После этого были построены еще три моста: Милосердия, Святой Троицы и Каррайя. Мосты были деревянные, и когда река Арно разливалась, наводнение часто разрушало мосты, и их приходилось строить заново. Только в середине XIV века был построен первый прочный каменный мост на месте самого первого, понте Веккио. Он был почти сразу застроен лавоч-

ками, в которых расположились мясные ряды. Переходить по Старому мосту на другую сторону реки было, скорее всего, нелегко из-за вони. Холодильников тогда не было, летом мясо на жаре портилось быстро и пахло неприятно. Мясники выбрасывали тухлые остатки прямо в воды реки Арно, и постепенно ее вода начала загрязняться.

Сейчас река выглядит пересохшей и заболоченной, а до этого она была чистой и полноводной. Рыбаки ловили речную форель и угрей, которыми питались не только сами, но и поставляли на кухни господ. Недалеко от моста была пристань, откуда отплывали парусники до Пизы и Тирренского моря. Не всегда Пиза и Флоренция воевали, были и периоды перемирия. Но во времена войн пизанцы часто блокировали поставку морской рыбы и соли во Флоренцию. Если рыбу можно было заменить на речную, то с солью все было не так просто. В конце концов, флорентийцы привыкли к пресной пище и хлеб пекли без соли. Эта традиция печь пресные булки сохранилась до сих пор. Все, кто приезжает во Флоренцию, удивляются, почему хлеб несоленый. Данте в поэме «Божественная комедия» жалуется на соленый хлеб чужбины. Возможно, он имеет в виду соленый хлеб в буквальном смысле слова, а не в переносном: «*tu proverai sì come sa di sale lo pane altrui...*» – «ты попробуешь, как солон чужой хлеб...»

В начале XIII века во Флоренции появились представители разных монашеских орденов: францисканцы, доминиканцы, августинцы, кармелитанцы, слуги Марии и другие.

Они основывали монастыри за пределами городской стены, на месте старых маленьких церквей. Самый большой бум строительства был в конце XIII века, когда население города разрослось примерно до 100 тысяч человек. Тогда Флоренция была одним из самых крупных городов Европы, таких как Лондон и Париж. Многие церкви тогда перестраивали и расширяли, так появились крупные базилики: Санта-Мария Новелла для доминиканцев, Санта-Кроче, церковь Святого Спасителя и церковь Всех Святых для францисканцев, церковь Святого Духа для августинцев, Санта-Мария дель Кармине для кармелитанцев, церковь Святого Благовещения для слуг Марии.

Отдельно, на холме, стоит церковь Святого Мины Флорентийского на горе (San Miniato al monte) с самым античным мраморным фасадом начала XIII века. С этой церковью связано две легенды: о святом без головы и об ожившем распятии. Первая легенда рассказывает о самом Мине, который жил в середине III века нашей эры. Он был принцем армянского происхождения, очень богатым, жестоким и черствым человеком. Однажды Мина совершил паломничество в Рим, после чего раскаялся в прежней жизни, принял христианство и решил жить отшельником. Место он выбрал на холме за городскими стенами Флоренции и поселился в достаточно просторной пещере. Мина проповедовал жителям города христианскую веру, за что римский император Деций приказал его схватить и казнить. Его жгли на костре – но огонь

угасал. Его бросили в клетку с голодными львами – но они его не тронули. Тогда ему отсекли голову, но и после этого Мина не умер. Он взял свою голову под мышку, поднялся на холм в свою пещеру и только после этого там скончался. На этом месте в XI веке и была построена церковь Святого Мины Флорентийского на горе.

Во второй легенде говорится о юноше по имени Иоанн Гуальберто, который жил во Флоренции в XI веке. Он был из аристократической семьи, но вел простой и скромный образ жизни. Однажды убили его брата, тогда Иоанн поклялся найти убийцу и обезглавить его. Прошло немало времени, пока юноша нашел злодея. И вот он уже настиг разбойника, занес меч над его смиренно склоненной головой и вдруг почувствовал весь ужас мести и нежелание убивать. Иоанн отбросил меч в сторону и бросился бежать. Вдалеке он увидел церковь Святого Мины, забежал внутрь, упал на колени перед распятием и начал отчаянно молиться. Затем он поднял голову и увидел, что Иисус с распятия одобрительно кивает головой. Юноша воспринял это как знак, после чего решил стать монахом и поступил в бенедиктинское аббатство Сан-Миньято, расположенное при этой церкви. Впоследствии он покинул эту обитель и удалился в леса Валломброзы. Там Иоанн основал новый монастырь, который стал основой монашеского ордена валломброзианов. Ожившее распятие еще долго находилось в церкви Сан-Миньято на горе, но в XIII веке его перенесли в церковь Святой Троицы, где оно нахо-

дится до сих пор. При этой церкви был открыт монастырь валломброзианов, там находится реликвия Святого Иоанна Гуальберто, распятие, перед которым он молился, великолепный цикл фресок кисти Доменико Гирландайо, первого учителя Микеланджело, и много ценных алтарных образов.

Во всех церквях Флоренции находятся бесценные произведения искусства, со многими из них связаны интересные легенды и истории. Это просто музеи в миниатюре, большинство из которых бесплатны для посещения. Вокруг самых крупных базилик сформировались четыре флорентийских квартала: Санта-Кроче, Санта-Мария Новелла, Святого Духа – по названиям церквей, и квартал Сан-Джованни по названию Баптистерия, посвященного святому покровителю города Иоанну Крестителю.

Главного собора не было, среди других церквей была одна маленькая, посвященная Святой Репарате. Девушка по имени Репарата, по преданию, спасла Флоренцию от осады готов в V веке. Рядом с церковью находится Баптистерий (крестильня), где крестили всех детей Флоренции. Баптистерий значительно расширили и перестроили в XI–XII веках, украсили стены двухцветным мрамором: белым из гор Каррары и темно-зеленым из ближайшего города Прато.

Города-соперники Пиза и Сиена уже давно строили роскошные готические соборы, и Флоренция не собиралась отставать. Проект здания храма, как обычно, поручили главному архитектору республики Арнольфо ди Камбио. Он за год

до этого уже спроектировал церковь Санта-Кроче для францисканского монастыря, рынок зерна, новый круг городских стен, которые строили почти 50 лет, а разрушили только в конце XIX века. Но не до конца: остались все городские ворота, которые стоят в виде арок на маленьких площадях, и длинный кусок стены сохранился за рекой Арно. Этот район называют Ольтарно, это так и переводится: за Арно.

Главным спонсором строительства собора была гильдия производителей шерсти. Задача была не ударить в грязь лицом перед соперниками и построить самый большой собор Европы. Арнольфо ди Камбио взялся за дело с энтузиазмом, но через несколько лет после начала строительства скончался. После его смерти главным архитектором храма выбрали художника Джотто ди Бондоне. Джотто успел спроектировать только колокольню высотой 86 метров – и тоже умер. Колокольня сейчас носит его имя, на нее можно подняться на самый верх и полюбоваться панорамой города с куполом собора. Только надо заплатить за билет и преодолеть 414 ступенек пешком.

Строительство кафедрального собора затянулось почти на 170 лет с перерывами. Архитекторы менялись, в середине XIV века страшная вспышка эпидемии чумы унесла жизни больше половины населения города, аналогично было и в других тосканских городах. Только к началу XV века дошли до апсидальной части и строительства купола. Но и тут возникла проблема: диаметр купола слишком большой, 45

метров. А в те времена не знали, как строить такие огромные купола, так, чтобы они своей тяжестью не разрушили все здание. Много лет собор стоял без купола, когда в дождь проводились мессы – на головы священника и посетителей капала вода. А жители Пизы и Сиены с насмешкой наблюдали за этими событиями и потешались над позором флорентийцев. Амбициозный проект, казалось, провалился окончательно, если бы не вмешательство и деньги Медичи.

Скульптуры как самостоятельного искусства в эпоху Средневековья не существовало, она была лишь частью архитектуры. Скульпторы высекали рельефы и надгробные памятники, статуи служили только для украшения ниш зданий или похоронных монументов. Поэтому они были плоскими, все равно не видно спины. Выдающимися мастерами XIII–XIV веков были члены семьи Пизано: Никола Пизано и его сын Джованни, учеником Николы был молодой Арнольфо ди Камбио, который изначально был скульптором. Их прекрасные резные кафедры сохранились в городах Пиза, Сиена и Пистойя. Джованни был еще и архитектором: он продолжал строительство знаменитой Пизанской башни и Баптистерия, спроектировал нижнюю часть фасада Сиенского собора. Другая семья – Андреа Пизано и его сын Нино. Андреа в середине XIV века работал во Флоренции над южными воротами Баптистерия и над рельефами и некоторыми статуями для колокольни Джотто. Его произведения сейчас заменены на копии, оригиналы находятся в музее собо-

ра Санта-Мария дель Фьоре. Нино Пизано менее известен, отец и сын часто работали вместе. В церкви Санта-Мария Новелла есть статуя Богородицы работы Нино Пизано для часовни семьи Ручеллаи. Первые круглые статуи высекали Донателло и Лоренцо Гиберти в начале XV века для церкви Орсанмикеле. Этот период времени считается началом Раннего Ренессанса.

Глава 3

Джованни ди Биччи – основатель банка Медичи

Медичи приехали во Флоренцию из Муджелло примерно в начале XII века, они были в числе так называемых «понаехавших». О первых представителях этой династии мало что известно. Упоминаются некоторые имена: Сальвестро ди Медичи, Аверардо ди Медичи, Гуччо ди Медичи, Кьярриси-мо ди Медичи. Некоторые имена мелькают среди членов совета приоров, Гуччо ди Медичи был даже выбран гонфалоньером и похоронен в Баптистерии. Но людей, которые приехали в город из голодной деревни, было очень много. Знатные флорентийские кланы относились к ним свысока, презрительно, а самых успешных считали выскочками. Флоренция тогда уже была богатым городом торговцев, ремесленников и менял. Самые богатые банкиры города были Барди и Перуцци, я их уже упоминала. Потомки этих семей до сих пор живут во Флоренции и занимаются коммерцией. У Перуцци сеть магазинов кожаных и ювелирных изделий около базилики Санта-Кроче, два ресторана рядом с этими магазинами. В церкви Санта-Кроче у них была семейная часовня, которую вместе с капеллой семьи Барди расписал фресками сам Джотто ди Бондоне. Рядом находится их дворец с гер-

бами семьи, на которых изображены груши. Груша по-итальянски рега (пера), отсюда фамилия: Перуцци.

Происхождение фамилий и гербов бывает очень интересно. Например, оса по-итальянски vespa (веспа), отсюда фамилия Веспуччи. Это еще один известный флорентийский клан, родом из которого происходит знаменитый мореплаватель Америго Веспуччи. На их семейном гербе изображены три осы. Семья Торриджани – на их гербе изображена башня, по-итальянски torre (торре). Отсюда их фамилия: Торриджани.

Флорентийские купцы торговали в основном тканями, но были развиты и другие ремесла. Чтобы понять, какие профессии были популярны в то время, достаточно взглянуть на список 21 ремесленной гильдии города. Основных было семь.

1. Гильдия производителей шерсти, самая богатая. Их герб – барашек с флажком, покровитель – святой Стефан.

2. Гильдия торговцев тканями, или Калимала. Их герб – орел с тюком шерсти, святой покровитель – Иоанн Креститель.

3. Гильдия юристов и нотариусов, герб: восьмиугольная золотая звезда на синем фоне, покровитель – святой Лука.

4. Гильдия врачей, аптекарей и торговцев специями. Герб: Мадонна с младенцем, она же святая покровительница.

5. Гильдия менял, куда входили и Медичи. Герб: золотые монеты на красном фоне, покровитель – святой Матвей,

бывший сборщик податей.

6. Гильдия торговцев шелком, герб: ворота, покровитель – святой Иоанн Богослов.

7. Гильдия меховщиков, герб: черно-белые чередующиеся волны, в верхнем левом углу – барашек с флажком. Покровитель – святой Яков.

Остальные 14 корпораций просто перечислю: торговцы льном, виноделы, мясники, кожевники и дубильщики, работники по дереву и камню, оружейники, кузнецы, печники, гостиничный бизнес, производители ключей, сапожники, плотники, производители седел и упряжек, производители оливкового масла.

Как видите, разбогатеть можно было в любой сфере деятельности. При этом для членов гильдий была хорошая возможность быть избранными в совет республики или даже на должность председателя совета гонфалоньера. Про то, каким образом некоторые семьи делали состояние, слагают легенды. Например, семья Бартолини-Салимбени, которые жили около реки Арно и моста Святой Троицы. Они были торговцами тканями, занимались тем, что скупали товар оптом и распродавали потом в розницу. Однажды Бартолини прослышали о том, что в Ливорно прибывает корабль с огромным количеством тканей, которые можно купить очень дешево. Но кроме них об этом уже знали и другие торговцы, их конкуренты. Как же успеть первыми? Вечером, за день до прибытия корабля, Бартолини-Салимбени создали на банкет

не только конкурентов, но и всех жителей города, чтобы не вызывать подозрений. Вино лилось рекой, слуги едва успевали менять блюда. Только сами члены семьи, незаметно для всех, наливали себе из отдельных кувшинов. Наконец, разомлевшие гости разошлись и заснули сладким сном в своих теплых кроватях с балдахинами. Уже ближе к обеду им с трудом удалось разлепить глаза. А Бартолини тем временем спать не стали, а быстренько запрягли коней в повозки и выехали в Ливорно. Рано утром, когда корабль прибыл, они скупили весь товар по очень выгодной цене, а потом не менее выгодно его распродали. Что же случилось с гостями? В вино была подмешана маковая настойка. С тех пор герб семьи Бартолини-Салимбени: кольцо с тремя маками, а их девиз: не спать.

Другая история, а может, легенда, про семью Ручеллаи. Их прежняя фамилия была Аламанни, они тоже торговали тканями и часто плавали с товаром в заморские страны. Однажды, во время торговли в какой-то заморской стране, глава семьи Джунто Аламанни захотел отлучиться по нужде. Это было просто: он нашел укромное местечко на открытом воздухе и сделал свое дело. Вдруг Джунто увидел, что какое-то растение, на которое попала его моча, окрасилось в красивый сиреневый цвет. Аламанни эту травку собрал, вырастил в своем саду и с ее помощью окрашивал ткани в новый сиреневый цвет, который сразу вошел в моду. Таким образом Джунто и его потомки сколотили огромное состояние. Травка называлась оричелла, и он взял себе фамилию Ори-

челлаи, потом она превратилась в Ручеллаи. В конце XV века его потомок по имени Иоанн Павел Ручеллаи пожертвовал монастырю Санта-Мария Новелла крупную сумму денег на красивый фасад из белого, зеленого и розового мрамора. Его спроектировал архитектор Леон Баттиста Альберти, который был также автором дворца и лоджии Ручеллаи. На фасаде увековечено имя спонсора: Иоанн Павел Ручеллаи, дата завершения фасада, гербы семьи и их личный символ – парус. Это единственный фасад эпохи Возрождения во Флоренции, остальные церкви либо вообще без фасадов, либо XIII века, либо XIX века

Базилика Санта-Мария Новелла находится напротив центральной железнодорожной станции города. Когда путешественники приезжают на поезде и выходят из вокзала, то сразу видят ее апсидальную часть из простого камня. Если заранее не прочесть путеводитель, то ни за что не догадаешься обойти здание и посмотреть фасад. Внутри церкви находится семейная часовня Ручеллаи, где вместе с остальными членами семьи похоронен и Иоанн Павел. Сейчас сиренево-фиолетовый – это цвет маек флорентийской футбольной команды, которую неофициально называют: Viola (Виола), фиолетовая.

Богатых семейных кланов во Флоренции XIV–XV веков было очень много, писатель и философ эпохи гуманизма Колуччо Салютати пишет о тех временах: «Через Флоренцию течет не только река Арно, но и реки денег». Почему бога-

тые купцы и банкиры вкладывали деньги в строительство и убранство церквей? Потому что люди были очень верующими – и, конечно, никто не без греха. Особенно осуждалось ростовщичество, главное занятие менял и банкиров. Ростовщичество приравнивается к одному из семи смертных грехов, за которые попадали в Ад: жадность. Данте в «Божественной комедии» помещает скупцов и расточителей в четвертый круг ада, где их наказание – перетаскивание с места на место огромных тяжестей; сталкиваясь друг с другом, души вступают в яростный бой:

Два сонмища шагали, рать на рать
Толкая грудью грузы, с воплем вечным;
Потом они сшибались, и опять
С трудом брели назад, крича друг другу:
Чего копить? Или: чего швырять?
И, двигаясь по сумрачному кругу
Шли к супротивной точке с двух сторон
По-прежнему ругаясь сквозь натугу;
И вновь назад, едва был завершен
Их полукруг такой же дракой хмурой.

Не очень-то приятное занятие для вечности. На средневековых фресках ростовщиков изображали в аду, где черти заливают им в рот расплавленное горячее золото, такая сцена тоже не вызывает приятных эмоций. Другие смертные грехи, которые выделяет католическая церковь, это: гнев,

зависть, гордыня, лень, похоть и обжорство. Для каждого у Данте свой круг ада и свое изощренное наказание. Так что подумайте, как бы туда не попасть. Хорошо, что у католиков предусмотрено чистилище, пройдя через которое можно, в конце концов, очиститься от греха и попасть в рай. Достаточно быть крещеным, покаяться перед смертью и умереть в мире с богом, как добрый христианин. Все мы не без греха, а Бог милостив.

Как же пытались искупить свои грехи на земле и забронировать местечко в раю? Способов было много. Можно было отправиться в паломничество в Рим и оставить пожертвование папе для крестовых походов; святое дело – освободить землю Христа от неверных. Можно было просто пожертвовать деньги монастырю на строительство или благие дела. Еще лучше купить кусочек пространства в самой церкви и построить семейную часовню, быть похороненным в церкви было очень престижно. Для того, чтобы расписать капеллу фресками, приглашали известных художников – и дом божий украсил, и самому приятно. Не хватает денег на часовню – можно купить участок земли в монастырском дворике. Постепенно итальянские церкви превратились в самые настоящие кладбища.

Католическая церковь запрещала ростовщичество, поэтому для его оправдания придумывалось множество уловок. Можно было провести процент как дарение в благодарность за ссуду или под предлогом нового курса обмена валюты. А

еще можно было нанять работника – еврея, или провести операцию через посреднический еврейский банк, и ты как бы ни при чем. Иудейская вера хоть и не одобряла ростовщичество, но и не запрещала.

В середине XIV века наступил глубокий экономический кризис, и не только из-за вспышки эпидемии чумы. Еще до этого потерпели крах самые крупные банки Флоренции: Барди и Перуцци. Английский король Эдуард III договорился с ними о большой ссуде, которая была ему нужна для войны с Францией. Эдуард был внуком французского короля Филиппа IV Красивого, сыном его дочери Изабеллы. Прямые потомки Филиппа IV по мужской линии, его сыновья и внуки, скончались один за другим – считается, что это было проклятие магистра ордена тамплиеров Жака де Моле. Остался в живых лишь племянник, который стал новым королем Франции под именем Филипп VI Валуа, родоначальник этой династии. Тогда Эдуард III решил заявить свои права на престол Франции как прямой потомок Филиппа IV – быть королем Англии ему показалось мало. Война – дело дорогое: нужны деньги на оружие, обмундирование, доспехи, банкеты в честь победы.

Эдуард III проиграл войну, опустошил королевскую казну и отказался выплачивать заем. Сумма была гигантская: 1 миллион 700 тысяч флоринов, в эквиваленте это более шести тонн чистого золота. Король есть король, против него ничего сделать было нельзя, так и обанкротились Барди и Пе-

рущии. За этим пошла цепная реакция, обанкротились и другие банки, связанные с ними. Это еще не все: в 1345 году был такой неурожай, что съели всех мышей и крыс, всю траву в полях и лесах. Наступил голод, а затем уже пришла чума. Мертвых не успевали хоронить, трупы лежали по всему городу, их захоронением занималось братство Милосердия (Misericordia). Они ходили группами в черных плащах с колпаками, которые прикрывали лица. Для глаз были специальные прорезы, лица предпочитали не показывать из скромности. Идущий впереди монах нес черный крест и ладанку с благовониями, тела мертвых собирали на телеги и увозили за город, где хоронили в общих ямах. Братство Misericordia существует до сих пор, только сейчас это не монахи. Так называют скорую помощь, где работают волонтеры. Вступить туда может любой человек в возрасте от 18 до 80 лет, никому не отказывают.

Врачи лечить чуму не умели. Они приходили на дом к больным, одетые в плащи с капюшонами. На лицо надевали маски с длинными птичьими клювами, подкладывая туда ароматные травы, чтобы не чувствовать неприятного запаха. Такая маска называется «чумной доктор», сейчас их продают во время карнавалов или просто как сувенир. Лекари трогали пульс руками в перчатках, проверяли, есть ли бубоны, произносили непонятные слова на латыни и уходили. Чума тогда изрядно выкосила население многих городов, и готовились уже к концу света. Но Флоренция выдержала и

банкротства, и голод, и чуму.

Банк Медичи во Флоренции был основан уже позже, в конце XIV века. Первым представителем этой династии, о котором известно достаточно много, был Джованни ди Биччи ди Медичи. Он родился в 1360 году и был одним из пяти сыновей Аверардо ди Медичи, состоятельного торговца шерстью. Когда Джованни было три года, его отец умер, оставив в наследство сыновьям солидный капитал и участок земли в долине Муджелло. В возрасте 18 лет Джованни отправился в Рим к своему родственнику Вьери ди Медичи изучать банковское дело. Его дядя сразу отметил небывалую смекалку и талант племянника, благодаря которому дела банка быстро пошли гору. Через несколько лет Джованни становится младшим партнером своего дяди, а потом и возглавляет отделение банка. Когда возраст Вьери приблизился к 70 годам, он решил отойти от дел и передал все правление племяннику.

Внешность Джованни была неказистая: невысокого роста, слегка сутулый, с редкими темными волосами, тонкими губами и асимметричными чертами лица. Глаза у него были немного навывкате, что станет отличительной чертой всех его потомков. Но такая внешность не помешала ему выгодно жениться на Пиккарде Буэри, девушке из благородного флорентийского рода. Джованни прожил с женой в любви и согласии до самой своей смерти, она пережила его на несколько лет. Браки в те времена заключались только по расчету,

а когда расчет и чувства совпадают – это вдвойне хорошо. У Джованни ди Биччи все складывалось как нельзя лучше и в сфере карьеры, и в личной жизни. А внешность большой роли не играет.

О Пиккарде Буэри мало что известно: женщины тогда жили в тени мужчин, занимались домом, хозяйством и детьми. Современники говорят, что она была очень хорошенькая девушка с солидным приданым – 1500 флоринов. Джованни вложил эти деньги в дело, что принесло ему еще более высокий доход. Чтобы понять, насколько крупное было приданое, приведу пару примеров: на зарплату 50 флоринов в год можно было прожить, хоть и скромно. На 200 флоринов в год можно было содержать семью, жить в хорошем просторном доме, иметь двух слуг, лошадь и осла. Золотой флорин начали впервые чеканить во Флоренции в 1252 году, он очень быстро стал ходовой валютой в Европе. На одной стороне монеты чеканили флорентийский ирис, на другой – лик покровителя города – Святого Иоанна Крестителя. Монета была из чистого золота 24 карата весом 3,54 грамма. Еще одна хитрость, на которой можно было немало заработать, состояла в том, что с монеты можно было спилить напильником немного золотой пыли. Ее вес чуть уменьшался, но это было почти незаметно. Такие монеты старались сбыть иностранцам, которым не приходило в голову ее взвесить. А иностранцы – это были все те, кто жил за пределами Флорентийской республики. Постепенно пыль накапливалась, и

из нее отливали солидные золотые слитки. Но флорентийцев обмануть было невозможно, они тщательно проверяли и взвешивали каждый флорин. У них в ходу была поговорка: *San Giovanni non vuole inganni*, транскрипция: «Сан Джованни нон вуоле инганни». Но при переводе на русский рифма теряется: «Святой Иоанн не хочет обмана». Чтобы легче было понять, сколько это было в пересчете на современную валюту: 1 золотой флорин – это примерно 110 евро или 150 долларов. Проще всего умножать хотя бы на сто, чтобы было понятнее в евро. Или можно взять калькулятор и посчитать точно.

В 1397 году Джованни ди Биччи оставил римский филиал в руках надежных партнеров и вернулся с женой домой. На родине он основал головную контору, эта дата и считается открытием банка Медичи во Флоренции. Город становится банковской столицей Европы и постепенно вытесняет из этой роли Сиену, которая так и не оправилась до конца после эпидемии чумы. Прибыль, которую приносил банк Медичи, Джованни тут же старался вложить в какое-нибудь доходное дело: покупку земли и замков Треббิโอ и Кафаджоло в родном Муджелло, торговые связи с северными европейскими странами – Англией и Фландрией, где можно было закупить очень дешевой овечьей шерсти, обработать и выгодно перепродать. Джованни вложил немало денег и в текстильную мануфактуру, которая продолжала процветать в Тоскане. Его можно было сравнить с мифологическим царем Мидасом,

который превращал в золото все, к чему бы ни прикасался.

Кроме флорентийского филиала Джованни открыл отделение банка Медичи в Венеции во главе с партнером Нери Торнаквинчи, потомком еще одного старинного флорентийского рода. Потом были открыты филиалы в Неаполе и в Гаэте, банк постепенно разрастался. Римским отделением продолжали управлять партнеры под его контролем, там тоже дела шли вполне успешно. Джованни начал рано приучать к банковскому делу старшего сына Козимо, который войдет в историю под именем Козимо Старший Медичи, Отец Отечества.

Кроме Козимо в семье Джованни ди Биччи и Пиккарды Буэри родилось еще три сына: Лоренцо, Дамиано и Антонио. Антонио умер в 12-летнем возрасте по неизвестной причине. Это не было редкостью, дети часто умирали в младенчестве от врожденных дефектов или болезней, которые не умели диагностировать. Дамиано родился через год после Козимо и скончался в возрасте трех лет, причины его смерти тоже неизвестны. Но когда Козимо решил выбрать святых покровителей своей семьи, он выбрал Косьму и Дамиана. Возможно, потому что эти святые были врачи, а слово «Медичи» переводится как «врачи». Но есть другое мнение – потому что имена совпадали с именем самого Козимо – Косьма, и его рано умершего брата Дамиана. По заказу Медичи этих святых часто изображали на алтарных образах со сценами: Мадонна с младенцем и святыми. Косьму писали смотрящим на

зрителя, а взгляд Дамиана направлен на Богородицу. Лоренцо был на пять лет младше Козимо, его называют Лоренцо Старший, чтобы отличить от других членов семьи Медичи с таким же именем. Лоренцо во всем помогал брату, был его правой рукой, вел дела банка и разделил с ним изгнание. Когда он умер в возрасте 46 лет, Козимо взял на себя заботу о его сыне Пьерфранческо, потомки которого станут великими герцогами Тосканы.

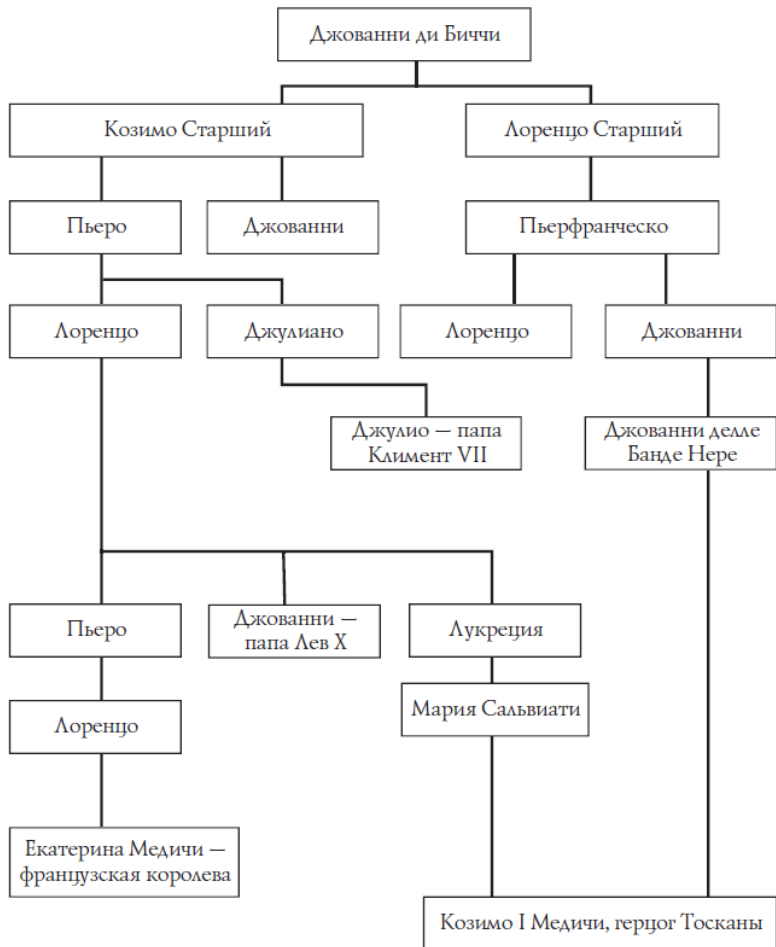
Разобраться в их семейных связях и потомках нелегко, но если вы посмотрите на генеалогическое древо династии, то увидите, что в определенный момент две ветви Медичи: та, что шла от Козимо Старшего, и та, что шла от его брата Лоренцо Старшего, – слились в одну. У Пьерфранческо было два сына: Лоренцо и Джованни, у последнего – сын Лодовико, которого его мать Катерина Сфорца стала называть Джованни после смерти мужа. Впоследствии его будут называть Джованни делле Банде Нере, «Джованни черных лент». Когда я буду писать о нем главу – объясню происхождение прозвища. Это линия Лоренцо Старшего Медичи.

Теперь Козимо Старший, у него было два сына: Пьеро и Джованни. Джованни умирает молодым, у Пьеро рождаются два сына: Лоренцо и Джулиано, и три дочери: Мария, Бьянка и Наннина. Джулиано был убит, у него был только внебрачный сын Джулио, который станет римским папой под именем Климента VII. У Лоренцо, которому дадут прозвище «Великолепный», рождается три сына: Пьеро, Джованни –

будущий папа Лев X, и Джулиано. И четыре дочери: Лукреция, Луиза, Магдалина и Контессина. Дочь Лоренцо Великолепного Лукреция выйдет замуж за Якопо Сальвиати, и их дочь Мария Сальвиати станет женой Джованни делле Банде Нере – вот вам и первый родственный брак в этой семье. Но это было очень дальнее родство, на качество потомства оно не повлияло. Их единственный сын Козимо станет первым герцогом Тосканы под именем Козимо I.

Генеалогическое древо Медичи

Я опубликовала выше упрощенное генеалогическое древо Медичи, чтобы было легче понять. Не всех персонажей упомянула, только тех, о которых нужно знать в данный момент. Потом, постепенно, буду добавлять других. У Медичи было много внебрачных детей, у которых тоже были потомки. Один из незаконнорожденных отпрысков этой династии был римским папой, второй – герцогом Флоренции. В те времена внебрачные дети – совершенно нормальное явление. Они часто появлялись у прислуги, жили в домах своих отцов, и жены отцов растили их вместе с собственными детьми. Генеалогическое древо герцогов Медичи я опубликую во второй части, а пока вернемся к Джованни ди Биччи. Время шло, благосостояние семьи росло благодаря умелым вложениям, в основном в земельные участки и недвижимость.

Жители Флоренции тогда уже не старались строить высо-

кие башни, времена гражданской войны прошли. Такие сооружения укорачивали, объединяли вместе два, три или четыре строения и иногда украшали верхнюю часть зубчиками. На первом этаже были открытые мастерские и лавки – магазины для продажи товаров. Широкие и низкие арки нижнего этажа были всегда открытыми, можно было свободно войти и выбрать любое изделие для покупки на прилавке у входа. Мастерские с рабочими инструментами и станками располагались тут же, в глубине помещения. Рядом с арками были узкие двери, за которыми начинались крутые лестницы, ведущие на верхние этажи. Появились окна со ставнями и стеклами вместо бойниц. Не все могли позволить себе такую роскошь, как стеклянное окно, только состоятельные люди. Бедные смачивали кусок льняной ткани в жидком воске, натягивали на раму и, когда воск застывал, получалось мутное окно. У самых богатых были свои колодцы прямо в доме – это тоже стоило очень дорого. Воду поднимали в деревянных ведрах до верхнего этажа, где находилась кухня. Еще выше кухни была терраса, на которой служанки развешивали постиранное белье. Или женщины сушили волосы после того, как их мыли. Помыть волосы дома было непросто: женщины носили длинные волосы, и процедура мытья занимала целый день. Для того, чтобы их высушить, предварительно надевали шляпу с широкими полями и отверстием посередине. Таким образом лицо прикрывали от солнца, а волосы подставляли солнечным лучам, пропуская их через отверстие.

Женщины во все времена хотели выглядеть моложе и красивее, даже у этрусских дам были объемные косметички с натуральной косметикой. Они готовили снадобья из полезных трав, пыльцы и злаков. Во времена Средневековья девушки тоже использовали разные способы, чтобы улучшить свою внешность. Среди аристократок в моде были светлые волосы и бледная кожа, никакого румянца и загара не допускалось. Если тебе не повезло и ты родилась с темными волосами – приходилось их осветлять. Для волос использовали конскую мочу, а для кожи были сложные рецепты из молока с травами, настоящими в теплом конском навозе. Считался красивым очень высокий лоб, поэтому волосы со лба выщипывали или выбривали. Брови не удаляли полностью, как иногда можно увидеть на портретах. Портреты давно не реставрированы и часто покрыты толстым слоем лака, за которым детали теряются. Была допустима тоненькая полоска бровей. Лицо часто пудрили белилами с примесью свинца, это обеспечивало аристократическую бледность, но для кожи не было полезно.

Наконец, в XIV веке появились первые туалеты в домах. Водосточные трубы были в основном для сбора дождевой воды, но появились и для отвода нечистот. Для уборной пристраивали небольшую мансарду, из которой трубы вели на улицу и заканчивались глубоко в земле. В потолках первого этажа делали отверстия, через которые можно было лить кипящую воду или масло на головы врагов в случае нападения.

Мылись в основном в общественных банях, но при желании можно было и дома соблюдать гигиену.

Джованни ди Биччи жил в одном из таких строений на улице Ларга, ее название переводится «широкая». Сейчас она называется улица Кавур по фамилии первого премьер-министра объединенной Италии. В бывшем доме Медичи теперь находится Макдональдс, а на фасаде сохранился герб с восемью шариками. Это еще не были первые дворцы-палаццо, а что-то переходное между башней и дворцом. Потом, когда благосостояние семьи вырастет, Медичи переедут в новый дом около кафедрального собора и закажут расписать комнаты фресками – портретами знаменитых людей Флоренции.

В банковских делах Джованни предпочитал не ввязываться в рискованные сделки, а действовать осторожно, использовать традиционные методы и растить капитал потихоньку. Жизнь он вел скромную, не любил выделяться и сыновей своих учил «не болтаться без дела около палаццо Синьории, а ждать, когда позовут. И должности занимать, только если попросят. Не выставяться перед народом, а уже если этого не избежать, то стараться свести представление к минимуму». Амбиций у него не было, он не старался прорваться к власти во что бы то ни стало и в совет приоров избирался не чаще своих друзей и партнеров. Однажды его избрали в комиссию наиболее уважаемых жителей города, которые должны были выбрать победителя конкурса на лучший про-

ект новых бронзовых дверей Баптистерия. Шел 1401 год.

Здание Баптистерия представляет собой огромный восьмигранник диаметром примерно 25 метров с плоским куполом. Здание построено в средневековом романском стиле с толстыми стенами, маленькими окнами и слепыми арками на небольших колоннах, которые выполняют только декоративную функцию. Купол покрыт белым каррарским мрамором, а стены облицованы полосками из белого и зеленого мрамора XII века. Это была первая мраморная облицовка Флоренции, как и фасад церкви Святого Мины Флорентийского на горе. Внутри, посередине крестильни, была большая восьмигранная купель, которую смонтировали в конце XVI века. Пол инкрустирован разноцветным мрамором в начале XIII века, на одной из панелей изображены знаки зодиака. Точно так же и тогда же был украшен пол церкви Святого Мины. Внутренний купол инкрустирован византийской мозаикой на золотом фоне со сценами Страшного суда, ада и рая, историями из Ветхого и Нового Завета и ангельскими иерархиями: серафимы, херувимы, престолы, господства, силы, власти, начала, архангелы, ангелы. В западной части купола Баптистерия изображен огромный Иисус Пантократор. Во Флоренции не было своих мастеров по византийской мозаике, для этого приглашали венецианцев. Купол украшали с середины XIII до середины XIV века. Эти же мастера выполнили мозаику в апсидальной части и на фасаде церкви Сан-Миньято на горе с изображением Иисуса Богородицы и

святого Мины. Позже, в XV веке, во Флоренции появился свой стиль «под названием флорентийская мозаика».

Входа в Баптистерий три: с южной, северной и восточной сторон, с западной находится алтарь. Восточные ворота расположены прямо напротив главного входа в собор, и площадь между Баптистерием и храмом называли Раем. Изначально три входа закрывали простые деревянные двери, которые были безнадежно испорчены. В середине XIV века пригласили из Пизы скульптора Андреа Пизано, который высекал мраморные рельефы для колокольни Джотто и отливал бронзовые ворота Баптистерия. Их установили с восточной стороны как главные ворота, ведущие в «Рай».

Рельефы колокольни получились великолепные: сразу видно, что фантазия у художников и скульпторов не была ограничена никакими рамками. На шестиугольных панелях изображены сцены: создание Адама, создание Евы и аллегории ремесел. На четырехугольных – аллегории планет, которых тогда насчитывали семь, включая Солнце и Луну, свободные ремесла, церковные обряды и фигуры добродетелей. Планета Венера изображена в виде женщины, которая держит на ладони двух влюбленных. Марс как всадник в военных доспехах, Сатурн как монах в рясе с выбритой тонзурой и с чашей в руке. Из аллегорий ремесел самая любопытная – медицина, которую большинство туристов принимает за гончара с кувшином. На самом деле это изображен врач, который рассматривает на свет мочу в стеклянной колбе. То-

гда это был основной метод диагностики: учитывали цвет, мутность и даже вкус мочи. Бедным докторам приходилось пробовать мочу пациентов на вкус – что не сделаешь ради любимой профессии и денег. Ремесло винодела изображено как сцена опьянения Ноя, кто же был первый винодел, если не он? Тосканцы считали, что Ной прибыл с ковчегом не на гору Арарат, а в Тоскану. Здесь он посадил виноградную лозу, которую принесло рекой из сада Эдема, выдавил сок из ягод, выпил и охмелел – так Ной получил вино. Не пренебрегали в те времена и мифологией – Дедал со склеенными воском крыльями олицетворяет механику.

Андреа Пизано был одаренным мастером и по мрамору, и по бронзе. Около шести лет у него ушло на отливку первых бронзовых дверей Баптистерия, совсем немного, по сравнению с последующими мастерами. Работа была несложной: 20 панелей с историями из жизни святого Иоанна Крестителя и восемь – с фигурами добродетелей. Сцены плоские, никакого трехмерного пространства, лица символичны, все по правилам. Рама между панелями украшена простыми одинаковыми ромбами и цветами, чередующимися друг с другом. По углам панелей – львиные головы, как раз льва тогда выбрали символом Флоренции. Несколько лет назад эти ворота сняли, отреставрировали и поместили в музей собора. Оригиналы казались просто отлитыми из бронзы, но когда удалили всю накопившуюся грязь, – оказалось, что панели позолоченные. На копиях, которые установили вместо оригиналов,

позолоту не повторили. В Средние века использовали слишком токсичную технику огневого золочения с применением ртути, которую больше не используют.

В 1401 году было решено поместить двери работы Андреа Пизано с южной стороны и отлить новые бронзовые ворота для восточного входа. Гильдия торговцев тканями курировала Баптистерий, они организовали конкурс на изготовление дверей и оплачивали работу и материалы. Частные дарения приветствовались. Возможно, тогда Медичи впервые и проявили себя как меценаты, пожертвовали на искусство определенную сумму. В конкурсе участвовали многие молодые скульпторы, среди которых были 23-летний Лоренцо Гиберти и 24-летний Филиппо Брунеллески. Из Сиены приехал Якопо делла Кверча, который потом прославился как создатель фонтана Радости в своем родном городе. Условием конкурса было отлить бронзовую панель с изображением сцены жертвоприношения Исаака. После долгих обсуждений выбрали две лучшие работы – это оказались панели Лоренцо Гиберти и Филиппо Брунеллески. Затем было новое голосование, и традиционно считается, что победителем конкурса стал Гиберти. Обиженный Брунеллески тогда решил завязать со скульптурой и уехал в Рим изучать архитектуру. Но есть другое мнение: победителями были оба, и им предложили вместе трудиться над воротами. Для Лоренцо Гиберти это был приемлемый вариант, но только не для Филиппо. Характер у него был скверный, он не терпел партне-

ров, проект должен быть его и только его. Поэтому мастер сказал «Чао» собрал вещички и отправился в Рим. Вместе с ним поехал его большой друг, 16-летний Донато ди Никколо ди Бетто Барди по прозвищу Донателло. Впоследствии Донателло станет основоположником стиля Возрождения в скульптуре, а Филиппо Брунеллески – в архитектуре.

Эти конкурсные панели не пропали, сейчас их можно увидеть в национальном музее Барджелло во Флоренции. Лоренцо Гиберти расстраиваться не стал, а взялся за проект и за работу. На этот раз было решено изобразить сцены из Нового Завета, евангелистов и учителей Церкви. На эту работу ушло почти 22 года, Гиберти старался добиться совершенства. Но попутно он занимался и другими заказами, например отлил три бронзовые статуи святых покровителей гильдий для ниш церкви Орсанмикеле. Лоренцо решил отлить ворота посложнее, чем южные двери, – все мастера были тщеславными и хотели быть лучше всех. На панелях появляется больше объемности, кое-где уже есть перспектива. Рамки он украсил головами разных персонажей из Библии, не забыл и самого себя: над сценой «Благовещение» находится его автопортрет в тюрбане. А на следующих двух панелях есть его подпись *opus Laurenti florentini* – произведение Лаврентия Флорентийского. Лоренцо – это Лаврентий по-итальянски. Рамки он украсил насекомыми и животными: жуками разных видов, саранчой, осами, слепнями, тлей, ящерицами, лягушками, змеями, улитками и другими тварями.

Почему он это сделал – неизвестно. Возможно, это был своего рода амулет: эти твари олицетворяют зло и, размещенные снаружи, охраняют от входа зла в крестильню. Но это только предположение.

Джованни ди Биччи в 1401 году был всего 41 год, самый расцвет жизни. Хотя и говорят, что в Средние века продолжительность жизни была около 40 лет, в лучшем случае – 50. Но на самом деле все жили по-разному. Если учитывать высокую детскую смертность, родовую горячку, эпидемии чумы, холеры, туберкулез, малярию, которые не знали, как лечить, и из-за чего многие умирали раньше положенного срока, а потом рассчитать среднюю продолжительность жизни, то получится около 40 лет. Но, например, Джотто прожил 70 лет в начале XIV века, Лоренцо Гиберти дожил до 77 лет, Филиппо Брунеллески – 69 лет, Донателло – 80 лет. Дольше всех прожил Микеланджело Буонарроти, он скончался в Риме в возрасте почти 89 лет, только две недели не дожил до своего дня рождения. И выхаживал своего брата, когда тот заразился чумой, при этом сам остался жив и здоров. В чем был секрет его долголетия? Может быть, в том, что он был увлечен своим делом, мало ел и много работал? Никто не ответит на этот вопрос. Но Микеланджело – это уже другая эпоха и другие Медичи.

Джованни ди Биччи прожил 69 лет, ему повезло не заразиться ни чумой, ни чахоткой, ни какой-либо другой смертельной болезнью. Дела его банка шли прекрасно, прибыль

текла рекой. Были иногда просчеты и неудачные сделки, ведь не бывает всегда все идеально. Но когда они были, то быстро покрывались другими доходами. Именно Медичи придумали систему: дебет и кредит, чтобы четко следить за всеми доходами и расходами. И вдруг он неожиданно решился на рискованную авантюру.

Еще в Риме Джованни познакомился и подружился с авантюристом по имени Бальтазар Косса, родом из благородной, но обедневшей неаполитанской семьи. В юношеском возрасте Бальтазар сбежал из дома и промышлял пиратством и разбоем. Он наградил солидную сумму денег, но не стал их транжирить в кабаках, а потратил на хорошее образование. Косса окончил юридический факультет Болонского университета, старейшего в Италии, и получил диплом юриста. Потом Бальтазар попробовал себя в разных сферах деятельности и решил, что лучшая карьера для него – церковная. Его целью было стать римским папой, а для этого сначала нужно дослужиться до кардинала. Времени не оставалось, более короткий путь был: купить кардинальскую мантию. Денег на это уже не было, требовалось 12 000 флоринов. Вот тут-то он и вспомнил про своего старого друга Джованни ди Биччи ди Медичи. Джованни, как ни странно, ссуду выдал, несмотря на очень сомнительную репутацию бывшего пирата. Риск был большим, но Медичи являлся дальновидным и расчетливым банкиром. Он знал, что если Косса станет папой, то сам Джованни будет папским банкиром –

а это означало сорвать самый большой куш в своей жизни. Тогда банк Медичи станет одним из самых крупных в Европе, и никакие кризисы уже не будут страшны. Бальтазар купил кардинальский сан, но понадобилось еще 9 лет, в течение которых Джованни регулярно снабжал друга деньгами, пока он не стал понтификом. Думаю, и тут без крупной суммы денег не обошлось.

Один маленький нюанс: с 1378 года был период Великой схизмы, когда выбирали не одного, а двух пап: одного в Риме, второго в Авиньоне. Это надоело императору Священной Римской империи Сигизмунду, он призвал кардиналов и пап к порядку и велел покончить с двоепапством. Конклав был созван в Пизе в 1409 году с целью выбрать одного-единственного папу из двух уже существующих: Григория XII и Бенедикта XIII. Конклав начался 25 марта, в день католического Благовещения, и длился три месяца. На нем присутствовал и наш друг кардинал Бальтазар Косса, который всеми силами старался успокоить и призвать к порядку ругающихся кардиналов. Наконец, 26 июня, был избран... третий папа в Пизе. Им стал кардинал Питер Филарги, который принял имя папы Алессандро V. Казалось, Медичи проиграли, но это длилось недолго. Не прошло и года, как папа Алессандро V скончался. На этот раз во время нового конклава в Пизе был избран понтификом Бальтазар Косса, и Медичи становятся банкирами Папской курии. Косса выбрал имя Иоанн XXIII, может быть, потому что его покровителя зва-

ли Иоанн, по-итальянски: Джованни – Джованни ди Биччи Медичи.

Папы были более надежными клиентами, чем короли. Папскую казну всегда можно было пополнить продажей свя-
тых мощей, которые ценились дороже любого другого това-
ра. Считалось, что реликвия точно может излечить от любой
болезни, нужно только правильно перед ней молиться. А ес-
ли не помогает, то можно подержать мощи святого в воде и
потом выпить эту воду. Еще лучше – растереть кусочек ко-
сти святого в порошок и проглотить. После этого умирали
еще быстрее, но зато была надежда попасть сразу в рай, это
тоже хорошо. Еще процветала симония – продажа церков-
ных должностей. Помните, сколько денег потратил Бальта-
зар, чтобы купить кардинальскую мантию? И, наконец, мог-
ла выручить продажа индульгенций – отпущение всех грехов
за деньги. Рай после смерти в этом случае был точно «garan-
тирован». Папы свои денежные дела сами вести не могли,
этим занимались их банкиры, в число которых попали и Ме-
дичи. Обороты были такие огромные, что их можно сравнить
с оборотами нескольких мультинациональных компаний. А
банки, соответственно, получали свои комиссионные, кото-
рые у Медичи достигли 1900 флоринов в год. Помните, что
на 200 флоринов в год можно было вести безбедную жизнь в
хорошем дворце и содержать большую семью? Доходы Ме-
дичи были почти в 10 раз выше.

Все прошло гладко, но хорошее не всегда длится долго.

Император Сигизмунд решил снова положить конец схизме и низложить двух пап. Как это так, он один, а пап целых три. Хотя войны гвельфов и гибеллинов уже давно канули в Лету, но память о них еще была сильна. Для решения этого вопроса император настаивает на новом соборе католической церкви, и папа Иоанн XXIII был вынужден созвать его в немецком городе Констанц, который был тогда столицей империи. Сопровождать понтифика на собор взялся молодой 25-летний Козимо, старший сын Джованни ди Биччи. Отец уже давно приучал сыновей Козимо и Лоренцо к банковскому делу: они вместе путешествовали по Европе, открывая филиалы повсюду. Постепенно отделения банка Медичи окутали, как паутиной, всю Европу – от Исландии на севере до Каира на юге, от Лиссабона на западе до Кракова на востоке. Но теперь пришел черед старшего сына действовать самому, для него это была хорошая возможность познакомиться с представителями крупнейших европейских финансовых кланов из Германии, Польши, Франции, Испании. И, по возможности, завязать полезные связи, которые скрепили бы деловые взаимоотношения на десятилетия вперед. Констанцкий собор шел три с половиной года: с ноября 1414 по апрель 1418. Кроме вопроса о церковной схизме, Сигизмунд хотел раз и навсегда покончить с еретиком по имени Ян Гус, который выступал против папских индульгенций. С Гусом вопрос был решен быстро: его учение было признано ересью, и вольнодумца сожгли на костре.

Но как ни тяни, а двое из трех пап: Иоанн XXIII, Григорий XII или Бенедикт XIII – должны были отречься. Начали разбирать их кандидатуры, и когда очередь дошла до Иоанна, то у многих просто волосы встали дыбом от всех тех обвинений, которые ему были предъявлены: пиратский разбой, убийства, прелюбодеяние, насилие, содомия, кровосмешение, убийство предшественника, папы Александра V, коррупция, подкуп и так далее, более семидесяти обвинений. Папа Иоанн XXIII был вынужден отказаться от престола, затем он бежал из города, переодевшись лучником. Но вскоре Бальтазар был пойман и помещен в Гейдельбергский замок под стражу. Перед бегством Косса успел тайком передать Козимо роскошную папскую митру, украшенную драгоценными камнями. Ее удалось вывезти из Констанца и доставить во Флоренцию. Император объявил Иоанна XXIII низложенным, заставил отречься Григория XII и Бенедикта XIII, и, в конце концов, был выбран совершенно новый папа, Мартин V. Так завершилась Великая схизма, и Констанцкий собор был распущен.

Однако Медичи не забыли своего «дорогого» друга. Император объявил выкуп за Бальтазара в размере 35 000 флоринов, и Козимо передал эти сведения отцу. Джованни ди Биччи уплатил выкуп – и бывший папа был на свободе. Тюрьма никому не идет на пользу, больной и состарившийся Косса приехал во Флоренцию к Медичи, которые потратили на него целое состояние. Несмотря на свою репутацию,

Бальтазар все же одно время был понтификом, а это немало важно. Благодаря ему престиж банка Медичи существенно вырос за эти годы и стал одним из самых известных во всей Европе. Так что какие-то 35 000 флоринов были ничто для Джованни ди Биччи. К тому же он демонстрировал свою верность дружбе и данному слову, а также надежность как деловой партнер. Никто не мог его обвинить в предательстве друга, иначе его авторитет сразу бы упал, а акции банка снизились.

Вскоре новый папа Мартин V прибывает во Флоренцию, где Медичи встречают его со всеми почестями и обустроят ему роскошные апартаменты в базилике Санта-Мария Новелла. Для этих комнат молодой Донателло высекает статую льва из светло-серого флорентийского песчаника под названием «пьетра серена» (pietra serena). Флорентийского льва называют Мардзокко, у Донателло он опирается лапой на белый щит с красным ирисом – символом Флоренции. В начале XIX века эту статую перенесли на площадь Синьории, где в настоящее время она заменена на копию. Оригинал находится в национальном музее Барджелло вместе со многими другими работами Донателло. Почему во Флоренции льва называли Мардзокко? Потому что, по легенде, в языческие времена покровителем Флоренции был выбран бог войны Марс. Его статуя со львом находилась в храме Марса, который, предположительно, был построен на том месте, где в настоящее время находится Баптистерий. Храм был разру-

шен, и статую Марса установили на Старом мосту, в то время еще деревянном. Когда наводнение 1333 года разрушило Старый мост, статуя божества пропала, наверное, унесло течением. А льва нашли, выбрали символом Флоренции и ласково называли Мардзокко, маленький Марс.

Во Флоренции бывший и настоящий папа помирились под неусыпным взором Джованни ди Биччи – это было условие, которое он поставил своему другу Косса перед выкупом. Мартин V даже вернул Бальтазару Косса кардинальский сан. Джованни ди Медичи рассчитывал вновь стать банкиром Папской курии, но это удалось не сразу. Тем временем Бальтазар умирает, назначив своими душеприказчиками Медичи. Митра, скорее всего, осталась у них. Плюс Джованни унаследовал от Косса ценную реликвию: перст святого Иоанна Крестителя. Наверняка были и другие драгоценности из папской казны, которые Иоанн XXIII успел извлечь и припрятать. Сейчас этот перст можно увидеть в музее кафедрального собора в красивой реликварии из горного хрусталя, бронзы с позолотой и эмали. Бальтазар был похоронен во флорентийском Баптистерии, где до сих пор можно полюбоваться его гробницей из позолоченной бронзы работы Донателло и Микелоццо, еще одного скульптора и архитектора эпохи Возрождения. Несмотря на теплый прием со стороны Медичи, папа Мартин V назначил своими банкирами семейство Спини. Но через семь лет банк Спини обанкротился и Медичи заполнили образовавшуюся брешь.

Деньги деньгами, а о душе тоже надо было позаботиться. У Медичи уже была своя часовня в базилике Санта-Кроче, но она была далеко от их дома. Совсем рядом с ними находилась церковь Святого Лаврентия мученика, к тому же своего младшего сына Джованни назвал Лоренцо, а по имени – и святой покровитель человека. Себе Джованни ди Биччи выбрал покровителем святого Иоанна Евангелиста, у старшего сына Козимо святой покровитель – Косьма. Именем Лоренцо Медичи будут часто называть своих сыновей, среди них будет и знаменитый Лоренцо Великолепный.

Церковь Сан-Лоренцо (San Lorenzo), которая в начале XV века была в плачевном состоянии после пожара, Джованни решил отремонтировать на свои деньги. Особенно жалко она выглядела по сравнению с такими базиликами, как Санта-Кроче и Санта-Мария Новелла, где многие богатые семьи Флоренции имели свои часовни. Требовался не только капитальный ремонт здания, но и расширение, постройка новой апсиды и хоров, совершенно новый проект. Архитектором, недолго думая, выбрали Филиппо Брунеллески – того самого скульптора-неудачника, который проиграл конкурс на изготовление бронзовых дверей Баптистерия. Филиппо уже давно вернулся из Рима, где он вместе с Донателло изучал при раскопках античную архитектуру. Вазари пишет, что римляне принимали их за искателей сокровищ: они бегали по городу с лопатами, выкапывая остатки древних зданий и статуй. Брунеллески был полон сил и новых идей, которые тщатель-

но скрывал от других, чтобы их никто не украл. Но почему именно Брунеллески? Как я уже писала, Медичи нравилось все новое, необычное. Все уже устали от готики с ее перегруженностью, остроконечностью и стремлением ввысь. А Филиппо тогда уже проявил себя как талантливый архитектор. Он выиграл конкурс на проектирование купола собора Санта Мария дель Фьоре, который к тому времени больше 20 лет стоял с огромной дырой над средокрестием. Так называют место пересечения нефа и трансепта, продольного и поперечного крыла церкви. Еще Брунеллески спроектировал новый сиротский приют на площади Святого Благовещения. Джованни ди Биччи тогда возглавил комитет по строительству здания, вложил в это дело достаточно крупную сумму денег и зарекомендовал себя как щедрый меценат.

Идеи Брунеллески были совершенно новаторские, ничего подобного во Флоренции не строили уже 900 с лишним лет, после падения Западной Римской империи. Воспитательный дом, который называют по-итальянски Ospedale degli innocenti, больница для невинных, – это был главный приют города для детей-подкидышей. Женщины, которые не могли растить своих новорожденных сами по каким-либо причинам, чаще всего экономическим, оставляли детей в воспитательном доме. Для этого сбоку под окном была специальная чаша с подъемником, рядом с которой находился колокольчик. Женщины оставляли младенца на чаше, часто с каким-нибудь амулетом. По талисману ребенка можно было

потом узнать и по возможности забрать. Потом они звонили в колокольчик и уходили. Через несколько минут работник приюта открывал окно и забирал младенца. Чаще всего за ним никто не приходил, дети росли в приюте до своего совершеннолетия, и амулеты оставались там же. Все архивы сохранились, детям придумывали имена и даже фамилии. Их регистрировали и записывали, какие амулеты кому принадлежат. Мальчиков обучали читать, писать и помогали освоить какое-нибудь ремесло. Девочек не считали нужным обучать грамоте, их учили шить, готовить и прививали другие навыки, необходимые для домохозяйки. Потом девушек обеспечивали приданым, благодаря которому выпускница приюта могла выйти замуж или уйти в монастырь. Покидая приют, молодой человек или девушка могли забрать амулеты. Но нередко они оставляли их там, и сейчас эти талисманы можно увидеть в музее.

Воспитательный приют – это первый архитектурный проект Филиппо Брунеллески и первое здание, построенное в стиле Возрождения. Его портик украшен рядом простых, одинаковых колонн из ясного камня *pietra serena*. Так называют флорентийский песчаник серо-голубого цвета, который добывается до сих пор в каменоломнях Сеттиньяно и Майано, сейчас это пригороды Флоренции. Ясный камень не использовали для постройки стен из-за более мягкой структуры, чем у другого типа флорентийского песчаника под названием *pietra forte* (сильный камень). Это камень грязно-

вато-желтого цвета с примесью железа, поэтому он гораздо более прочный. Вся Флоренция была построена из сильно-го камня и украшена ясным камнем. Филиппо Брунеллески предпочитал три цвета: белый – штукатурка, серый – ясный камень, и терракотовый – полы из обожженной глины, которая приобретает красноватый цвет после обжига. Материалы: камень, глина и штукатурка – самые дешевые, они вполне пригодны для строительства церквей и приюта. И если кто-то при постройке осмеливался нарушить его гармонию и цветовую гамму, Брунеллески приходил в такое бешенство, что мог немедленно уволить человека и рассориться с ним на всю жизнь. Так случилось с другом Донателло, но об этом позже. Сейчас вернемся к архитектуре приюта.

Колонны лоджии находятся на одинаковом расстоянии друг от друга и соединены полукруглыми арками, которые опираются на капители. Это было изобретением Филиппо, римляне и греки так не строили, у них арки опирались на прямоугольные или квадратные столбы. Расстояние между колоннами такое же, как ее высота до капителя. Капитель – это верхняя часть колонны, часто украшенная листочками в коринфском стиле или завитушками в ионическом стиле, или и тем и другим в смешанном стиле. Если ничем не украшена – тогда это дорический стиль. В Средневековье капители украшали чем угодно: изображениями голов людей или животных, растений, шишек, рыб и всего, что в голову придет. Ширина портика тоже соответствует высоте колон-

ны и расстоянию между ними. Таким образом получаются визуально кубы с маленькими куполами в виде паруса. Это и есть отличительный стиль архитектуры Раннего Возрождения, стиль Филиппо Брунеллески, который потом повторяли его коллеги. По сравнению с вычурной готикой это было настолько новым, что все жители города приходили посмотреть на это чудо. Брунеллески был признан главным архитектором Флоренции и основоположником стиля Возрождения в архитектуре. Вот он и добился своего признания, но проигранный конкурс помнил всю жизнь.

Пространство между арками над колоннами украсили круглыми люнетами из майолики с изображениями спеленатых младенцев, это стало символом приюта. Над ними работал флорентиец Лука делла Роббиа со своей мастерской, где также трудился его племянник Андреа со своим сыном Джованни. Лука изобрел технику глазурованной терракоты, которая была забыта со времен древних римлян. Как и Брунеллески, он никому не выдавал секрет своей техники. Никто не понимал, почему его изделия приобретают такой приятный блеск. Это был эксклюзив мастерской делла Роббиа, на котором они заработали много денег. Секрет открылся лет через 100, когда работница их мастерской вышла замуж за скульптора Санти Бульони и выдала эту тайну мужу. Оказалось все достаточно просто: нужно было лишь добавить мелко толченное стекло в лак, которым покрывали изделие из раскрашенной терракоты. Оно и придавало такой приятный

блеск.

Медичи поручили Брунеллески спроектировать новую церковь Сан-Лоренцо. На фреске в палаццо Веккио, в зале Козимо Старшего, изображена сцена: Филиппо Брунеллески и Лоренцо Гиберти представляют Козимо макет этой церкви. На самом деле заказчиком был Джованни ди Биччи, а Козимо продолжал дело отца после его смерти. И Гиберти никакого отношения к проекту не имеет, Филиппо никогда бы не потерпел своего давнего соперника. Лоренцо в то время спокойно занимался отливкой бронзовых дверей крестильни, а когда закончил работу и праздновал победу – ему поручили еще более грандиозный проект: восточные ворота Баптистерия.

Брунеллески постарался на славу. Он спроектировал большую, просторную церковь в виде латинского креста, с вытянутым центральным нефом и более коротким поперечным трансептом. Внутри – те же светло-серые колонны со смешанными капителями, на которые на этот раз опирается куб, а потом уже полукруглые арки. Часовни других семей приобрели форму куба, которую мастер считал самой совершенной. И, конечно, его любимое сочетание белого и серого цвета, которое потом перенял Микеланджело Буонарроти, когда проектировал столетие спустя новую ризницу для этой же церкви. А потом Джорджио Вазари, когда проектировал галерею Уффици для офисов. Потом это здание превратилось в самую знаменитую картинную галерею Флоренции.

Джованни ди Биччи не дожид до конца строительства новой базилики, он умер в 1429 году в возрасте 69 лет в кругу любящей семьи: жены и сыновей. Жизнь он прожил по тем временам долгую и вполне достойную. Джованни достиг всего, чего хотел, политикой не интересовался и выделяться не любил, но уважение и поклонение принимал охотно. К нему приходили все жители города за советом или помощью, и он никогда никому не отказывал. Однажды он уволил за мошеннические сделки управляющего венецианским филиалом банка Нери Торнаквинчи. Но когда узнал, что тот живет в нищете в Польше, выслал ему денег. Джованни вырастил двух верных сыновей, которые продолжили его дело. Козимо и Лоренцо значительно приумножили семейные богатства и количество филиалов банка Медичи. Джованни ди Биччи много занимался благотворительностью, делал щедрые вложения в постройки церквей. Благодаря ему во Флоренции был принят новый закон о налогообложении под названием *catasto*, кадастр, опись имущества. Согласно этому закону налоги взимались не только в зависимости от доходов, но и от наличия имущества и недвижимости, и доходов с этого. Таким образом неимущие практически освобождались от налогов и вздохнули с большим облегчением. А богатым олигархам пришлось облегчить кошелек, и это не понравилось многим из них. Флорентийские кланы Альбицци, Строцци, Бранкаччи и некоторые другие стали врагами Медичи.

Сыновья похоронили Джованни ди Биччи в церкви Святого Лаврентия, в левом крыле трансепта. Там находится часовня Старая ризница, ее так называли по сравнению с Новой ризницей, построенной позже. Джованни не хотел лишней помпы, но все равно на церемонию похорон пришли почти все жители Флоренции. По традиции, идущей еще от этрусков, в стене дома пробили отверстие, через которое покойника вынесли на носилках. Только после этого его положили в гроб, а отверстие сразу замуровали. К месту захоронения его сопровождали все родственники, члены Синьории и гонфалоньер, иностранные послы, представители всех ремесленных гильдий и остальные горожане. Было уже понятно, кто настоящие хозяева города. Но подлинным властителем Флоренции станет его сын – Козимо Старший Медичи.

Помещение Старой ризницы полностью спроектировал архитектор Филиппо Брунеллески, который на этот раз придумал купол в виде зонтика с отверстием в центре. В алтарной части помещения был построен совсем маленький купол в виде полусферы. Пол был выполнен из красноватой терракоты, все, как любил Филиппо. Для декоративной отделки Брунеллески пригласил своего давнего друга Донателло, который украсил часовню рельефами с изображениями святых Космы и Дамиана, святого Лаврентия и святого Стефана. Эти барельефы расположены над бронзовыми дверьми его же работы, которые ведут в совсем маленькие помещения. На дверях изображены святые, апостолы и мученики. Дона-

телло выполнил гербы Медичи с восемью красными шарами, рельефы под куполом с евангелистами и четыре истории из жизни святого Иоанна Богослова, покровителя Джованни ди Биччи. Но тут он не учел скверного характера своего друга, неосторожно добавил лишние цвета: синий и черный. Брунеллески разозлился и разругался с другом, они тогда поссорились навсегда. У Донателло характер был не лучше, он тоже вспыхивал от малейшей критики в свой адрес.

В центре Старой ризницы находится стол в виде параллелепипеда с кругом из порфира. Под столом – рельефный саркофаг работы Андреа Кавальканти, приемного сына Брунеллески. В саркофаге покоится прах Джованни ди Биччи и его жены Пиккарды Буэри, которая пережила мужа на четыре года. Но почему под столом? Тут две причины. Первая – Джованни хотел вознестись на небо через порфиновый круг и отверстие в куполе. Так его святой покровитель Иоанн Евангелист вознесся после смерти на небо, не только душой, но и телом. Вторая – чтобы посмотреть саркофаг, посетители ризницы вынуждены поклониться. Таким образом они поклоняются Джованни ди Биччи даже после его смерти.

Глава 4

Козимо Старший

Медичи – отец отечества

Козимо Медичи родился 27 сентября 1389 года и был долгожданным первенцем Джованни ди Биччи и Пиккарды Буэри. Только через три года после свадьбы она смогла забеременеть и благополучно выносить ребенка. Козимо и его брат Лоренцо получили прекрасное гуманистическое образование при монастыре Санта-Мария дельи Анджели, это переводится Святая дева Мария Ангелов. Монастырь пользовался хорошей репутацией как колыбель новых знаний в духе античной Греции и Рима. В Средние века только в исламском мире и в Византии сохранились труды древнегреческих философов. Испания была захвачена арабами, и когда она была вновь завоевана христианами – европейские ученые открыли для себя забытую на много лет философию античного мира. В школах при монастырях изучали три науки: диалектику, риторику и грамматику. Объединение этих трех предметов называют «тривиум». Потом добавили еще четыре: арифметику, геометрию, астрономию и музыку – квадривиум. Все эти науки вместе назывались семью свободными искусстваами. Кроме этих предметов братья изучали богословие, философию, искусство, латынь, греческий и арабский

языки. Отец Джованни ди Биччи сам обучал их торговле и банковскому делу.

О Лоренцо Старшем Медичи говорят и пишут мало, он не выделялся на фоне своего старшего брата Козимо. Но Лоренцо всегда был верным помощником своего старшего брата во всех делах: он участвовал в мероприятиях, выполнял многие дипломатические задачи и разделил с ним изгнание. Лоренцо Старший был женат на Джиневре Кавальканти, девушке из очень благородного флорентийского рода. Для часовни этой семьи в церкви Санта-Кроче Донателло высекал горельеф на тему Благовещения, который сохранился там до сих пор. Горельефом называют высокий рельеф, Донателло выполнял такие редко. Он был скорее специалистом по барельефам – низким рельефам. Скульптор изобрел во Флоренции новый вид очень плоского рельефа под названием *stiacciato* (стыяччато), это означает «приплюснутый». При этом он изображал трехмерное пространство с помощью градаций рельефа буквально на доли миллиметров: чем ближе, тем он более высокий, а чем дальше, тем становится все более плоским. Это хорошо видно на примере его барельефа с изображением сцены «Святой Георгий убивает дракона», который расположен под нишей в стене церкви Орсанмикеле. В нише находится статуя святого Георгия работы Донателло, которую вместе с рельефом он выполнил по заказу гильдии оружейников. Святой Георгий напряженно всматривается в даль, на север, в сторону давних врагов

Флоренции: Пизы и Милана. Его поза настолько естественна, что кажется, будто он вот-вот сделает шаг вперед. Говорят, когда Микеланджело увидел эту скульптуру впервые, он воскликнул: «Иди. Что же ты не идешь?»

В браке Лоренцо Медичи и Джиневры Кавальканти родился единственный сын Пьерфранческо, который был женат на Лаудомии Аччайоли, дочери богатого флорентийского банкира. Их сыновья Лоренцо и Джованни впоследствии получают прозвища пополано, «народные». Но это уже позже, после смерти их кузена Лоренцо Великолепного, об этом я буду писать в следующих главах. У Лоренцо Пополано в браке с Семирамидой Аппиано рождаются сыновья и дочери. Но постепенно сведения об их потомках теряются, хотя все они жили во Флоренции. Его брат Джованни был женат на Катерине Сфорца, внебрачной дочери герцога миланского Галеаццо Мария Сфорца. Его портрет кисти художника Пьеро Поллайоло есть в галерее Уффици, их потомки станут великими герцогами Тосканы.

О ранних годах жизни Козимо известно немного, его портретов в молодом и зрелом возрасте нет, он никогда не заказывал их. Есть только его прижизненный портрет на фреске «Кортеж волхвов» работы Беноццо Гоццолли в часовне дворца Медичи-Риккарди, но он идеализирован. Козимо было уже за 70 лет, когда художник писал фреску. На ней он выглядит моложе и не очень похож на остальные его изображения. Почти все живописцы, которые писали его портреты,

жили намного позже и лично знать Козимо не могли. Только один – Алессандро Боттичелли – прекрасно его помнил. Когда Козимо Старший умер, Боттичелли было 19 лет, он был учеником Филиппо Липпи, любимого художника Медичи. В 1475 году Алессандро написал для состоятельного горожанина Гаспаре дель Ламы картину «Поклонение волхвов», на которой изобразил представителей семейства Медичи и самого себя. Козимо Старший – это пожилой волхв с седыми волосами, который преклонился пред младенцем. Возможно, это и был первый посмертный портрет Козимо. Самый известный его портрет написал художник по прозвищу Понтормо в середине XVI века. На этой картине изображен старик в красном платье и красном головном уборе, с седыми волосами, крупным носом, смуглой кожей, грубыми чертами лица, слегка выпяченной нижней губой, глазами немного навывкате и некрасивыми руками. Но Понтормо его лично знать не мог, он руководствовался рисунками и эскизами своих предшественников. В XVI веке была уже другая Флоренция и другие Медичи. Портрет работы Понтормо и картина «Поклонение волхвов» Боттичелли находятся в галерее Уффици.

В молодости Козимо вместе с отцом и братом часто путешествовали по Европе по делам банка. После Констанцского собора, во время которого Козимо познакомился с крупными банкирами Европы, он снова отправился в поездку по Франции и Германии. Потом Козимо поехал в Брюгге и Лон-

дон, открыл там филиалы банка Медичи. В Брюгге тогда всю торговали траттами – переводными векселями, которые содержат ничем не обусловленное предложение векселедателя оговоренному в векселе плательщику уплатить определенную денежную сумму векселедержателю. Происходило это на маленькой площади напротив постоянного двора семьи Ван дер Берсе. Отсюда происхождение слова: борса – фондовая биржа. Возможно, уже тогда во время поездки Козимо покупал редкие манускрипты, которые положат начало крупнейшей в мире коллекции книг.

Брак Козимо Старшего и Контессины де Барди

Вернувшись во Флоренцию в 1415 году, Козимо женился на Контессине де Барди, девушке из той самой династии банкиров, которые обанкротились в середине XIV века вместе с Перуцци. Имя Контессина переводится как «маленькая графиня», или «графинюшка». Ее отец Алессандро де Барди назвал дочь в честь последней графини Тосканы Матильды Каносской. Правда, не именем Матильда, а титулом Контессина. Барди после банкротства обеднели, но выжили. Они продолжали вкладывать оставшиеся деньги в земельные участки и недвижимость, таким образом держались на плаву. Но хорошее приданое дочери обеспечить не могли. В лучшие времена представитель старинного благородного

рода Барди ни за что не выдал бы дочь за безродного, хоть и богатого выскочку Медичи. Но тут особого выбора не было: или замуж за Козимо, или в монастырь. Поэтому когда Джованни ди Биччи обратился к Алессандро де Барди с предложением о браке своего сына с его дочерью, тот с тяжелым сердцем согласился. Приданое невесты не интересовало ни Джованни ди Биччи, ни Козимо, денег у них было достаточно. А вот породниться с благородным флорентийским родом было престижно.

Кое-что все же у невесты было в качестве приданого: старый семейный дом, где молодожены поселились после свадьбы. Район, где они жили, находится на другой стороне реки Арно, сразу за Старым мостом. Сейчас эта улица называется по их фамилии: Барди. Там стояли не только дома этой семьи, но и их церковь, которая давно разрушена. С этой церковью связана забавная история: снаружи здания, на фасаде, был саркофаг одного из членов этой семьи Андреа де Барди. Однажды ночью внутрь саркофага забрался вор, который искал добычу. Он провозился до раннего утра, пока не появился вестник муниципалитета и начал оглашать какое-то важное известие. От неожиданности вор выскочил из саркофага и убежал, крича от страха, что его поймают. Но и вестник перепугался не на шутку и убежал с криками «Чур меня, чур меня». Он подумал, что мертвец ожил и сейчас убьет его.

С женой Козимо повезло: веселая, милая Контессина была на год младше его. Она любила мужа, была хорошей хо-

зайкой и заботилась о доме и детях. На следующий год родился их старший сын Пьеро, еще через пять лет появился на свет второй, Джованни. Кроме родных сыновей Контессина приняла в дом и воспитывала внебрачного сына Козимо Карло Медичи. Мальчик родился в 1430 году от черкесской рабыни – служанки по имени Магдалина, купленной в Венеции. Работоторговля тогда процветала во всей Европе, и это не считалось чем-то позорным. Рабов доставляли с берегов Леванта и Черного моря, среди них были славяне, татары, кавказцы, черкесы, турки. Мужчины были слугами и поварами, если они умели готовить. Девушек использовали как домашнюю прислугу. Иногда они проживали в доме хозяев всю свою жизнь, можно было их продать или подарить. Портрет Карло Медичи работы художника Андреа Мантенья тоже есть в галерее Уффици, на нем изображен молодой человек со смуглой кожей и голубыми глазами. Возможно, такие глаза Карло унаследовал от матери. Еще один его портрет, идеализированный, можно увидеть на упомянутой выше фреске «Поклонение волхвов». Для Карло его отец выбрал церковную карьеру: он был аббатом монастыря Святого Спасителя в Вайано, затем протоиереем города Прато, потом папа Пий II назначил его апостольским протонотарием. Карло прожил 62 года, умер во Флоренции в 1492 году и похоронен в Прато. Через 70 лет его дальний родственник герцог Козимо I Медичи закажет скульптору Винченцо Данти похоронный монумент Карло, который до сих пор можно увидеть в

соборе Святого Стефана в Прато.

Пока был жив отец, Козимо в политику не лез. Он был послушным сыном, всегда следовал советам Джованни и очень скучал по нему после его смерти. Как и отец, Козимо занимался меценатством и впоследствии его превзошел. Джованни ди Биччи только в конце жизни начал понимать, что есть нечто большее, чем деньги. Деньги приходят и уходят, а искусство вечно. И свое имя можно сделать бессмертным, если вкладывать в него деньги. Ведь помнят не только талантливых художников, скульпторов, архитекторов и поэтов, но и их покровителей. Если у самого нет таланта к творчеству – можно стать меценатом, пожертвовать солидную сумму на крупнейший проект – и твое имя будет увековечено навсегда.

Главным позором Флоренции в те времена был огромный храм без купола длиной 153 метра и шириной трансепта 90 метров. Во время службы внутри могут спокойно поместиться 30 000 человек, это было все население города после эпидемии чумы 1348 года. Чудо красоты, смесь итальянской готики и разноцветного мрамора – белого из Каррары – зеленого из Прато и розового из Мареммы – стояло посреди площади и вызывало смешанные эмоции. С одной стороны – гордость, ведь это был самый большой и красивый собор Европы. С другой стороны – разочарование, так как проблему купола не могли решить уже почти 20 лет. Только в 1418 году был объявлен конкурс на лучшую модель свода, который

выиграл уже знакомый нам Филиппо Брунеллески.

Перед тем, как писать о куполе флорентийского собора, я хочу процитировать одну фразу режиссера Франко Дзеффирелли, автора фильмов «Чай с Муссолини», «Укрощение строптивой», «Ромео и Джульетта», «Травиата», «Каллас навсегда» и многих других: «Когда я чувствую, что депрессия одолевает меня, я возвращаюсь во Флоренцию, чтобы посмотреть на купол Брунеллески: если гений человека зашел так далеко, то я тоже могу и должен пытаться творить, действовать, жить».

Но на строительство свода нужны были деньги, а у гильдии производителей шерсти уже не хватало средств на такое грандиозное предприятие. Сначала Джованни ди Биччи выступил спонсором, а потом уже Козимо Старший перечислял периодически крупные суммы на строительство купола и поддерживал «подозрительные» идеи Брунеллески. Они действительно казались подозрительными: Филиппо ни за что не хотел объяснять, как он собирается построить такую громадину без опор и лесов. Характер у зодчего был ужасный, он наотрез отказался давать объяснения, и дело почти дошло до ссоры. Конфликт взялся урегулировать Козимо. Благодаря своему врожденному обаянию и тактичности Козимо удалось уговорить строптивного архитектора хоть немного растолковать, как он собирается строить свод. Была снова собрана комиссия, и Брунеллески предложил ее членам поставить яйцо вертикально тупым концом вниз так,

чтобы оно не упало. «Когда вам это удастся, – сказал он, – тогда вы сами все поймете». Мужчины попробовали все, один за другим, но ни у кого ничего не получилось. Тогда попросили Филиппо показать, как он это делает. Архитектор разбил тупой конец яйца – и оно встало. Члены комиссии запротестовали: «Но ведь это слишком просто, и мы могли додуматься». «Вот именно, – ответил Брунеллески, – но ведь не додумались». Какие точно были произнесены слова – уже никто не знает, но примерно было так. Только вот незадача: главным условием комиссии было то, что Брунеллески должен работать вместе с Лоренцо Гиберти. Когда Филиппо это услышал – он пришел в такую ярость, что пришлось вызвать стражников, которые вышвырнули его вон вместе с его чертежами. Потом он все-таки избавился от своего давнего соперника, опозорил его перед всеми рабочими. Дело было так: строительство купола началось только через два года после конкурса, в 1420 году. Детали проекта знал один Брунеллески, но он никому ничего не объяснял. Зодчий выходил утром на стройку и руководил всеми работами. Мало того, он сам спроектировал подъемные краны, с помощью которых рабочих, материалы, еду и вино с водой на обед поднимали на высоту почти 55 метров от земли. Рабочие, по распоряжению Филиппо, не спускались вниз во время обеда. Они обедали прямо наверху, чтобы не терять время. Без вина итальянцы не могут обойтись, они его пьют и на обед, и на ужин. Но тогда это было молодое, только что перебро-

дившее вино крепостью не более 5°. Для рабочих его разбавляли водой, как для беременных женщин: 1 часть вина на 2 части воды.

Проходит несколько недель – и вдруг Филиппо не выходит на работу. Говорит, что заболел. День его нет, другой, третий. Работа прекратилась – ведь никто не знает, как продолжать. Через несколько дней к нему домой приходит делегация и уговаривает выйти на работу. Брунеллески отвечает: «Я не могу, я очень болен. Но у вас есть Гиберти, пусть он руководит». Лоренцо узнал об этом и самоустранился от строительства купола. Ему и так было чем заняться – надо было заканчивать бронзовые двери Баптистерия.

Филиппо во время поездки в Рим тщательно изучил древнюю римскую архитектуру, особенно его поразили Пантеон с куполом 43 метра в диаметре. Но купол Пантеона был в форме полусферы, а флорентийский должен был быть восьмигранным. Кроме того, на купол Пантеона ушло столько дерева, сколько не нашлось бы во всей Тоскане. В результате исследований мастер пришел к выводу, что самая устойчивая – это форма яйца. Если объяснять упрощенно, Филиппо спроектировал яйцевидной формы купол острым концом вверх. Он состоит из восьми огромных ребер из белого мрамора, между которыми находятся по два маленьких ребра, то есть всего их 24. Эта конструкция соединена поперечными кольцами, которые стягивают ребра, как обручи бочку. Таким образом, вес купола равномерно распределяется по этим коль-

цам, и он получается самоподдерживающимся. Этот купол двойной: внешний и внутренний – поменьше, аналогичный внешнему. Расстояние между ними 1,2 метра, в области ребер они соединяются поперечными нервюрами и таким образом балансируют друг друга. В верхней части каркас стянут огромным кольцом диаметром 6 метров. Между ребрами – кирпичная и каменная кладка «елочкой», такую до Брунеллески никто не применял. Он сам поднимался наверх и показывал рабочим, как выкладывать кирпичи. Если кто-то осмеливался возражать, был немедленно уволен. Но точной тайны проекта Брунеллески никто не знает, до сих пор его купол изучают и исследуют. Филиппо все эти годы сам руководил всеми работами, а когда умер – унес тайну купола с собой в могилу. Но несмотря на огромный вес, почти 37 000 тонн, купол до сих пор не упал с середины XVI века.

Строительство началось 7 августа 1420 года и закончилось 1 августа 1436 года. Понадобилось 16 лет работы и более четырех миллионов кирпичей на возведение этого гиганта. Работа кипела, механизмы, с помощью которых поднимали все необходимое, запускались с помощью волов. Как ни странно, животные все время двигались только в одну сторону, как при подъеме материалов, так и при опускании крюков, чтобы поднять новую порцию. Это было еще одно гениальное изобретение Брунеллески, которое потом будет изучать и совершенствовать юноша по имени Леонардо да Винчи. Практически все жители города, когда были свободны от

дел, толпились на стройке, подняв головы наверх. Они наблюдали за процессом строительства с удивлением: как это можно построить без лесов и опор? С благоговением: только Господь бог в состоянии создать такое. И с большим страхом: ведь малейшая ошибка в расчетах могла закончиться большой трагедией. Если купол и собор начнут падать, то не спасется никто из присутствующих. Прошло 13 лет, когда в 1433 году работы над куполом были прерваны по причине изгнания Козимо Старшего Медичи из Флоренции.

Изгнание Козимо Старшего

Для достижения цели все средства хороши. Или, как сказал знаменитый политик Никколо Макиавелли в конце XV века: «Цель оправдывает средства». Медичи умели добиваться своего, несмотря на любые препятствия. Когда у них была определенная цель – в ход шли любые средства: подкуп, коррупция, интриги и даже убийства. Козимо постепенно забывал советы отца, он стремился к власти, пусть и неофициальной. Козимо Старшего можно назвать оппортунистом. К описанию его личности хорошо подходит другая фраза Франко Дзеффирелли: «Быть оппортунистом означает умение воспользоваться хорошей возможностью. Это сводится к тому, чтобы держать рот на замке, когда вам не нужно говорить, или говорить нужное слово в нужное время. Или просто не делать того, что может навредить вам».

К Козимо Старшему приходили многие люди за советом и помощью так же, как к его отцу. Он завоевал уважение и доверие всей Флоренции благодаря большим вложениям в строительство купола. Козимо избирали в совет приоров не чаще, чем всех остальных членов гильдий. Но он старался, чтобы на все ведущие должности избирали его друзей или клиентов его банка. Не всегда удавалось убедить проголосовать добровольно за того, кого нужно. Тогда в ход шли деньги и подарки, а иногда и мягкие угрозы. Методы убеждения были разные: можно было потребовать от строптивного клиента, который участвовал в голосовании, выплатить в течение короткого срока все долги по кредиту или можно было довести его до банкротства. Как папские банкиры Медичи могли добиться отлучения непослушного человека от церкви. Методы Козимо можно назвать мафиозными: он никогда ни с кем не расправлялся собственными руками, для этого у него были специальные люди. Некоторые его подчиненные были влиятельными людьми в Риме и, скорее всего, именно они убедили Мартина V вернуть Медичи статус папских банкиров после банкротства Спини. Банковскими делами занимался теперь не Козимо, а его брат Лоренцо. Во Флоренции у них был кузен Аверардо, который помогал им в политической сфере. Козимо сам издавал законы, но никогда никому не приказывал. Благодаря своему таланту дипломата он мог убедить приоров принять тот или иной нужный ему закон. Макиавелли впоследствии скажет: «Те, кто сначала радовал-

ся смерти Джованни, теперь, увидев, что за человек Козимо, о ней пожалели». Все это не нравилось некоторым флорентийским аристократам, особенно семье Альбицци.

Альбицци была старинная флорентийская династия благородного происхождения, которая разбогатела на торговле тканями. Они жили во Флоренции испокон веков и были знатными и богатыми уже тогда, когда Медичи еще жили в Муджелло и о них никто ничего не знал. Члены этой семьи часто избирались в совет приоров, занимали высокие должности: гонфалоньер справедливости, градоначальник, капитан народа. Альбицци терпеть не могли выскочек Медичи и при возможности старались вставлять им палки в колеса. Главой семьи во времена Козимо Старшего был Ринальдо Альбицци, молодой и амбициозный человек. В 1430 году он возглавил флорентийское войско для захвата города Лукка, известного производством шелковых тканей. Козимо Старший предупреждал флорентийцев, что не следует ввязываться в эту кампанию: Лукка была под покровительством Милана, очень серьезного противника. После трех лет изнурительных боев война была проиграна, и обвинить в этом решились Козимо Медичи.

Еще до начала боевых действий против Лукки совет приоров пригласил Козимо на заседание, на котором обсуждали и взвешивали все за и против войны с Луккой. Большинство проголосовало за, на этом особенно настаивали Альбицци и их союзники Строцци – еще один могущественный клан го-

рода. Козимо решил тоже проголосовать в поддержку кампании, несмотря на то что внутренне был с этим не согласен. Но он был патриот своей республики и не мог поступить иначе. Его кузен Аверардо возглавил военный отряд в Пизе и рвался в бой, как одержимый. На стороне Лукки воевал лучший в те времена молодой кондотьер Франческо Сфорца, незаконнорожденный сын фермера из Романьи. Он возглавлял отряд наемных войск против флорентийцев и был опасным противником. Впоследствии Франческо Сфорца женится на Бьянке Марии Висконти, дочери герцога миланского Филиппо Марии Висконти, и после смерти тестя унаследует престол Милана. Потомков мужского пола у герцога Висконти не было, только единственная дочь. Франческо станет первым герцогом миланским из династии Сфорца, и его с Бьянкой сын Галеаццо Мария Сфорца унаследует герцогство Миланское после его смерти.

Флорентийцы пошли на хитрость и решили поймать Козимо в ловушку. Альбицци попросил его предоставить своих лучших зодчих – Брунеллески, Микелоццо и Донателло – для строительства инженерных сооружений. Для них поставили задачу построить плотину, которая перекроет реку Серкио, протекающую под стенами Лукки. При этом нужно было направить ее воды так, чтобы они хлынули на город и смыли укрепления. Но жители Лукки узнали об этом от предателей Альбицци, и ночью начальник гарнизона направил солдат с целью подрывать внешнюю часть плотины. Наутро по-

ток воды вместо того, чтобы смыть укрепления, обрушился на флорентийский лагерь.

В результате Альбицци обвинили Козимо и его инженеров в двуличии и предательстве. Ему напомнили, как он предупреждал не развязывать эту войну, и начали настраивать против него весь народ. Кампания была проиграна, а казна города опустошена. Козимо распорядился выдать городской казне необходимую сумму для покрытия долгов из своего банка. Он прекрасно понимал, что деньги никогда не будут возвращены, но это укрепило его авторитет. Козимо заработал репутацию бескорыстного человека, а подозрения олигархов еще более укрепились. Началось время интриг и заговоров. Против Медичи были кланы Альбицци, Строцци, Бранкаччи, его союзниками были Барди, Кавальканти, Малеспини, силы были равные. Схватка Флоренции с Луккой послужила катализатором для развязывания других сражений: Венеция объявила войну Милану, а Генуя решила захватить пизанский порт, в то время принадлежавший Флоренции. Войны длились три года, только в апреле 1433 года все стороны подписали мирный договор. Козимо в то время было 43 года, его брату Лоренцо – 38 лет. Флорентийцы были в ярости: воевали три года безрезультатно, истратили целое состояние и ничего не достигли. Члены вражеских семей ссорились друг с другом, часто возникали стычки между людьми на улицах города. Наступило такое опасное время, что на ночь прочно запирали засовы, все окна были

зарешеченными, а вечером страшно было выходить на улицу. Казалось, что вернулась эпоха гражданской войны гвельфов и гибеллинов. Однажды ночью кто-то вымазал ворота дома Медичи кровью. Это был плохой знак, и Козимо все понял. Он начал потихоньку переводить деньги, ценные бумаги и активы из флорентийского банка в другие филиалы и в монастыри. Папа Мартин V, союзник Козимо, вскоре скончался. Новым понтификом был избран Евгений IV, который оставил Медичи своими банкирами. Так что в случае проблем поддержка со стороны церкви была обеспечена. Козимо подготовился так, что даже если его средства из флорентийского банка конфискуют – их основная часть остается на счетах других филиалов. Он с женой и детьми отправился в загородный замок Треббио в Муджелло, который недавно перестроил и укрепил его архитектор Микелоццо, еще один преданный друг семьи. Оставалось только ждать, что дальше предпримут его враги. И он дождался.

В отсутствие Козимо произошли выборы в совет приоров. Благодаря стараниям Альбицци, большинство членов совета вместе с гонфалоньером оказались их сторонниками и противниками Медичи. Вскоре в замок Треббио прискакал гонец с официальным приказом: Козимо вызывали в палаццо Синьория на «предмет принятия некоторых важных решений». Несмотря на уговоры брата Лоренцо не ехать, Козимо отправился в путь. Он прибыл во Флоренцию и направился напрямик во дворец Приоров, где состоялись первые пе-

реговоры. После этого его пригласили вернуться через три дня. Козимо вернулся, несмотря на страх того, что его могут просто выбросить из окна третьего этажа. Так поступали нередко, последний раз это случилось в городе Вольтерра, когда недовольные горожане выкинули из окна предводителя восстания против флорентийского правительства. Вольтерре оказалось невыгодно враждовать с Флоренцией, и правительство жестоко расправилось с зачинщиком бунта.

Но того, чего Козимо боялся, не произошло. Его провели мимо закрытых дверей зала Аудиенций и заточили в маленькую келью на самом верху башни дворца. Эту комнатку называли alberghietto, маленькая гостиница. Снаружи дворца Ринальдо Альбицци распорядился поставить отряд вооруженных охранников, чтобы друзья Козимо не смогли его освободить. Было проведено всенародное голосование и вынесен вердикт: виновен. Обвинение может показаться смешным: «стремление поставить себя над рядовыми гражданами». На самом деле, в те времена это было одно из самых серьезных обвинений, и Козимо грозила смертная казнь.

Но приоры побоялись применить смертный приговор, все-таки Козимо был очень популярен среди народа. Тем временем Медичи сидел в башне и слышал шум и крики, раздающиеся с площади. Он почти ничего не ел, кроме хлеба, потому что боялся, что его отравят. Его страх был обоснован: доверенный человек Альбицци тайком подсыпал яд в еду узника. Его стражник заметил, что Козимо ничего не ест,

и предложил разделить с ним трапезу. Когда об этом узнали люди Альбицци – они уже не осмеливались использовать яд. Но и в стане врагов можно найти помощников. Охранник Козимо проникся симпатией к своему узнику и как-то раз привел на обед своего друга Фарначчо. Его прозвище означает «придурок», он и на самом деле был таким. Стражник оставил их вместе, а сам вышел из камеры. Козимо передал «придурку» записку и попросил отнести ее директору больницы Санта-Мария Нуова. Когда директор прочитал записку, он передал Фарначчо 1100 флоринов с условием: 100 оставалось «придурку», а 1000 он должен передать гонфалоньеру. Подкуп, но на что не пойдешь ради спасения своей жизни.

После долгих споров и ссор было решено изгнать Козимо из города на 5 лет, против чего горячо протестовали Альбицци. Но все, чего они смогли добиться, – это увеличение срока изгнания до 10 лет. Их это несколько не удовлетворяло, поэтому Ринальдо продолжал действовать. Один из друзей Козимо был схвачен и посажен в тюрьму. Там под жестокими пытками он признался, что Медичи собирался поднять восстание с целью свергнуть совет приоров, захватить власть и объявить себя диктатором. Это уже было серьезное обвинение, ссылкой тут не обойтись. Весть об аресте Козимо разнеслась по всем городам – и начались волнения. За него были влиятельные семьи Феррары, Венеции, Рима, которым Медичи когда-то оказывали неоценимые услуги и щедрые

кредиты за небольшие проценты. Под Флоренцией стояло войско его друга, наемного полководца Никколо Толентино, которое было готово в любой момент осадить Флоренцию и освободить Козимо Старшего из заточения. Даже папа Евгений IV выступил в защиту своего банкира и потребовал его освободить. Он ни на секунду не поверил признанию о заговоре и восстании, так как слишком хорошо знал, как добиваются таких признаний. Альбицци продолжали настаивать на казни, но гонфалоньеру это уже надоело. Он получил свои 1000 флоринов, другие члены Синьории тоже приняли скромные взятки и хотели покончить с этим делом поскорее.

На последнем заседании гонфалоньер подтвердил приговор: 10 лет ссылки для Козимо, 5 лет – для его брата Лоренцо, и 10 – для их кузена Аверардо, а сторонникам Медичи запрещалось занимать любые государственные посты. Козимо потом скажет: «Дураки, как они продешевили. Они могли получить и 10 000 флоринов, и даже больше за спасение моей жизни». Его вызвали в зал заседаний и зачитали приговор. Медичи заявил, что «готов отправиться куда угодно, даже к арабам или другим народам, которые живут по другим правилам». И добавил, что если он умрет, то ему не будет больно: «А вы покроете себя несмываемым позором». Таким образом он хотел обезопасить себя от участи быть заколотым в толпе при выходе из дворца, где находилось много сторонников Альбицци. Хотя, может быть, это были не точные его слова, но смысл был такой. Члены совета осозна-

ли, чем может грозить убийство Козимо, и решили держать его во дворце до темноты. Ночью, когда толпа разошлась, его вывели из здания под надежной охраной и проводили до городских ворот. Оттуда под другой охраной его доставили до границы республики, где он был уже в безопасности. Там к нему присоединился его брат Лоренцо, и они вместе отправились в Венецию – один из самых прекрасных и богатых городов Италии. Кузена Аверардо приговорили к изгнанию в Неаполь – еще один чудесный итальянский город на берегу теплого Тирренского моря. В изгнании можно прожить неплохо, если воспользоваться ситуацией и посмотреть на это под другим углом зрения.

Братья по дороге в Венецию останавливались в Болонье и Падуе, где их встречали с почетом и уважением. Во всех крупных городах Европы у Медичи были филиалы их банка, друзья и связи. Они временно потеряли родину, но не потеряли деньги. Контессина с сыновьями осталась в замке Треббико в целях безопасности и в надежде на скорую встречу с мужем. Вместе с братьями Медичи в изгнание поехал архитектор Микелоццо. Донателло тоже не захотел оставаться во Флоренции без своего друга и покровителя Козимо, он уехал в Рим изучать античные скульптуры. В Риме постоянно находили античные статуи, когда начинали что-то строить и копали землю под фундамент. Брунеллески не повезло, его бросили в тюрьму. Наверное, что-то скверное наговорил, это у него получалось легко. Когда Козимо и Лоренцо

прибыли в Венецию, они поселились в аббатстве на острове Сан-Джорджо Маджоре. Этот остров – один из самых красивых на Адриатическом побережье, он славится своими умопомрачительными закатами. Они хотели пожить в тишине и покое вдалеке от людей, а обители монахов могли вполне заменить постоянный двор. При монастырях всегда были кельи для гостей, отдельные трапезные и даже бесплатные больницы, где принимали и лечили всех бедняков. Социальная помощь в Италии была организована прекрасно, в любой обители тебя накормят, напоят и полечат. Если через город шла дорога паломников – они тоже ночевали в монастырях, где их кормили, лечили при надобности и оставляли на ночлег.

Козимо и тут продемонстрировал свою щедрость: он заказал Микелоццо спроектировать новое здание библиотеки для аббатства и оплатил все расходы. Старинные манускрипты были его страстью, в монастыре их было много, поэтому он мог наслаждаться своим любимым делом – чтением. В то же время Медичи внимательно наблюдали издалека за тем, что происходило во Флоренции. Гонцы привозили им вести, или их передавали по эстафете из города в город. Друзья уговаривали Козимо собрать войско и двинуться на Флоренцию, но он не хотел завоевывать свой город мечом. Он вспомнил слова покойного отца: «Жди, когда тебя позовут». И он дождался.

Возвращение во Флоренцию

В это время во Флоренции наступил экономический кризис. Исчезли Медичи, а вместе с ними и их деньги. Строительство купола собора Санта-Мария дель Фьоре и церкви Сан-Лоренцо прекратилось, люди потеряли работу и остались без зарплаты. Многие торговые операции, в которых участвовал Козимо, были заморожены. Не к кому было обратиться за советом или помощью, Альбицци не очень-то охотно их раздавали. Вернее, вообще не раздавали. В такой ситуации флорентийцы продержались не больше года. Недовольство семьей Альбицци росло. Они потихоньку добивались изгнания приверженцев Медичи, но пополнить деньгами городскую казну не могли или не хотели. Флоренция опять ввязалась в войну с Миланом и потерпела поражение, народ еще больше обеднел. Не прошло и года, когда при выборах в совет приоров победили все сторонники Медичи. Месяц спустя Ринальдо Альбицци уехал из Флоренции по делам, тем временем в Венецию поскакал гонец с радостной вестью: Синьория просит Козимо возвратиться во Флоренцию. Вот он и дождался своего часа: к нему приехали сами, его умоляли вернуться. Вместе с братом и Микелоццо он отправился в обратный путь.

Тем временем во Флоренцию возвратился его враг Ринальдо Альбицци, и его вызвали во дворец Приоров. Риналь-

до заподозрил неладное, поэтому во дворец не пошел, а начал потихоньку собирать своих сторонников. В планах было захватить правительственное здание и изгнать всех приоров вместе с гонфалоньером. Когда все сторонники собрались — они двинулись ко дворцу, но наткнулись на вооруженных стражников. Чтобы избежать кровопролития, гонфалоньер решил обратиться к папе Евгению IV, который как раз был во Флоренции. Понтифик тогда разругался с императором, и тот направил войска Милана на Рим. Население города из-за этого восстало против папы, тот был вынужден бежать из Рима и нашел убежище у флорентийцев. Евгений IV охотно согласился урегулировать конфликт между приорами и Альбицци. Встреча папы и Ринальдо состоялась в монастыре Санта-Мария Новелла, где остановился понтифик. Говорят, Альбицци сопровождало столько людей, что когда первый подошел к базилике — последний еще оставался около дворца. Кто был во Флоренции — знает, какое это расстояние. Пешком его можно преодолеть за 15 минут — примерно 1 км. Переговоры прошли удачно: Евгений IV дал слово, что не будет ни изгнаний, ни конфискации имущества. А слово папы железное, если он его нарушает — ему приходится отвечать перед самим господом богом, так считали тогда люди. Когда Ринальдо вышел от папы, он увидел, что почти все его союзники разошлись. А те, кто остался, успели сходить в ближайший кабаk и были настолько пьяны, что еле держались на ногах. Выпить флорентийцы любят, вино для

них – нектар богов. Да, именно так. Название винограда, из которого производят вино кьянти, – санджовезе. Сокращенно от *sangue di giove* (транскрипция: сангуэ ди джове, перевод: кровь Юпитера, или нектар богов). Пришлось Ринальдо отправляться домой одному, без охраны. Он не боялся, ведь дело закончилось миром.

Тем временем Козимо подъезжал к Флоренции, и гонцы каждый день докладывали жителям о его приближении. В день его приезда у ворот города и на улицах собралась огромная толпа. Братьев сопровождал эскорт из 300 человек, в окрестных деревнях люди выбегали на дорогу и восторженно приветствовали Медичи. Когда он проехал через городские ворота – его встретили оглушительными рукоплесканиями и сопровождали до самого дворца Приоров. Это был триумф не хуже тех, которые устраивали императоры в Древнем Риме после победы в сражениях. Вместо пурпурной тоги и лаврового венца было красное платье и алый головной убор. Вместо колесницы был верный конь. Не хватало раба с опахалом, который время от времени напоминал императорам: *memento mori*, что означает: «помни о том, что ты смертный». Но времена Римской империи давно прошли, и триумф Козимо был спонтанным, а не тщательно подготовленным.

Есть другая версия их возвращения: за день до прибытия Медичи в городе собралось так много людей, что приоры отправили гонца навстречу братьям и попросили их за-

держаться на загородной вилле в Кареджи до наступления темноты. Только под покровом ночи Козимо и Лоренцо провели тайком через ворота города в палаццо Синьория, где они переночевали. И уже утром, когда они вышли из дворца, их встретила ликующая толпа. Как бы там ни было, а Медичи вернулись, и эта дата считается началом их неофициального правления Флорентийской республикой. Козимо будет управлять Флоренцией, но из-за кулис. Официально сохранится все та же республиканская форма, но всем будет ясно, кто на самом деле дергает за веревочки.

Альбицци и их союзники были изгнаны из Флоренции, как Медичи год назад. Получается, папа не сдержал обещания. Но вопрос об изгнании решался на городском совете, члены которого, под влиянием Козимо, единодушно проголосовали за. Получается, папа тут вообще ни при чем, так решил народ. Поэтому Евгений IV просто «умыл руки», как Понтий Пилат после фразы ессе homo. Тогда народ решил, что надо распять Христа, а не разбойника, Пилат был ни при чем. Говорят, перед отъездом Ринальдо с обидой сказал папе: «Как я мог поверить, что тот, кого изгнали из своего города, удержит меня в моем». А Медичи он велел передать, что «курочка несет яйца». На что Козимо ответил: «В чужом гнезде она, пожалуй, снесет не то, что нужно». Кроме Альбицци в изгнание отправились Строцци, Бранкаччи и другие их союзники.

Постепенно все начало налаживаться, друзья Медичи воз-

вращались из изгнания. Вновь оживала торговля и пополнялась деньгами городская казна. Филиппо Брунеллески вышел из тюрьмы – и снова закипела работа над базиликой Сан-Лоренцо и куполом Санта-Мария дель Фьоре. Наконец, через три года, 1 августа 1436 года свод был завершен почти полностью. Аллилуйя. Наконец-то они победили и построили самый большой купол в мире. Козимо Старшему опять рукоплескала вся Флоренция, когда его пригласили в палаццо Синьория и вывели на балкон. Для освящения храма был приглашен папа Евгений IV, который до сих пор находился во Флоренции. Оставалась только самая верхняя часть: белый фонарь над кольцом, который стягивал ребра. Вновь был объявлен конкурс, который опять выиграл Филиппо Брунеллески. Он спроектировал фонарь высотой 13 метров и весом 750 тонн, но работы началась только в 1446 году, незадолго до его смерти. Заканчивали фонарь уже коллеги архитектора, среди которых был Микелоццо. Самый последний штрих – медный позолоченный шар с крестом на самом верху – был установлен в 1471 году, к тому времени прошло больше 170 лет после начала строительства собора в 1296 году. Над сферой работал Андреа Верроккьо со своими помощниками, среди которых был 19-летний ученик – Леонардо да Винчи.

Филиппо Брунеллески умер в возрасте 69 лет, так и не увидев свой свод полностью завершенным. Кроме фонаря он хотел, чтобы внутренняя отделка купола была выполнена в

стиле византийской мозаики на тему Страшного суда, как и в Баптистерии. Что из этого вышло, вы узнаете во второй части книги. Филиппо успел спроектировать капеллу для семьи Пацци, но она не закончена. Но не из-за его смерти, а по совсем другой причине, о которой тоже рассказ впереди. Он полностью спроектировал церковь Святого Духа для монахов-августинцев в районе Ольтарно, но строительство началось только через 10 лет после его смерти. Его проект с самого начала был почти полностью изменен, мало что осталось от его первоначального проекта. Если бы он увидел эту церковь такой, какая она сейчас, он бы взял топор и собственными руками разобрал ее на камни, которые выбросил бы в реку Арно. Возможно, Брунеллески спроектировал дворец для богатого купца Луки Питти, который потом купит герцог Козимо I Медичи. Но это только предположение, никаких точных сведений об этом нет. Архитектор был похоронен в соборе Санта-Мария дель Фьоре, рядом с Джотто ди Бондоне. Внутри храма можно увидеть его бюст, а на площади, справа от собора, в нише, его статуя. Филиппо изображен сидящим на табурете, в руках он держит циркуль и чертежи, лицо поднято вверх и его взгляд направлен прямо на купол, его творение. Рядом с ним в другой нише – статуя Арнольфо ди Камбио с проектом собора и карандашом в руках, он смотрит на свой храм.

Сто лет спустя Микеланджело уедет в Рим окончательно и будет проектировать там купол собора Святого Петра. Го-

ворят, перед отъездом он написал отцу: «Vo' a Roma a far la su' sorella, più grande sì, ma non più bella». Транскрипция: «во а рома а фар су сорелла, пью гранде си, ма нон пью белла» – это чтобы вы поняли рифму. При переводе на русский она теряется: «Еду в Рим строить его (купола Брунеллески) сестру. Будет больше, но не красивее». А когда ему кто-то сказал, что римский купол должен быть больше флорентийского, Микеланджело ответил: «Больше сделать можно, лучше – нет».

Тем временем Лоренцо Гиберти закончил бронзовые двери Баптистерия, которые установили с восточной стороны. А через год гильдия торговцев тканями решила поручить ему уже без всякого конкурса новые, последние ворота в Крестильню. Прежние переместили на северную сторону, а новые двери, «ведущие в Рай», то есть на площадь Рая, должны были быть самыми красивыми. Пришлось Лоренцо снова взяться за работу, на которую ушло 27 лет, он трудился с 1425 до 1452 года. Тут Гиберти решил отступить от первоначальной схемы: вместо 28 маленьких панелей он отливает 10 больших из позолоченной бронзы, на которых разворачивается почти вся история Ветхого Завета: от сотворения мира до встречи царя Соломона и царицы Савской. Так как панелей всего десять, он изображает на каждой из них по несколько сцен: от трех до семи. Интересно, что на первой панели, верхней слева, на сцене «Изгнание из Рая», изображены ворота, через которые вылетает архангел Михаил. Еги-

петская пирамида – это ковчег Ноя. Здания с полукруглыми арками на сцене истории Исава и Якова очень похожи на рынки зерна во Флоренции, а города Иерихон и Иерусалим выглядят как любой тосканский город XV века. Они окружены стенами с зубчиками и воротами, на заднем плане за защитными сооружениями видны церкви, колокольни и башни. И на всех панелях уже есть перспектива, то есть изображено трехмерное пространство. Восточные двери Гиберти считаются первым рельефным произведением в стиле Возрождения. Говорят, когда Микеланджело увидел эти ворота впервые, он воскликнул: «Они настолько красивы, что достойны быть вратами Рая», или что-то подобное. С тех пор их так и называют: врата Рая, или Райские врата. Они на самом деле ведут на площадь, которая называется Рай. Еще один намек: люди потеряли врата Рая – сцена изгнания, где архангел Михаил вылетает из ворот, а Лоренцо Гиберти создал их вновь.

Самой красивой единодушно была выбрана панель с историями Исава и Иакова, под которой мастер оставил свою полную подпись: *opus Laurentii cionis de Ghibertis*. А на следующей панели с историями Иосифа видна надпись: *mira arte fabricatum*, «сделано с замечательным мастерством». Сам себя не похвалишь, так никто не похвалит. Посередине, на месте дверных ручек, можно увидеть автопортрет лысеющего Лоренцо Гиберти и портрет его взрослого сына Витторио, который ему помогал в работе.

В настоящее время врата Рая заменены на копии, оригиналы были повреждены при наводнении 1966 года. Вода дошла до площади собора, двери были сорваны с петель и унесены наводнением. Их долго искали, уже потеряли надежду. Нашли на расстоянии километра от Баптистерия, выкопали из грязи и обнаружили большие повреждения. Реставрация длилась 27 лет, столько же, сколько отливали оригиналы. Сейчас их можно увидеть в музее кафедрального собора, вместе с оригиналами южных и северных ворот. Копии этих дверей есть в соборе города Сан-Франциско, в Казанском соборе Санкт-Петербурга, в Москве в Пушкинском музее.

Вернемся к нашему Козимо Медичи, который тут же вызвал из Муджелло жену и сыновей, и они вернулись в старый дом Барди. Но самому уважаемому человеку республики неприлично жить в доме тестя. К тому же здание было давно не отремонтировано и находилось в плачевном состоянии. Нужен новый просторный дворец, где были бы не только жилые комнаты для семьи и слуг, но и помещения для банковских контор. Место Козимо выбрал удачное: между собором и старым домом отца, где жил Лоренцо со своей женой и сыном. Церковь Сан-Лоренцо совсем рядом, позади предполагаемой постройки. Козимо приобрел участок земли и занялся выбором архитектора. По легенде, он сначала поручил проект Филиппо Брунеллески. Тот уж постарался на славу, спроектировал огромный, вычурный дворец с «золотыми дверьми и алмазными окнами». Но Козимо проект от-

верг, он не хотел выделяться, чтобы не вызывать лишней зависти. После этого он поменял архитектора и поручил проект Микелоццо, который разделил с ним изгнание. Но это могут быть выдумки, на самом деле у Филиппо было слишком много работы: и купол, и церковь Сан-Лоренцо, и детский приют, да еще вот Андреа Пацци уже давно просит спроектировать для его семьи часовню во дворике базилики Санта-Кроче. Все не успеть, не умеет же человек клонироваться. А Микелоццо свободен, он уже доказал свою преданность и талант архитектора: перестроил замок Треббико, спроектировал виллу Медичи в Кареджи и библиотеку в Венеции, во время изгнания.

Микелоццо взялся за работу и спроектировал первое флорентийское «палаццо». Дворец был задуман трехэтажным, квадратной формы, с внутренним двориком, украшенным колоннами и арками из ясного камня, как в архитектуре Брунеллески. Для стен он выбрал сильный камень *pietra forte*. Стены первого этажа самые толстые, с зарешеченными окнами и облицовкой выступающим рустом. На нижнем этаже располагались склады, отделения банка Медичи и жила их личная охрана. Микелоццо сам выбирал каждый камень для облицовки и помечал их кружком, эти метки до сих пор прекрасно видны. На втором этаже жили Козимо и его семья, там стены тоньше, большие двустрельчатые окна с маленькими полукруглыми арками и настоящим стеклом. Над арками видны гербы Медичи, на углу тоже большой семей-

ный герб с шариками. На третьем этаже жили слуги, поэтому стены самые тонкие. Здание было украшено большим карнизом, между окнами и на первом этаже – маленькие железные кольца для факелов, во время праздников они служили для флагов. Крупные кольца первого этажа – это коновязи для лошадей посетителей. Принимали Медичи под большими открытыми лоджиями на углу. Их было две, расположенных симметрично. Для ожидающих приема была пристроена длинная и широкая скамья по периметру всего дворца, чтобы люди могли сидеть, а не ожидать стоя. В окруженном стеной дворике позади дворца выращивали цитрусовые в кадках. Снаружи это простое, даже грубое здание, но именно с него и началась мода на такие «палаццо» во Флоренции. Потом подобные будут строить Строцци, когда вернутся из изгнания, Пацци, о которых пойдет речь в другой главе, Питти, Алессандри, Гонди, Торнабуони и многие другие флорентийские богатые семьи. Эта мода пойдет и дальше, за пределы республики.

Впоследствии Донателло, любимый скульптор Козимо, украсит дворики дворца бронзовыми статуями, а в начале XVI века Микеланджело закроет лоджии на углу, спроектирует большие окна с подоконниками и консолями под ними в виде завитушек. Их в шутку назовут «окна на коленях» и они тоже войдут в моду – Медичи во всем были первыми.

В 1439 году во Флоренцию переезжает Ферраро – Флорентийский Вселенский собор католической и православной

церкви, и это тоже заслуга Козимо Старшего Медичи.

Ферраро-Флорентийская уния

Собор католической и православной церкви в Ферраре является продолжением собора, который начался в городе Базель, расположенном на северо-западе Швейцарии. Его созвал папа Мартин V в 1431 году для реформирования церкви, урегулирования военного конфликта с гуситами и воссоединения Западной и Восточной церквей. Мартин V умер еще до начала унии, а новый понтифик, Евгений IV, послал на собор своего представителя. В 1437 году папа, несогласный с постановлениями собора в Базеле, распустил его и на следующий год собрал в Ферраре. Туда приехали: предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог, дядя Софии Палеолог, будущей жены русского царя Ивана III и бабушки Ивана Грозного, патриарх Константинополя Иосиф II, полномочные представители Патриархов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, митрополиты Молдовлахии, митрополит Киевский и всея Руси Исидор и суздальский епископ Авраамий, два представителя Грузинской православной церкви: епископ и племянник грузинского царя Александра, епископы Эфеса, Трапезунда, Ираклии, Кизика, Сард, Никомидии, Никеи, Тырнова, Монемвасии, Лакедемона, Амасии, Митилины, Ставрополя, Родоса, Маленика, Драмы, Ганка, Драстры, Анхиала и богосло-

вы. Всего собралось около 700 человек самых разных национальностей. Собор был объявлен Вселенским, но латиняне не выполнили своего обещания содержать православную делегацию. Бедным византийцам приходилось закладывать и продавать свои вещи, чтобы как-то питаться. Когда Козимо узнал об этом, он отправил в Феррару своего брата Лоренцо с предложением перенести собор во Флоренцию. При этом Медичи обязался сам оплатить все: и переезд, и содержание всех делегаций. Он пообещал выплачивать им 1500 флоринов в месяц, сколько бы собор ни заседал. Так, с легкой руки Козимо, Флоренция становится третьим Римом после Константинополя.

В день прибытия делегаций все здания были украшены флагами, по ходу следования кортежа были расставлены герольды с трубами и барабанами, приветствующие прибывших, знаменосцы состязались в подкидывании флагов. Народ толпился на улицах и приветствовал пеструю толпу прибывших восторженными криками и аплодисментами. Все здания города были украшены дорогими тканями и знаменами с гербами семей, Флоренции, республики и ремесленных гильдий. По ходу кортежа были расставлены кадки и терракоты с красивыми цветами. Встречу испортил только жуткий ливень, который хлынул внезапно и закончился очень быстро.

Главной темой унии было все же объединение православной и католической церквей. Это нашло отражение в ис-

кусстве – на последней панели ворот Рая Лоренцо Гиберти изобразил сцену встречи царя Соломона и царицы Савской. Она олицетворяет объединение двух церквей, которого так и не произошло. На заднем плане виден храм Соломона, который очень похож на внутреннее убранство и архитектуру собора Санта-Мария дель Фьоре. Заседания проходили как в кафедральном соборе Флоренции, так и в базилике Санта-Мария Новелла. А вечерами во дворце Медичи собирались ученые, философы, писатели и гуманисты, которых Козимо принимал со всем гостеприимством и вел с ними умные беседы, обсуждая философию Платона и Аристотеля. Козимо Старший свое обещание сдержал, он оплатил все расходы, и упрекнуть его было не в чем. Во Флоренции собрались люди со всех уголков земли, они привезли с собой своих экзотических животных и птиц. По улицам города разгуливали представители разных рас, национальностей и вероисповеданий: греки, армяне, грузины, эфиопы, русские, украинцы, татары, привезенные в качестве прислуги, берберы, мавры, негры, все в своих национальных одеждах. Некоторые вели на поводке дрессированных гепардов, леопардов, львов и пантер. Одни привезли клетки с обезьянами, другие – с экзотическими птицами. Львами Флоренцию не удивишь, у них были свои в клетке позади палаццо Синьория. Обезьян тоже многие богачи держали в клетках за окном, как птиц. Они были прикованы длинными цепочками с ошейниками, поэтому могли спокойно гулять по подокон-

никам. Но многие другие животные казались настолько удивительными, что все на них глазели, разинув рот.

Вся эта пестрая толпа в экзотических костюмах вызвала такой восторг художников, что они зарисовывали все это, изображали сцены «Кортеж волхвов» на картинах или на фресках в семейных часовнях. Самой знаменитой станет огромная настенная живопись «Кортеж волхвов» работы Беночцо Гоццоли в часовне нового дворца Медичи. Ее заказал Пьеро Медичи, сын Козимо Старшего, в 1459 году. Прошло уже 20 лет после унии, но воспоминания остались, и еще был жив его отец. Художник расписал все четыре стены часовни, изобразил красочный кортеж волхвов на фоне сказочных тосканских пейзажей с холмами, покрытыми кипарисами, виноградниками и оливковыми рощами. Кое-где видны средневековые замки, так похожие на те, которыми владели Медичи. Изображены лесные звери и птицы: зайцы, косули, кабаны, фазаны, дикие утки, экзотические животные и пернатые: павлин, леопард, гепард, пантера.

Художник написал очень много идеализированных портретов разных персонажей, в том числе и два своих автопортрета. Маг в зеленом платье в чалме – это портрет Иоанна VIII Палеолога, волхв в красных одеждах – портрет Иосифа II, патриарха Константинополя. Он умер во Флоренции во время унии и был похоронен в базилике Санта-Мария Новелла. Молодой царь в белом платье – это идеализированный портрет внука Козимо Медичи Лоренцо. Когда он вырастет, бу-

дет самым знаменитым представителем династии, крестным отцом зрелого Ренессанса. Лоренцо в то время было всего 10 лет, этот портрет вымышленный. Но есть и его реальный портрет в толпе людей позади волхва. Юноша в голубом платье с гепардом – вымышленный портрет второго внука Козимо Старшего по имени Джулиано, которому было 6 лет в те времена. Он тоже прославится, но совсем по-другому. Есть портреты самого Козимо, его старшего сына Пьеро, младшего сына Карло, внуков: Марии, Бьянки и Наннины, друзей: сына герцога Миланского Галеаццо Мария Сфорца и правителя города Римини Сиджизмондо Пандольфо Малатеста. На дальнем плане, в толпе, изображен папа Пий II, который в это время гостил во Флоренции. Когда Козимо узнал, что Пий II собирает новый крестовый поход против турок с целью освобождения Константинополя, он сказал: «Старец делает то, что под стать молодому».

Ферраро-флорентийская уния существенно повысила престиж города и вызвала небывалый торговый бум, в результате которого купцы и банкиры значительно обогатились. Через три года собор переехал в Рим и в августе 1445 года завершил работу. Эти события оказали большое влияние на Козимо, затронули глубоко спрятанные струны его души. Он был просто влюблен в античность, и даже есть мнение, что сам хотел бы заниматься искусством и философией. Но был вынужден оставить эту идею, чтобы изучить банковское дело и продолжить работу своего отца. Сейчас

банк Медичи прочно стоял на ногах, значит, можно позволить себе немного расслабиться и передать большую часть дел брату Лоренцо. А самому можно заняться тем, что ему было приятнее всего – меценатством.

Меценатство Козимо Старшего

Козимо был 51 год, когда в сентябре 1440 года умер его брат. Он его оплакал и похоронил, потом взял на себя заботу о племяннике Пьерфранческо, которому было всего 10 лет. Старшему сыну самого Козимо Пьеро было 24 года, младшему Джованни – 19 лет, пора было думать об их женитьбе. Для Пьеро выбрали в жены Лукрецию Торнабуони из древнего флорентийского рода, но ей было всего 13 лет. Многих девочек в те времена еще выдавали замуж в 13–14 лет, но Торнабуони хотели подождать со свадьбой. Пьеро и Лукреция поженились в 1444 году, когда невесте исполнилось 17 лет. Джованни женился в 1453 году на Джиневре Алессандри, представительнице другого благородного флорентийского рода. Их единственный сын Козимо, названный в честь деда, умер в возрасте 5 лет, и больше детей у них не было. Сам Джованни умер в 1463 году, за год до смерти отца. Его ветвь оборвалась, из династии Медичи остались только потомки Пьеро и его двоюродного брата Пьерфранческо, сына Лоренцо Старшего.

Козимо начал обучать банковскому делу подросших сы-

новой и, когда они уже были достаточно грамотными, переложил на них часть дел. А сам занялся другим, более приятным занятием: поиском и покупкой старинных манускриптов. Еще в юности Медичи познакомился и подружился с Никколо Никколи, сыном торговца шерстью. Они хотели поехать вместе в Святую землю с целью паломничества, но на самом деле их цель была другой: поиски древнегреческих рукописей. Джованни тогда не отпустил сына, он был ему нужен в банке. С тех пор прошли годы, Козимо вспомнил про своего друга и пригласил его во дворец. Никколо явился в античной римской тоге, которую предпочитал современной моде. Вид у него при этом был немного комичный, но Козимо это не волновало. Он знал, что его друг до сих пор ищет по всей Европе древние манускрипты в монастырях, но у него не всегда хватает денег на их покупку. Часто Никколо разъезжал не сам, у него была сеть агентов, которым надо было платить. Это были самые настоящие «охотники» за древностями. В молодости Никколи вместе с Палла Строщи добились открытия кафедры по изучению культуры Древней Греции во Флорентийском университете, поэтому он был известной личностью в городе. В душе Козимо проснулась давняя страсть к манускриптам, и он предложил Никколи свою финансовую помощь. По его распоряжению, любой филиал банка Медичи был обязан безоговорочно оплачивать переводные векселя Никколо. Не все манускрипты можно было купить, некоторые он брал взаймы и

копировал собственноручно, переписывал. Книгопечатание тогда еще не изобрели, и переписывать рукописи было адским трудом: нужно было разобрать и скопировать каждую букву на древнегреческом языке. От такой работы у Никколо выработался ясный и четкий почерк с наклоном вперед, который впоследствии будет перенят итальянскими печатниками, и его назовут курсивом. Козимо знал, что делал, деньги были потрачены не зря. Наследников у Никколи не было, поэтому после его смерти Козимо унаследовал 800 редких книг своего друга. Половину Медичи оставил себе, к ним он добавил манускрипты собственного собрания, и получилась очень внушительная библиотека. Вторую половину подарил библиотеке при венецианском монастыре, где провел изгнание, и сам же оплатил ее строительство. Это был знак благодарности за гостеприимство.

Наиболее ценным «охотником» Никколо Никколи был Поджо Браччолини родом из Ареццо, будущий писатель и коллекционер. По заказу Никколо Поджо прочесывал монастыри Италии, Франции, Германии и Швейцарии в поисках древних рукописей. При этом он не пренебрегал никакими методами: копировал манускрипты, даже если это было запрещено, в ход шли подкуп, лесть и даже воровство. У него в плащах были тайные карманы, куда он мог незаметно прятать найденное. Однажды Браччолини обнаружил целое сокровище: полную рукопись римского поэта Лукреция «О природе вещей». Она датируется I веком до нашей

эры, ее считали пропавшей после падения Западной Римской империи. Шесть книг этой рукописи включают объяснение устройства вселенной со ссылкой на Демокрита и Эпикура, которые уже тогда описывали мир как материю, состоящую из атомов и управляющуюся научными законами, а не божественными. Лукреций учит людей избегать боли, стремиться к наслаждению и избавляться от страха перед смертью и богами. Религия, по его понятиям, – это монстр, взирающий с небес на землю. Браччолини тайно привез рукопись во Флоренцию, где Никколи ее тщательно скопировал своим курсивом. И хорошо сделал, так как оригинал был впоследствии утерян. Потом Браччолини провел несколько лет в Англии, но все найденные там рукописи оказались покрытыми плесенью из-за влажного, холодного климата. Поджо вернулся во Флоренцию и начал писать собственные сочинения. Четкий почерк Браччолини с манерой четко отделять друг от друга слова станет потом образцом романского шрифта. Поджо стал близким другом Козимо, они проводили много времени вместе за чтением рукописей. Он, наконец, женился в возрасте 56 лет на 18-летней девушке, у них родилось 6 детей вдобавок к уже 14 внебрачным потомкам. Сейчас это один из самых известных писателей Италии, его именем названа улица во Флоренции. Перу Браччолини принадлежит фраза: «Деньги необходимы, так же, как нервы, на которых держится государство». Другим известным «охотником за рукописями» был Кириак из Анконы, которого Ко-

зимо посылал на поиски древностей на Ближний Восток, Север Африки и Святую землю. Козимо прекрасно знал арабский язык и мог свободно читать на нем манускрипты.

Но самой экзотической фигурой из друзей Козимо был сын его врача Марсилио Фичино родом из городка Филлине Вальдарно. Внешность у него была откровенно некрасивая: очень маленького роста, просто карлик с хромой ногой, копной черных кудрявых волос, которые он редко причесывал, очень крупным горбатым носом, остроконечными бровями и черными, пронзительными глазами – на вид настоящий дьявол. К тому же у него был чудовищно буйный нрав. Поначалу Фичино изучал медицину, но быстро увлекся философией Платона и, по заказу Козимо, как-то незаметно для себя перевел все его труды на латынь. Про него шутили, что если его разбудить ночью – он прочитает на память любой отрывок из трудов философа, но при этом никогда не может найти свою обувь. Вот такие личности составляли близкий круг Медичи.

Тем временем император Иоанн VIII Палеолог вернулся в Константинополь, но жители города решительно воспротивились идее воссоединения с католической церковью. Начались смута и вооруженные восстания, и вся работа унии пошла прахом. В 1452 году под стенами Царьграда встала армия турок, которые ночью пробили брешь и через нее хлынули в город. Три дня резни – и все закончилось. Голова последнего византийского императора Константина XI Палео-

лога, брата Иоанна VIII, который к тому времени умер, полетела с плеч. Турки водрузили ее на ятаган и торжественно пронесли по всем улицам. Так произошло падение Восточной Римской империи, после которого византийцам пришлось спасаться из Константинополя бегством. Среди них были многие ученые, философы и гуманисты, которые нашли приют во Флоренции у Медичи. Они получили должности профессоров Флорентийского университета на кафедрах философии и культуры Древней Греции. С собой они привезли многие ценные манускрипты, которые удалось спасти. В содержании этих рукописей были не только философские труды об устройстве мира или бессмертии души, но и давно забытые знания по алхимии, астрологии, астрономии, магии и медицине. Древнегреческий язык и философия вошли в моду, их изучение стало признаком высокого интеллекта. Так зародилась эпоха гуманизма и Ренессанса, возрождения античной культуры и знаний.

У Козимо Старшего накопилось слишком много грехов за душой. Особенно его беспокоило ростовщичество, которое было основой деятельности его банка. Не давали покоя и слова Иисуса из Библии: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное». Козимо был истинно верующим христианином и не хотел перетаскивать огромные тяжести в Аду с места на место. Поэтому в 1437 году, посоветовавшись предварительно с папой Евгением IV, он пожертвовал огромную сумму денег – более

40 000 золотых флоринов – на полную перестройку старой церкви и монастыря Святого Марка.

Это аббатство находится в конце улицы Ларга, где жили Медичи. Оно было построено в конце XIII века и принадлежало монашескому ордену силвестринцев, основанному бенедиктинским монахом – святым Сильвестро Гуццолини – в 1231 году. В те времена, когда Козимо решил вложить деньги в ремонт и перестройку монастыря, силвестринцы были оттуда изгнаны и переехали в район Ольтарно. Аббатство Сан-Марко перешло доминиканцам из Фьезоле, которые туда переехали из прежней обители. Козимо поручил работу по перестройке здания Микелоццо, и архитектор спроектировал новый внутренний двор в стиле Ренессанса, украсил его теми же светло-серыми колоннами с полукруглыми арками. Затем он спроектировал гостевую для паломников, где их принимали и лечили, две трапезные – одну для гостей, вторую для монахов, зал Капитула, где проводились собрания, и монашеские кельи на втором этаже. Кроме этого были предусмотрены кельи для новициата – тех, кто еще только собирался принять обеты и стать монахами, для настоятеля монастыря, для почетных гостей и отдельную келью забронировал для себя Козимо. Когда ему все надоедало – он уединялся в этой келье для молитвы, медитации, размышлений о бренности бытия и о своей душе. Церковь тоже была перестроена и расширена, ее фасад был заменен на другой уже в конце XVIII века. Впервые в истории монашеские

кельи было решено расписать фресками. Но не на все стену, а по небольшой, простой религиозной сцене без лишних деталей. Они были выполнены в каждой монашеской келье, включая ту, что выбрал для себя Козимо Старший. В тех, где жили новии, были только сцены распятия со святым Домиником Гусманом, основателем ордена доминиканцев.

Работу поручили художнику-монаху Джованни Анджелико, который жил в том же монастыре, – далеко ходить не надо было. Фра Джованни писал алтарные образа для многих церквей и монастырей в стиле интернациональной готики, он использовал очень яркие, праздничные цвета: бордовый, оранжевый, лиловый, ярко-желтый, синий, ярко-зеленый. На его иконах было изобилие позолоты и сказочные, нереальные пейзажи. Все эти детали характерны для стиля интернациональной готики, его еще называют придворной готикой, потому что она зародилась при дворе Висконти в Милане в конце XIV века. Название «интернациональная готика» возникло позже и быстро распространилось по европейским странам. На многих алтарных образах художники уже писали пейзажи, но пока еще идеализированные. Но фра Джованни Анджелико добавлял и элементы Ренессанса: четкое трехмерное пространство, святые уже похожи на реальных людей. Их лица не стилизованные, как в Средневековье, и это не что-то переходное, как у Джотто и его последователей. В эпоху гуманизма на первое место вышел не бог, а человек и его деятельность. Поэтому всех святых, Иисуса

и Марию старались изображать как можно более реалистично. Ведь если Бог создал Адама по своему подобию, значит и он сам должен выглядеть как человек. Лица ангелов у этого художника получались действительно ангельские, настолько были хороши. За это его прозвали Анджелико, ангельский.

После смерти брата Джованни его сразу начали называть Беато Анджелико, Блаженный Ангельский, хотя он не был беатифицирован. Только в 1983 году Беато Анджелико причислили к лику блаженных и еще через год канонизировали. Фра Джованни работал также над фресками в коридоре второго этажа, самой известной из которых является сцена «Благовещение». Она открывается взору сразу, как только поднимаешься по лестнице. Фреска поражает сочетанием простоты и незатейливой красоты: на ней изображена архитектура Ренессанса, в стиле которого построен дворик. На заднем плане фрески видна дверь в спальню Марии, которая напоминает вход в монашескую келью. Сама Богородица – это прекрасная девушка с ангельски красивым лицом, склонилась смиренно перед архангелом Гавриилом, который принес ей благую весть. Архангел тоже изображен в поклоне с еще распушенными разноцветными крыльями. Светлые и ясные тона, сказочно красивый пейзаж, растения и цветы выписаны со скрупулезной точностью. Платье Марии белое, и это не краска, а цвет штукатурки, которую не красили. Под конец Анджелико прошелся по фреске кистью с золотой пылью, поэтому она слегка поблескивает. Под сценой

можно прочесть надпись на латыни: VIRGINIS INTACTAE CUM VENERIS ANTE FIGURAM PRETEREUNDO CAVE NE SILEATUR AVE. Переводится: когда вы проходите перед непорочной фигурой Богородицы, будьте бдительны, не забудьте поприветствовать и произнести: «Радуйся, Мария». В коридоре есть еще одна великолепная фреска: «Мадонна с младенцем и святыми», на которой Иисус изображен как маленький ребенок, а не взрослый философ. Это младенец потрясающей красоты, он выглядит как принц с золотыми кудрями и пухлыми, розовыми щечками. Этот Иисус признан самым красивым ребенком из всех, изображенных в те времена на иконах и фресках.

Для Козимо была построена просторная двухкомнатная келья. Вторая комната находится выше, над первой, как бельэтаж. Его келью украсил фреской тот самый художник Беноццо Гоццолли, ученик Беато Анджелико, который потом будет расписывать на ту же тему часовню во дворце Медичи. Сюжет шествия волхвов был очень популярен в живописи. Согласно сборнику рассказов монаха-доминиканца Иакова Ворагинского «Золотая легенда», которые он написал в середине XIII века, магов было три. А бенедиктинский монах Беда Достопочтенный дал им имена: Каспар, Вальтасар и Мельхиор. Медичи в начале XV века основали сообщество под названием «Компания звезды» и сами им руководили. Раз в три года, 6 января, в день Богоявления, они устраивали театрализованное шествие волхвов от монастыря Сан-Мар-

ко к собору, где был установлен вертеп с Марией, Иосифом, младенцем и животными. Там шествие заканчивалось, и цари приносили Иисусу дары: золото – как царю, ладан – как священнику, и мирру – как тому, кто должен умереть. Это было очень красочное зрелище, посмотреть на которое соби-рался весь город. Но традиция оборвалась в конце XV века, и только в наше время она опять восстановлена: каждый год 6 января во Флоренции проводится шествие волхвов. Толь-ко он проходит по другому маршруту: от дворца Питти, ко-торый находится за рекой Арно, через Старый мост к гале-рее Уффици, затем пересекает площадь Синьории и по ули-це Сапожников идет к соборной площади. Там устанавлива-ют вертеп с куклами еще до Рождества, а 6 января Марию и Иосифа изображают живые люди, Иисус – кукла. Все жи-вотные настоящие: бычок, ослик, овечки, их даже можно по-гладить. Три мага одеты в точно такие костюмы, в каких они изображены на фреске Беноццо Гоццолли: белого, зеленого и красного цвета. Это цвета трех добродетелей: белый – цвет веры, зеленый – надежды, красный – любви или милосердия. Так же украшен собор мрамором белого, зеленого и розово-го, вместо красного, цвета. В настоящее время это цвета ита-льянского флага.

Микелоццо спроектировал при монастыре Святого Мар-ка первую в Европе публичную библиотеку в стиле Возрож-дения. Основу этой библиотеки составили манускрипты из коллекции Козимо Старшего, включая те, которые он уна-

следовал от Никколо Никколи. Библиотека была общедоступной, Козимо постоянно выделял на нее средства и сам покупал для нее рукописи. Книги были размещены в витринах, пользоваться ими можно было всем, но предварительно нужно было получить разрешение специально созданной комиссии. После смерти Козимо библиотека пополнялась благодаря частным дарениям, ею пользовались такие люди, как Леонардо да Винчи и Микеланджело. В настоящее время монастырь Сан-Марко вместе с библиотекой является государственным музеем. В обители до сих пор живут монахи-доминиканцы, но они живут отдельно.

В музее собрана самая большая коллекция картин Беато Анджелико, прекрасно сохранились все фрески, внутренний дворик был украшен живописью уже в конце XVI века. Там среди других сюжетов есть сцена: Микелоццо, который представляет проект монастыря Козимо Старшему Медичи и настоятелю святому Антонино Пьероцци. Антонино на самом деле был настоятелем обители в те времена, когда ее перестраивали. Потом его выбрали архиепископом Флоренции, но он так смутился, что вскочил на коня и ускакал во Фьезоле. Потом его оттуда привезли обратно. Антонино основал во Флоренции братство «Хорошие люди», *Vuomini*. Они занимались тем, что помогали внезапно разорившимся людям, которые стыдились просить милостыню. После смерти архиепископ Пьероцци был канонизирован, это один из флорентийских святых. Но самая любопытная фреска – та,

на которой изображен старый фасад кафедрального собора Санта-Мария дель Фьоре. Это необычная история: тот фасад, который мы видим сейчас, – современный. Прежний был совсем другой, он был облицован чуть больше чем наполовину в середине XIV века. В конце XVI века мрамор с фасада убрали – готика вышла из моды. Хорошо хоть стены не тронули, а то был бы собор каменный, как церковь Сан-Лоренцо. Был объявлен конкурс на новый фасад, но ни один из проектов комиссию не удовлетворил. Так прошло около трехсот лет, и только в конце XIX века архитектор Эмилио де Фабрис выиграл конкурс. Он спроектировал новый фасад, совершенно не похожий на старый, в неоготическом стиле. Над центральной дверью, в нише среди апостолов, видна статуя из белого мрамора Девы Марии с младенцем. В правой руке она держит бронзовый цветок – это название собора: Санта-Мария дель Фьоре, Святая Дева Мария цветка, или с цветком.

За пределами Флорентийской республики Козимо Медичи пожертвовал деньги на постройку пансионата для студентов в Париже и на реставрацию итальянской церкви Святого Духа в Иерусалиме. Козимо вкладывал деньги не только в строительство церквей и монастырей, он также сделал подарок приорам: по его заказу Микелоццо перестроил и обновил внутренний дворик дворца Синьории. Было похоже, что Медичи решили превратить средневековую Флоренцию в город Ренессанса. Впоследствии в палаццо Веккио будет

работать другой архитектор Медичи – Джорджо Вазари, и дворик снова преобразится. Козимо думал не только о спасении души, он еще хотел оставить вечную память о себе. «Я знаю Флоренцию, – говорил он, – через 50 лет нас, Медичи, отправят в изгнание, но построенные мною здания сохранятся». Он ошибся сроками: через 30 после его смерти, в 1494 году, Медичи были изгнаны из республики во второй раз.

Козимо был покровителем не только зодчих и добытчиков древних рукописей, но и художников и скульпторов. На свое меценатство он потратил более 600 000 золотых флоринов, это огромная цифра. Быть художником или скульптором всегда нелегко, а в те времена было еще сложнее. Лучше всего было иметь покровителя, или постоянного клиента, как говорят сейчас. Рынка картин и статуй не было, нельзя было написать картину или изваять статую и выставить на продажу. Нужно было сначала найти заказчика, обговорить заказ, обсудить все детали, заключить контракт и получить аванс. После этого уже можно было приступать к работе. Многие великие мастера были очень своенравные, но Козимо их терпел и шел у них на поводу. Он старался удовлетворить все их нужды и желания, лишь бы они работали и заканчивали заказы. Козимо считал, что человек может плодотворно работать, только когда он счастлив, поэтому всегда шел мастерам навстречу. «Эти гении, – говорил он, – как будто сделаны не из костей и мяса, а из золотой пыли».

Его любимым художником был монах Филиппо Липпи. Он стал монахом не потому, что почувствовал желание служить богу. В детстве Филиппо остался сиротой, и тетка отдала его в монастырь, чтобы не растить самой. Филиппо постоянно нарушал правила монашеской жизни: убегал из обители, напивался, искал доступных женщин. Однажды Козимо потерял терпение и закрыл его на ключ в комнате на третьем этаже, где он работал над картиной. Сказал, что выпустит только тогда, когда заказ будет выполнен. Наутро он открыл дверь, чтобы посмотреть, работает ли непослушный монах. Но нашел только открытое окно, откуда свешивалась веревка из разорванной простыни, а Филиппо и след простыл. Козимо разослал агентов на поиски художника во все таверны и бордели, через несколько дней его нашли в одном публичном доме мертвецки пьяным.

Однажды Филиппо познакомился с монахиней Лукрецией Бути, которая позировала ему для росписи алтаря в женском монастыре в Прато. Он тайком бегал к ней на свидания, переодевшись в женские одежды. Это закончилось тем, что монахиня забеременела – какой позор. Филиппо было уже 50 лет, совсем не молоденький, а Лукреции всего 20. Они вместе сбежали во время праздника Успения Богородицы, когда толпа верующих собралась на улице у собора города Прато во время показа ценной реликвии: пояса Богородицы. Его до сих пор показывают во время праздников, чтобы увидеть эту реликвию, собираются все верующие Прато. Этот побег вы-

звал такой большой скандал, что его еле-еле удалось замять благодаря вмешательству Козимо Старшего. Он обратился с просьбой к папе, которым был тогда Пий II, в прошлом сам любивший приударить за женщинами. От него Филиппо Липпи и Лукреция получили разрешение на брак и снятие монашеского сана. Официально художник так и не женился на своей возлюбленной, они всю жизнь жили в гражданском браке. У них родился сын Филиппо, которого называли Филиппино, и дочь Алессандра. С тех пор всех своих Мадонн Липпи писал с Лукреции Бути, самая знаменитая его картина «Мадонна с младенцем и двумя ангелами» находится в галерее Уффици.

На ней изображена дева Мария в профиль, взгляд обращен к ребенку, красивые руки с длинными пальцами сложены в молитве. Прекрасное, нежное лицо с чертами Лукреции Бути, белокурые волосы убраны в прическу, прозрачная накидка на волосах. Лицом к ней и тоже в профиль изображен светловолосый младенец Иисус, которого поддерживают два мальчика с крыльями за спиной – это ангелы. Один из них, в подпоясанной рубашке, повернул голову и смотрит на нас с улыбкой. Считается, что этот ангел – портрет его сына Филиппино, а младенец – это его новорожденная дочь Алессандра. Этот алтарный образ ласково называют Липпина, маленькая Липпи. Ни точная дата, ни имя заказчика не известны, картина написана в 60-е годы XV века. И эта работа, и все остальные алтарные образа Липпи выглядят не как

иконы, а как вполне светские картины с пейзажами и живыми людьми, хотя изображены святые. Даже в раю не золотой фон, а пейзажи. И не идеализированные, а реальные. Этим и отличается Ренессанс в живописи, основоположником которого считается учитель Филиппо Липпи, художник Мазаччо.

Мазаччо – это прозвище, живописца звали Томмазо ди сер Джованни ди Моне ди Андреуччо Кассай. В этих именах и фамилиях можно запутаться, настолько они длинные. Назовем его просто по имени: Томмазо, сокращенно будет Мазо. Прозвище Мазаччо означает Мазо-неряха, или плохой Мазо. Он, действительно, не следил за своим внешним видом – настолько был увлечен живописью. Мазаччо первым начал изображать святых как настоящих, реальных людей, а за ним потянулись его современники. В церкви Санта-Мария Новелла Мазаччо написал фреску «Святая Троица», на которой впервые изобразил полукруглый свод, да так правильно, что Вазари потом написал: «Кажется, что он пробил дыру в стене». На фреске изображены заказчики, фигуры которых по величине совпадают с фигурами распятого Христа, Марии и Иоанна Богослова. До этого, если и изображали заказчиков на фресках и картинах, – их фигуры были гораздо меньше. В случае Мазаччо земное уравнивается с небесным. Под сценой Святой Троицы изображен саркофаг со скелетом Адама. Еще ниже надпись: «И я был таким же, как вы, а вы такими, как я, только станете». Смысл этих слов: помни о бренности бытия и подумай о душе. В паре со сво-

им коллегой Мазолино он написал алтарный образ «Мадонна с младенцем и Святой Анной» для флорентийской церкви Святого Амвросия, сейчас он находится в галерее Уффици. На этой картине Иисус впервые изображен голеньким, но это еще не тело младенца, а мускулистая фигура античного героя. В том же музее находится маленькая иконка работы Мазаччо с забавным названием: «Мадонна щекотки». На ней изображена дева Мария, которая с улыбкой ласкает подбородок своего ребенка. Иисус уже не выглядит как взрослый философ или античный герой, а как младенец в пеленках.

Мазолино – тоже прозвище, художника звали Томмазо ди Кристофоро Фини. Имя такое же, как и у его коллеги, они были тезки. Сокращенно – опять Мазо, и ласкательно – Мазолино, маленький Мазо. Он придерживался больше готического стиля в живописи, но позже, под влиянием Мазаччо, перенимал элементы раннего Ренессанса. Вместе они начали роспись часовни семьи Бранкаччи в церкви Санта-Мария дель Кармине, при которой был монастырь ордена кармелитанцев. На примере этих фресок на тему «Первородный грех, Изгнание из Рая и истории из жизни святого Петра Апостола» видно поразительное различие в живописи двух художников. У Мазолино – утонченные фигуры, идеализированная анатомия, застывшие лица, статичные позы. Мазаччо старается соблюдать анатомию, хоть и не всегда правильно. У него четкая линейная перспектива – в центре фрески как будто точка, к которой сходятся все линии.

Выражения лиц и позы реалистичные и эмоциональные: достаточно посмотреть, как Ева плачет от отчаяния в сцене «Изгнание из рая». Фрески не были закончены по двум причинам: сначала уехали художники: Мазолино в Пизу, а Мазаччо – в Рим, где он вскоре умер в возрасте 27 лет при невыясненных обстоятельствах. Вторая причина – изгнание из Флоренции заказчика фресок Феличе Бранкаччи. Он был союзником Ринальдо Альбицци в заговоре против Козимо Старшего Медичи и поплатился за это. Заканчивал роспись часовни Бранкаччи молодой художник Филиппино Липпи, сын Филиппо Липпи, через 50 лет после Мазолино и Мазаччо. У Филиппо Липпи был учеником знаменитый живописец Алессандро Боттичелли, а Филиппино учился у Боттичелли, они были большие друзья.

Часовня Бранкаччи становится школой живописи для всех последующих поколений художников. Вазари в книге «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» приводит длинный список: Алессандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Доменико Гирландайо, Андреа Верроккьо, Андреа дель Сарто, Рафаэль Санти, Филиппо и Филиппино Липпи и еще очень много других. Говорят, Филиппино Липпи мечтал закончить эти фрески, когда впервые увидел их. И его мечта сбылась.

Однажды в этой часовне во время урока живописи произошла драка между 15-летним Микеланджело Буонарроти и его другом Пьетро Торриджани. Во время потасовки

Торриджани ударил противника кулаком в нос и сломал ему переносицу. Микеланджело на всю жизнь остался с этой отметиной, сломанным носом. Потом каждый раз, когда он слышал имя своего бывшего друга, то чувствовал боль в носу.

Любимым скульптором Козимо Старшего был Донателло, тот самый друг Брунеллески, который отправился с ним в Рим. Характер у Донателло был не лучше, чем у Брунеллески, они постоянно спорили и ссорились, но потом помирились. Это было еще до его работы в той злосчастной часовне, Старой ризнице. Вазари пишет, что однажды 22-летний Донателло вырезал из дерева распятие по заказу монахов-францисканцев для базилики Санта-Кроче. Он решил показать распятие своему другу и ожидал похвалы. Но Филиппо только посмеялся и раскритиковал его работу: «Ты изобразил на кресте не сына божьего, а крестьянина». У Донателло Иисус – это крепкий, мускулистый мужик со смуглой кожей, короткими волосами, некрасивым, искаженным от боли и агонии лицом. Скульптор обиделся и заявил: «Раз ты такой умный – попробуй сам, это дело нелегкое – вырезать распятие». Брунеллески, недолго думая, сделал деревянное распятие, на котором изобразил Христа, как аристократа: с белой кожей, тонком телом, длинными волосами и благородным, спокойным лицом. Потом Филиппо пригласил друга к себе домой на обед. По дороге они пошли на рынок и купили яиц, которые Донателло нес в переднике. Когда они

вошли на кухню и Донателло увидел распятие, он всплеснул руками от восторга и все яйца попадали на пол. Скульптор тогда сказал другу: «Ты действительно великий мастер и можешь изобразить сына божьего, а мне остается только изображать крестьян». Но было ли это так на самом деле – никто не знает. Распятие Донателло можно увидеть в церкви Санта-Кроче, а работу Брунеллески – в базилике Санта-Мария Новелла.

Уже в молодости Донателло выполнял многие важные заказы для собора, церквей: Орсанмикеле, Сан-Лоренцо, Санта-Мария Новелла, Санта-Кроче, колокольни Джотто, брал частные заказы. Его ранней скульптурой «Святой Иоанн Евангелист» для старого фасада флорентийского храма очень восхищался Микеланджело. Он взял ее за пример, когда ваял статую Моисея для гробницы римского папы Юлия II. Когда Донателло был постарше, он работал в городах Сиена, Лукка, Прато, Падуя, Рим, Неаполь. Сохранилось множество его оригиналов, большая часть которых находится во Флоренции, в национальном музее Барджелло. Конечно, такой скульптор не мог не привлечь внимание Медичи. Донателло был на три года старше Козимо, и они сразу же подружились, несмотря на горячий и вспыльчивый нрав мастера. Предположительно, Козимо и Донателло познакомились в Риме, куда первый поехал по делам банка, а второй – изучать античную скульптуру. Как мы уже видели на примере Филиппо Липпи, Козимо относился к своим любимцам

терпимо и прощал все их выходки.

Однажды по рекомендации Медичи к Донателло обратился купец из Генуи и заказал ему свой бронзовый бюст. Когда работа была закончена и торговец пришел за бюстом в мастерскую, он начал по привычке торговаться. Донателло вспылил, он не собирался делать скидку. Но купец настаивал на том, что бюст не стоит больше 15 флоринов. Позвали Козимо, чтобы он рассудил их спор. Бюст отнесли во дворец Медичи и установили на крышу у перил, так, чтобы его можно было лучше рассмотреть. В конце концов, разозленный Донателло схватил скульптуру и перебросил через перила. Бюст упал на землю и разбился вдребезги на множество кусков. Торговец испугался и залепетал извинения. Он пообещал заплатить вдвое больше оговоренной суммы, если Донателло снова отольет для него такой же бюст. Но тот заявил, что он художник, а не ремесленник, и посоветовал генуэзцу больше никогда не попадаться ему на глаза.

Кульминацией творчества Донателло становится бронзовый Давид, отлитый по заказу Козимо Старшего для внутреннего дворика своего строящегося дворца. Скульптору было уже за 50, когда он взялся за эту работу. Его Давид нарушил все моральные устои – это была первая полностью обнаженная статуя в натуральную величину через 1000 лет после падения Западной Римской империи. Донателло изобразил подростка с гибким, почти женским телом и длинными волосами. Он абсолютно голый, если не считать широкополой

пастушеской шляпы, увенчанной лавровым венком, и высоких сапог с изящным орнаментом и открытыми носками. Вес статуи приходится на правую ногу, а левой, отставленной в сторону, Давид попирает голову поверженного Голиафа. В правой руке юноша держит опущенный меч, в левой – камень из пращи. Голова наклонена вниз, он задумчиво смотрит на поверженного врага. Анатомия настолько точная, что нет сомнений в ее изучении, тут уже искусство вступает в союз с наукой. От шлема Голиафа тянется длинное перо, которое ласкает внутреннюю часть правой ноги и промежность Давида – явный намек на гомосексуальность автора. Он этого и не скрывал, несмотря на опасность: за содомию во Флоренции сажали в тюрьму.

Но Донателло был под защитой Козимо, а тот делал все, чтобы уберечь своего любимца от неприятностей. Почему Медичи заказал именно Давида? Намек очевиден: Давид – выходец из народа, который не побоялся сразиться с гигантом Голиафом, спас свой народ от порабощения и стал иудейским царем. Козимо Медичи – тоже выходец из народа, он победил своих врагов – аристократов, освободил Флоренцию от их тирании и стал некоронованным царем Флоренции. Сейчас эта статуя Давида находится в музее Барджелло вместе со львом Мардзокко, мраморным Давидом для собора и многими другими его статуями и рельефами. Потом, более 10 лет спустя, Донателло выполнит еще одну статую для Козимо. Ее тема: Юдифь убивает Олоферна – еще один

символ победы над тиранией и освобождения народа. Она будет установлена во дворике позади дворца Медичи, среди кустов цитрусовых в кадках из терракоты. Сейчас статуя Юдифи находится в палаццо Веккио, в зале Лилий.

Донателло работал очень плодотворно, у него была большая мастерская со множеством учеников рядом с собором. На ее месте сейчас находится ресторан под названием «Мастерская Донателло». Несмотря на то что Медичи платили скульптору хорошие деньги, он умер в нищете. Все заработанные деньги Донателло складывал в корзину, подвешенную у дверей мастерской, и разрешал своим ученикам свободно брать оттуда столько, сколько им нужно. Козимо Старший умер в 1464 году и завещал своему любимцу загородную виллу. Когда Пьеро, сын Козимо, сообщил ему об этом, Донателло развел руками и спросил: «А что я буду с ней делать?» – и попросил забрать ее обратно. Пьеро посмеялся, виллу забрал и назначил мастеру пожизненную пенсию. Скульптор всего на два года пережил своего покровителя, он умер в 1466 году в возрасте 80 лет и похоронен в церкви Сан-Лоренцо, рядом с Козимо Старшим. После его смерти остались одни долги.

В политической деятельности Медичи подавляли поползновения любого потенциального противника. Состоятельных кланов во Флоренции было много, самой богатой была семья Строцци, союзников Альбицци. Но как только Козимо замечал попытки сопротивления его власти – он сразу по-

сылал завуалированное предупреждение. Главе семьи могли мягко посоветовать обратить внимание на приобретение сельских поместий, в противном случае он близко познакомится с налоговыми инспекторами – сторонниками Медичи. По этой части многим было что скрывать. Проверки налоговых инспекторов боялись так же, как и сейчас. Власть Медичи была везде, но она была неуловима, такую трудно свергнуть. Поэтому их и называют первой итальянской мафией.

Медичи не забывали и о народе: во времена голода по их приказу хлеб и зерно раздавали бесплатно либо из их личных запасов, либо они покупали хлеб за свой счет за границей. Козимо считал, что народ надо прежде всего накормить, тогда он не будет бунтовать. Происходило это в церкви Орсанмикеле, где на втором этаже было зернохранилище. Пекли специальный хлеб с флорентийским ирисом, его так и называли: *pan gigliato*, хлеб с лилией. Булки кидали народу со второго этажа, и часто возникали драки, поэтому при раздаче хлеба всегда присутствовала полиция. Медичи часто устраивали праздники с угощениями, когда столы были расставлены по всему центру города и ломились от яств, а вино лилось рекой из настольных фонтанчиков. Тогда даже самый последний бедняк мог наесться досыта. Кроме кортежа волхвов были и рыцарские турниры, и праздники в честь покровителя Флоренции, святого Иоанна Крестителя, и Рождество, и Пасха, и флорентийский Новый год, который праздновали 25 марта, в день католического Благовещения. Народ

хотел хлеба и зрелищ, как в Древнем Риме.

Последние годы жизни и смерть Козимо Старшего

Последние годы жизни Козимо проводил много времени в своих поместьях в Муджелло вместе с Марсилио Фичино, которому он подарил виллу поблизости. Они читали произведения Платона, много беседовали, к ним приезжали и другие друзья гуманисты. Возможно, именно Козимо открыл Академию Платона во Флоренции, хотя чаще всего это приписывают его внуку Лоренцо. Здоровье его пошатнулось, он страдал подагрой, как, впрочем, и все его потомки. За год до смерти Козимо оплакал кончину своего младшего сына Джованни, который умер от инфаркта. Его старший сын Пьеро переживет отца всего на пять лет. Умер Козимо в своем флорентийском дворце 1 августа 1464 года в возрасте почти 75 лет под звуки голоса Фичино, который читал ему Платона. По словам Пьеро, отец не хотел пышных похорон, но на них все равно собрался весь город. Похоронили его в семейной церкви Сан-Лоренцо в самом центре, под куполом. Его саркофаг вмонтирован прямо в центральном пилястре. На гробнице Козимо высечены слова: *Pater Patriae*, Отец Отечества – за его меценатство и раздачу хлеба в голодные годы. На полу церкви под центральным куполом, над захоронением Козимо, Андреа Верроккьо инкрустировал плиту с кругом

из порфира и отделкой зеленым и белым мрамором, цветами веры, надежды и любви. Его жена Контессина пережила мужа на девять лет и старшего сына – на четыре года. Она жила с Пьеро Медичи и невесткой Лукрецией Торнабуони в их дворце, помогала растить внуков и умерла в возрасте 83 лет. Наступила эра Пьеро Медичи, по прозвищу Подагрик.

Глава 5

Пьеро Подагрик и французская лилия

Пьеро Медичи родился во Флоренции 19 сентября 1416 года, на пять лет позже родился его младший брат Джованни. Его прозвали Пьеро Подагрик, потому что он ненадолго пережил своего отца и больше ничем флорентийцам не запомнился. Но это не означает, что он не внес никакого вклада в развитие родного города, просто ему было отпущено меньше времени – всего пять лет. При жизни Козимо Старшего он всегда оставался в тени знаменитого отца, а после смерти его затмила слава его внука Лоренцо Великолепного.

Пьеро было 17 лет, когда Козимо Старший был изгнан из Флоренции. Он находился тогда в Муджелло со своей матерью и двумя братьями: 12-летним Джованни и 3-летним Карло. Впоследствии Пьеро настиг отца и дядю Лоренцо в Венеции, а потом поехал путешествовать по Северной Италии. Он провел много времени в Ферраре, где был желанным гостем при дворе династии д'Эсте. Там Пьеро впитал утонченную культуру двора и воспользовался лекциями просвещенных учителей, вызванных для обучения наследника Никколо д'Эсте. Так он стал превосходным знатоком классиче-

ских языков: древнегреческого и латыни. Пьеро вернулся во Флоренцию вслед за отцом Козимо и дядей Лоренцо. Ему как старшему сыну было суждено принять политическое наследство, которое кропотливо строил его отец. Для управления делами банка Козимо Старший выбрал своего младшего сына Джованни. В 1461 году, еще при жизни отца, Пьеро был избран на шесть месяцев на высокую должность гонфалоньера справедливости. Но после смерти брата Джованни в 1463 году Козимо был вынужден оставить финансовые и политические обязанности банка немощному Пьеро до тех пор, пока тот не обеспечил воспитание двух своих сыновей-подростков: Джулиано и Лоренцо. После смерти отца Пьеро наследует его политическую роль в негласном управлении республикой. Но если при Козимо это еще не признавали в открытую, то с приходом Пьеро это стало общепризнанной реальностью: он стал властителем Флоренции по праву семейного наследования. Хотя, по законам республики, его власть все еще была неофициальной, она просто признавалась молчаливо. Еще дальше пошел его старший сын Лоренцо: его власть стала непреложным фактом, он уже был практически некоронованным герцогом.

Пьеро женился в 1444 году на Лукреции Торнабуони, образованной и воспитанной девушке из старинного, благородного и богатого флорентийского клана. По фамилии этой семьи называется улица, где когда-то проходила самая первая западная стена города. В XV веке она была застроена двор-

цами элиты: Торнабуони, Торнаквинчи, Строцци, Антино-ри, Бартолини и других. В те времена это была флорентий-ская «Рублевка», а сейчас она известна любителям шопинга – все основные бутики расположены на улице Торнабуони.

Брат Лукреции, Джованни Торнабуони, впоследствии за-кажет роспись фресками главной часовни базилики Сан-та-Мария Новелла, которую сейчас называют по его фами-лии: капелла Торнабуони. Для работы он выберет самого лучшего и талантливого художника Флоренции: Доменико Гирландайо. Тема фресок была: «Истории из жизни Бого-родицы» на одной стороне часовни и «Истории из жизни святого Иоанна Крестителя» на другой, но это будет уже во времена правления Лоренцо Медичи. Гирландайо был боль-шим мастером по фреске, но алтарных образов на древе он написал тоже немало, их можно увидеть в галерее Уффи-ци, в галерее Академии и в некоторых церквях Флоренции. У Доменико была большая мастерская, где работали все его родственники: братья Давид и Бенедетто, шурин Себастьяно Майнарди родом из Сан-Джиминьяно, сын Ридольфо Гир-ландайо и множество подмастерьев. Самым известным его учеником станет, хоть и ненадолго, 13-летний Микеландже-ло Буонарроти. Он поступил в боттегу Гирландайо как раз в те времена, когда они писали фрески по заказу Торнабуони, и помогал им в работе над часовней. Говорят, Гирландайо изобразил подростка Микеланджело на этих фресках в роли Святого Иоанна Крестителя, который отправляется в пусты-

ню. Но это неточно, никаких доказательств этому нет. Доменико всегда изображал на фресках и картинах своих современников, заказчиков и всех их родственников, в том числе и членов династии Медичи. Он также не забывал изобразить и самого себя, и свою семью – его автопортреты есть почти на всех его произведениях живописи. При этом персонажи изображены очень реалистично, не идеализированно, как в эпоху придворной готики и Раннего Возрождения.

Гирландайо уделял большое внимание мелким деталям, это он перенял у фламандских художников, чьи картины начинают появляться во Флоренции. Он изображал моду XV века со скрупулезной точностью: длинные, до пола, платья с вышитыми съёмными рукавами у женщин. Рукава на платьях можно было менять – и уже получался другой наряд. Еще зимние рукава меняли на летние – это хорошо показано на его фресках, где одна и та же девушка изображена два раза в одном и том же платье, но с разными рукавами. У мужчин – разноцветные чулки, остроносые туфли – чем длиннее нос, тем лучше, короткие яркие кафтаны и плащи, иногда маленькие шапочки. Прически девушек, украшенные лентами, жемчугом и драгоценностями, он тоже изображал с детальной точностью. Замужние женщины постарше убирали волосы под чепец так, чтобы волос не было видно. На сценах в часовне Торнабуони видны флорентийская архитектура XV века, обстановка и мебель дворцов, тосканские пейзажи с кипарисами и оливковыми рощами. Примеры стенной жи-

вописи Гирландайо во Флоренции можно увидеть повсюду: в церквях, монастырях, дворцах знати. Он работал не только в своем родном городе, но и в других: Пиза, Сан-Джиминьяно, Пассиньяно, Рим. Его часто вызывали частные заказчики для росписей своих палаццо и загородных вилл, его слава талантливого живописца распространилась по всей Тоскане и за ее пределами. Фрески Доменико кажутся настолько свежими, будто выполнены несколько дней назад, хотя прошло уже больше 500 лет. Его секрет простой: он писал только по влажной штукатурке, которая высыхала вместе с темперой, и сцена оставалась на стене навсегда. Ее нельзя ни стереть, ни что-то изменить, только сбить вместе с верхним слоем. Но нужно было расписать за день именно тот кусок стены, который только что подготовили подмастерья. Иначе на следующий день штукатурка уже высыхала и нельзя было что-то добавить или поменять. Те, кого это не устраивало, писали по сухой стене. Тогда можно было и менять, и добавлять, но эта техника очень неустойчива и быстро повреждается. Джорджо Вазари пишет, что Гирландайо жалел в своей жизни только об одном: ему не позволяют покрыть фресками всю защитную стену Флоренции.

Но это все происходило уже позже, Доменико было 16 лет, когда началась эпоха Пьеро Подагрика. Он тогда еще учился в мастерской художника Алессо Бальдовинетти и только-только делал первые пробные мазки на картинах учителя. Потом Гирландайо какое-то время провел в мастерской Ан-

дреа Верроккьо, где работали Алессандро Боттичелли, Пьетро Перуджино, будущий учитель Рафаэля Санти, Леонардо да Винчи. Это была своеобразная лаборатория живописи, в которой велись бесконечные споры о цвете, динамике и ритме изображения, она сыграла важную роль в формировании стиля Доменико. О его первой самостоятельной работе – росписи капеллы Веспуччи в церкви Всех Святых – становится известно в 1470 году, через год после смерти Пьеро Медичи.

Внешность Пьеро Подагрика была более впечатляющая, чем у его отца. Возможно, сыграли роль гены матери Контессины де Барди. Есть его прижизненные бюсты и портреты, на которых изображен привлекательный, но достаточно суровый мужчина с короткими темными волосами, подстриженными «под горшок». Темные глаза чуть-чуть нависают, но черты лица уже более правильные, чем у его отца. Тонкий нос немного длинноват, но без горбинки. Губы тоже тонкие, но нижняя не выдается, и овал лица правильный. Его младший брат Джованни очень похож на Пьеро, их бюсты рядом друг с другом можно увидеть в музее Барджелло. Характер у Пьеро был скрытный, и вел он себя по-разному: мог быть очень галантным и светским кавалером, любящим мужем и отцом. Но во время приступов подагры становился замкнутым и раздражительным, когда страдал от сильных болей. Подагрой страдали все члены этой династии, но именно Пьеро был сильнее всего подвержен ее приступам. Возможно,

эта болезнь передавалась у Медичи по наследству и усугублялась распространенной в те времена диетой господ, в которой преобладало мясо. Богатые люди обожали охотиться и поглощали жареную дичь в огромном количестве. И не только из-за вкуса, но и из-за калорийности. Овощи считались крестьянской пищей, их не часто подавали к столу. Из фруктов Медичи предпочитали цитрусовые, остальными пренебрегали. Когда Пьеро было около 50 лет, он уже чаще всего передвигался на носилках.

Его жена Лукреция была на 11 лет младше мужа, ей было 17 лет, когда они поженились. Внешность у нее была невзрачная, на портрете работы Гирландайо изображена женщина с бледным овальным лицом с острым подбородком, темными, но невыразительными глазами, приспущенными веками. Длинный нос приплюснут в переносице, из-за этого она не чувствовала запахов. Такой дефект потом унаследует ее старший сын Лоренцо. Темные волосы убраны под чепец, видно только полоску на лбу. Несмотря на такой внешний облик, Лукреция была очень обаятельная и интеллигентная женщина с утонченными манерами. Она получила прекрасное гуманистическое образование, была большой поклонницей искусства, первой покровительницей молодого художника Алессандро Боттичелли, и сама писала прекрасные стихи. Лукреция была очень набожной женщиной, поэтому писала поэмы только на религиозную тему, и они не сохранились. Впервые в семье Медичи появилась женщи-

на, которая не оставалась в тени мужа, не занималась только домом, кухней, церковью и воспитанием детей, а сыграла определенную роль в истории как покровительница искусства. Кроме того, Лукреция занималась управлением банком Медичи, когда муж был болен. А когда он умер – налаживала общественные и дипломатические связи, раздавала милостыню нуждающимся и во многом способствовала росту авторитета своей семьи.

У Пьеро и Лукреции родилось семеро детей. Первыми были три дочери: Мария, Бьянка и Наннина. Старшую, Марию, выдали замуж за Леонетто де Росси, их единственный сын Луиджи станет кардиналом. Впоследствии Рафаэль Санти изобразит его на портрете с его двоюродными братьями: Джованни, папой Львом X и Джулио, будущим папой Климентом VII. Мария прожила недолго, она умерла в возрасте 29 лет. Бьянка родилась на год позже, она вышла замуж за Гульельмо Пацци, и у них родится 16 детей. Семья Пацци сыграет большую, но трагическую роль в истории династии Медичи – об этом я напишу в следующей главе. Наннина родилась через три года после Бьянки, ее выдали замуж за ученого-гуманиста Бернардо Ручеллаи, сына Иоанна Павла Ручеллаи, который оплатил фасад церкви Санта-Мария Новелла. Их брак остался в памяти флорентийцев как сплошной праздник: Бернардо и Наннина устраивали великолепные торжества и щедрые банкеты в лоджии Ручеллаи, построенной по проекту Леона Баттиста Альберти. В их саду

проводились собрания Академии Платона, на которые собирались все философы и гуманисты города. Сын Бернардо и Наннины, Джованни Ручеллаи, был известным поэтом, писателем и драматургом, его полное собрание сочинений находится в Падуе. Наконец, через год после Наннины родился долгожданный сын Лоренцо, а еще через четыре года – Джулиано. Еще два сына умерли при рождении.

Несмотря на то что Пьеро был практически калекой и так и остался в тени своего отца Козимо и сына Лоренцо, он был незаурядным политическим деятелем. Однажды, после смерти отца, Пьеро попросил доверенного человека провести полную проверку финансовых документов банка. Тот решил поугадать Медичи и заявил, что банк близок к банкротству. Пьеро решил потребовать от многих клиентов возврата крупных кредитов. Сразу стало ясно, что от английского короля Эдуарда IV ждать нечего, но это еще не было большой катастрофой. Когда он потребовал возвращения кредитов во Флоренции – многие торговцы оказались на грани банкротства. Дело в том, что из-за войны турок с Венецией нарушились поставки шелка и специй с востока и торговать было нечем. Это вызвало большое недовольство среди клиентов банка Медичи, особенно злобствовал их соперник – купец Лука Питти.

Клан Питти был одним из самых богатых, но и одним из самых расточительных во Флоренции. Лука был очень завистливым и двуличным человеком, он часто затевал козни

против соперников. Еще во времена Козимо Лука для виду его поддерживал, а сам потихоньку плел против Медичи интриги. В 1458 году он попытался захватить власть, но из этого ничего не вышло. Питти был изгнан из Флоренции, но быстро вернулся обратно. Чтобы насолить ненавистным Медичи, Лука решил начать постройку своей новой резиденции в районе Ольтарно. По легенде, он хотел такой большой дворец, чтобы его окна равнялись дверям во дворце Медичи. И такой большой внутренний двор, чтобы он был равен по величине всему палаццо Медичи. Говорят, что он воспользовался старым планом Брунеллески для дворца Козимо или сам Брунеллески спроектировал дворец для Питти. Но это все слухи, строительство палаццо Питти началось через десять с лишним лет после смерти Филиппо, и его авторство не доказано. Кто автор проекта, неизвестно, возможно, один из учеников Брунеллески.

Строительство палаццо Питти началось вскоре после возвращения Луки во Флоренцию, и замысел был действительно грандиозным. Питти устроили праздничный прием в честь начала работ по строительству, на который собрались многие аристократические кланы. Говорят, приглашенных усадили за стол не на скамьи, а на мешки с золотом, чтобы похвастаться своим богатством. Строительство началось, возвели постепенно три этажа фасада с тремя входными дверьми и по семь окон на втором и третьем этаже. Но денег ушло больше, чем ожидалось. Через 6 лет стройка была

заморожена, а семья Питти оказалась на грани банкротства. Через 90 лет этот недостроенный дворец купят, по иронии судьбы, проклятые Медичи и превратят его в свою главную резиденцию. А Питти так и останутся жить в старом доме напротив и наблюдать из окон, как разрастается их бывшее палаццо. Но династия Медичи вымерла, а потомки Луки Питти до сих пор живут напротив этого дворца и не похоже, что бедствуют. Их жилые апартаменты расположены на верхнем этаже, на нижних – дорогой 4-звездочный отель Pitti Palace и ресторан.

Но это все будет позже, а пока Лука опять замышляет государственный переворот. Политика Пьеро в отношении возврата кредитов вызвала недовольство не только Питти, но и других благородных семей: Аччайуоли, Содерини, Нерони. На этот раз он не удовлетворится изгнанием, Медичи должны быть казнены все, чтобы навсегда от них избавиться. Но Никколо Содерини был против такой радикальной меры и убедил остальных заговорщиков принять его сторону. Содерини предложил заменить старую систему назначения приоров из ремесленных гильдий, которая была под контролем Медичи, новой системой: путем жеребьевки из народа. Флорентийцы сначала встретили эту идею с энтузиазмом, и Никколо был избран на пост гонфалоньера. Но купцы остались недовольны таким решением и проголосовали против, но оказались в меньшинстве. Они считали, что народовластие приведет только к бунтам и торговля от этого

пострадает. За все время своего пребывания на посту новые приоры ничего толком не добились. А когда их переизбрали и они покинули правительственное здание, кто-то написал на дверях дворца Синьории: «Девять ослов разошлись по домам». Далеко идущей целью такой реформы было свергнуть Пьеро Медичи волной народного движения, но получилось наоборот: он стал еще сильнее. Хотели как лучше, а получилось как всегда.

В 1466 году скончался герцог Милана Франческо Сфорца, друг Козимо и Пьеро Медичи. Новым герцогом стал его 22-летний сын Галеаццо Мария Сфорца, который был очень странным и неуравновешенным человеком. Ходили слухи о его психической неполноценности, и на его помощь Медичи не могли рассчитывать – кто знает, как он себя поведет.

Тогда Пьеро решил затеять дипломатическую игру и привлечь на свою сторону Неаполь. Он посылает к неаполитанскому королю Фердинанду I Арагонскому своего 17-летнего сына Лоренцо с целью подружиться с монархом. Лоренцо вскоре возвращается с победой – ему легко удалось очаровать короля, который был известен своей свирепостью и коварством. Кроме того, Пьеро заполучил в друзья французского короля Людовика XI Валуа, который считается основателем абсолютной монархии во Франции. Монарху нужны были деньги на войну, как обычно. Медичи выдали ему большой кредит на таких выгодных условиях, что благодарный король Людовик XI обещал им полную поддержку в слу-

чае необходимости и подарил французскую лилию на семейный герб. Так щит Медичи украсила голубая сфера с золотой французской лилией.

Летом 1466 года была ужасная жара, и Пьеро уехал на загородную виллу в Кареджи. Эта усадьба находится гораздо ближе к Флоренции, чем замки Муджелло, а передвигаться на дальние расстояния Пьеро уже было тяжело. Сейчас вилла Кареджи находится в черте города, вокруг нее построен самый крупный больничный комплекс Флоренции, который тоже называется Кареджи. Заговорщики в его отсутствие не дремали, они продолжали действовать. На их стороне была Феррара, и они договорились с герцогом Феррарским о нападении на Флоренцию с целью убийства всех Медичи. Пьеро узнал об этом от доверенных людей и решил немедленно вернуться в город, но он уже передвигался очень медленно. Его сын Лоренцо выехал вперед на разведку, и ему донесли о засаде Луки Питти и его друзей с целью убить Пьеро. Лоренцо вернулся назад и предупредил отца, чтобы тот поехал кружным путем, а сам направился в город прежней дорогой. Заговорщики увидели юношу одного и сделали вид, что просто прогуливаются в лесу. Как бы между прочим спросили у Лоренцо о здоровье Пьеро. Юноша ответил, что отец чувствует себя гораздо лучше и едет за ним следом. После этого он ускакал прочь, а мужчины остались ждать свою жертву. Пьеро тем временем вернулся во дворец совсем другой дорогой и принялся созывать сторонников. Заговор Луки Питти

провалился, убийство не состоялось, и союз заговорщиков распался. Герцог Феррарский узнал, что народ Флоренции на стороне Медичи, и отозвал свои войска. Говорят, Лука слезно молил Пьеро о прощении и предложил одну из своих дочерей в жены Лоренцо. Народное восстание, на которое рассчитывал Содерини, не состоялось. Вскоре Пьеро Медичи восстановил прежнюю систему избрания в совет приоров, и в Синьории победили все сторонники Медичи. Их власть была восстановлена, но особых возражений со стороны населения и не было.

Пьеро удалось удержать на плаву и банк Медичи, для этого он провернул важную коммерческую операцию. Еще во времена Козимо банк принимал участие в торговле квасцами. Квасцы – это минеральная соль, образующаяся в результате вулканической деятельности. Они широко применяются в текстильной промышленности для дубления кожи и окраски тканей, а это было основным производством во Флоренции. Квасцы поставляли из Азии, но в 1462 году крупные залежи этой соли были обнаружены в Папской области, в городке Толфы недалеко от Рима. Папская курия тут же объявила это место своей монополией и запретила ввозить квасцы из Азии, при этом непослушных отлучали от церкви. Банк Медичи со своими филиалами по всей Европе был самым подходящим для папы в деле с квасцами, поэтому Пьеро без труда заключил договор на совершение весьма крупных операций и контролировал торговлю половины

всех запасов этой соли в шахте Толфы.

Но в 1464 году умирает папа Пий II, при котором Медичи были банкирами Папской курии. Через два года новый понтифик Павел II отказался от услуг Медичи и перевел счета в банк своих родственников венецианцев. Казалось, выгодное дело потеряно навсегда. Пьеро вновь снаряжает в путь Лоренцо, теперь уже в Рим, на переговоры с папой. При этом он провел подробный инструктаж, как действовать. Надо было убедить понтифика, что без банка Медичи ему не обойтись. Благодаря обаянию Лоренцо и мудрым инструкциям его отца Пьеро банк Медичи вернул контроль над торговлей квасцами.

Меценатство Пьеро ди Медичи

Пьеро занимался меценатством, как и его отец. Он уважил желание Донателло быть похороненным рядом с Козимо в церкви Сан-Лоренцо и сам оплатил церемонию. Слово «церемония» – этрусского происхождения, от названия крупного этрусского города Цере. Сейчас он называется Черветери, там обнаружили самые крупные захоронения этой цивилизации, целые города мертвых.

Надгробный памятник Донателло из белого каррарского мрамора с позолотой внутри церкви был выполнен уже в конце XIX века. Скульптор изображен как будто спящим на скамье, покрытой роскошным покрывалом, с подушкой

под головой. Она находится в глубине табернакля, окруженного с двух сторон квадратными колоннами с капителями. Над фигурой усопшего высечен рельеф: «Мадонна с младенцем», над табернаклем – полусфера в виде ракушки, символ бессмертия души. На самом верху памятника виден ребенок Иисус, поддерживающий гирлянды из листьев дуба.

Не забыл Пьеро и художника Филиппо Липпи, который сбежал от Лукреции Бути в Сполето и пустился во все тяжкие: соблазнял женщин и создавал шедевры – фрески и алтарные образа. Ходили слухи, что он соблазнил юную девушку, и ее разгневанные родители отравили художника. Филиппо Липпи действительно умер в Сполето в возрасте 63 лет. Когда Пьеро Подагрик узнал об этом, он оплатил его похороны и похлопотал о могиле на местном церковном кладбище.

Благодаря Медичи художники и скульпторы начали верить в себя, в свой талант и гениальность. Он стали свободными в том смысле, что могли свободно выражать себя в своих произведениях, писать или ваять в своей индивидуальной манере и не бояться осуждения или наказания со стороны церкви. Могли, пока существовали их покровители Медичи.

В 1468 году, за год до смерти Пьеро, в мастерской Андреа Верроккьо началась отливка медного позолоченного шара с крестом, чтобы увенчать белый фонарь купола Санта-Мария дель Фьоре. Мастерская Верроккьо в те времена была самой популярной во Флоренции, там осуществляли любые заказы: от росписи посуды до архитектурных проектов. Среди заказ-

чиков были и Медичи, ведь Верроккьо считался непревзойденным декоратором и режиссером придворных празднеств, которые они часто устраивали. Однажды местный нотариус Пьеро да Винчи привел к нему в боттегу своего незаконнорожденного сына-подростка, которого звали Леонардо да Винчи. Мальчику было 13 лет, в тот же день он распрощался с отцом и остался жить при мастерской. Там уже учились и работали другие молодые люди: Лоренцо ди Креди, Алессандро Боттичелли, Пьетро Перуджино. С Лоренцо ди Креди и Пьетро Перуджино Леонардо подружился на всю жизнь. Вместе они трудились над сферой диаметром 2,5 метра, на которую ушло около 20 тонн меди. Установить шар на место удалось только в 1471 году, уже после смерти Пьеро Подагрика. Сейчас на купол собора можно подняться пешком, у основания фонаря есть смотровая площадка. Нужно купить билет и забронировать время входа, потом преодолеть 463 ступеньки – это как подняться пешком на 30-этажный дом. Последний участок пути на смотровую площадку идет как раз между двумя куполами, где расстояние 1,2 метра. По дороге можно близко рассмотреть кладку кирпичей «елочкой», на которой настаивал Филиппо Брунеллески. Он оказался прав, купол до сих пор стоит на своем месте. А вот шар постоянно притягивал молнии и один раз даже упал, в 1601 году, когда молния в очередной раз ударила в сферу. На мостовой позади храма на этом месте находится круглая отметка из белого мрамора.

Пьеро Медичи и Лукреция Торнабуони были очень верующими людьми, их любимой церковью была базилика Святого Благовещения. Она находится на той же площади, где построили Воспитательный дом по проекту Брунеллески. В конце XI века графиня Матильда Каносская основала за пределами городской стены маленький ораторий для молитвы. Потом, в середине XIII века, ораторий был разрушен, и на его месте были построены церковь и монастырь для ордена сервитов – слуг Марии. Это единственный монашеский орден, который основали сразу семь человек. По преданию, им всем одновременно было видение Богородицы, которая явилась в слезах из-за кровопролитных войн между гвельфами и гибеллинами. После этого семь избранных Марией удалились из города, поселились на горе Монтесенарио и основали монашеский орден сервитов. В середине XIII века им выделили место бывшего оратория Матильды Каносской, все еще за пределами защитной стены, где они построили церковь и монастырь.

С этой базиликой связана еще одна легенда: когда здание было закончено, одному из монахов-художников, брату Варфоломею, поручили написать на внутренней стороне фасада фреску «Благовещение». После долгой молитвы он взялся за работу и выполнил ее достаточно быстро. Но вот беда, лик Мадонны никак не получался. Монах снова начал горячо молиться и вдруг впал в транс, во время которого ему было видение Девы Марии. Богородица позировала для

фрески, а рука художника водила кистью сама по стене. Когда брат Варфоломей очнулся, он увидел, что лик Богородицы был выполнен. Впоследствии эту фреску сняли со стены, вставили в красивую рамку из позолоченной бронзы с драгоценными камнями и поместили на внутренней стороне фасада. Правда, стилистический анализ произведения несовместим с легендой – фреска имеет характеристики живописи XIV века, стиля Джотто, который был невозможен в византийской Флоренции середины XIII века. Но предания всегда украшают жизнь, им можно не верить, но их интересно читать. Флорентийцы остались настолько преданы легенде, что эта фреска дала название церкви, и богослужения до сих пор проводятся около нее, а не в апсидальной части за алтарем. Это удивляет многих посетителей, которые заходят в церковь во время службы и не знают, в чем дело.

В середине XV века благодаря помощи и деньгам Пьеро Медичи базилика была полностью перестроена и расширена. Над проектом работал неизменный архитектор Микелоццо, апсидальную часть и трибуны проектировал другой знаменитый зодчий – Леон Баттиста Альберти. Он нам знаком как автор фасада церкви Санта-Мария Новелла, дворца и лоджии Ручеллаи. Вокруг легендарной фрески по заказу Пьеро Подагрика была построена маленькая часовня, которая называется Капелла Мадонны. Она состоит из четырех коринфских колонн из каррарского мрамора высотой 5,2 метра. Они поддерживают резной антаблемент – горизонталь-

ное перекрытие, которое опирается на колонну. На его фризе вырезаны фестоны – орнаментальные полосы с узором из листьев и цветов, ленты и символические медальоны. Потолок часовни сделан из мрамора с позолотой и эмалью, он является работой мастерской Луки делла Роббиа. Вход закрыт бронзовой решеткой.

Внутри церкви Пьеро заказал построить маленькую тайную келью лично для себя, как его отец Козимо заказал личную келью в монастыре Сан-Марко. Она находится между стенами над колоннами справа. Над вторым медальоном видно окно с золоченой решеткой, из которого семья Медичи могла в частном порядке присутствовать на литургических мессах, проходивших в Капелле Мадонны. Окно настолько незаметно, что если об этом не знать – ни за что не догадаешься, что у Медичи там была секретная комната. Они туда проходили снаружи через тайную дверь и секретный ход. Потом этой кельей воспользуется в начале XVII века еще одна представительница этой династии, Мария Магдалина Медичи, но это уже совсем другая история.

Впоследствии церковь Святого Благовещения обогащалась фресками, статуями и алтарными образами. В середине XVI века дворик перед фасадом расписывал художник Андреа дель Сарто с учениками на тему «Истории из жизни Марии». В середине XVII века внутри она была богато украшена в стиле барокко, многие семейные часовни были перестроены. В другом внутреннем дворике располагалась пер-

вая художественная академия Флоренции, академия Рисунка, посвященная святому Луке Евангелисту. Ее членом был Леонардо да Винчи, который в начале XVI века вернулся во Флоренцию из Милана и писал «Джоконду». В этой церкви Леонардо выставил свой картон «Мадонна с младенцем и святой Анной». Это был эскиз к картине, которую он никогда не написал. Впоследствии картон был утерян. Во двореке находится капелла святого Луки, где похоронены Бенвенуто Челлини, Андреа дель Сарто, Понтормо и некоторые другие художники XVI века. В самой церкви похоронены скульпторы XVI века: Баччо Бандинелли и Джамболонья, о них будет рассказ во второй части.

На площади Святого Благовещения до сих пор проводятся праздничные мероприятия 8 сентября, в день рождения Богородицы, и 25 марта, в день католического Благовещения. В этот день, а не 1 января, во Флоренции праздновали Новый год. То же самое было и в Сиене, и в Пизе. Только Пиза отсчитывала летоисчисление на год вперед: если во Флоренции и Сиене встречали 1500 год, то в Пизе уже 1501. Так продолжалось до тех пор, пока в 1750 году великий герцог Тосканский Пьетро Леопольд Лотарингский не издал указ, по которому Новый год полагалось праздновать 1 января. Но традиция флорентийского Нового года тоже сохранилась, 25 марта проводится праздничный исторический кортеж с барабанщиками, трубачами и знаменосцами в средневековых костюмах. Он идет через исторический центр к базилике

Святого Благовещения, где проводится торжественная месса в капелле Мадонны.

Кроме этой церкви Пьеро Медичи оплатил постройку часовни Распятия в базилике Святого Мины Флорентийского на горе. В этой капелле когда-то находилось распятие, перед которым молился Иоанн Гуальберто после неудавшейся мести за убийство брата. Распятие впоследствии перенесли в церковь Святой Троицы, а на его месте находится алтарный образ на дереве со сценами из жизни святого Мины. Работу над иконой приписывают художнику Аньоло Гадди, последнему последователю Джотто, который жил в конце XIV века. Часовню для алтаря спроектировал Микелоццо по заказу Пьеро Медичи, ее цилиндрический свод был украшен глазурованной терракотой мастерской Луки делла Роббиа.

Пьеро увеличил семейную коллекцию старинных рукописей, начал собирать гобелены, античные камеи, драгоценные камни, парадное оружие и музыкальные инструменты, придавая флорентийскому Возрождению эклектичный и разнообразный оттенок. Он заказывал семейные бюсты скульпторам Мино да Фьезоле и Андреа Верроккьо, алтарные образы и фрески художникам Беато Анджелико, Доменико Венециано, Алессо Бальдовинетти и Беноццо Гоццолли. В палаццо Медичи находился кабинет, построенный по его заказу Микелоццо и Лукой делла Роббиа, где он хранил наиболее ценные экземпляры из семейной коллекции. Комната была украшена деревянными панелями с инкрустацией и ме-

дальнами из глазурованной полихромной терракоты. Этот кабинет не сохранился из-за последующих событий.

Когда сыну Пьеро, Лоренцо Медичи, исполнилось 20 лет, было решено его женить. На этот раз выбор пал не на флорентийскую девушку из благородной семьи, Лукреция Торнабуони лично отправилась в Рим выбирать невесту сыну. Она выбрала Клариче Орсини родом из старинного княжеского римского рода, племянницу кардинала Латино Орсини. Лукреция познакомилась с ней еще в 1467 году в соборе Святого Петра в Риме. Она ездила туда часто по делам банка Медичи, когда Пьеро уже не мог передвигаться. Девушка ее покорила скромностью и простотой, к тому же брак был очень выгоден в целях повышения социального статуса Медичи – впервые они вошли в круг высшей итальянской аристократии. Им нужно было завязывать родственные связи не только в Тоскане, но и в папском государстве. К тому же приданое Клариче было солидное, оно составило 6000 золотых флоринов. Она прибыла во Флоренцию 2 июня 1469 года в сопровождении Джулиано Медичи, Гульельмо Пацци и Бернардо Ручеллаи – это были брат и два зятя будущего супруга. Бракосочетание состоялось через два дня в семейной церкви Сан-Лоренцо, после чего три дня подряд длился свадебный банкет во дворце Медичи. Столы с кабаньим мясом, телятиной, дичью и молочными поросятами были расставлены во дворе и в садах. Народу раздавали угощение и сладости, одним из самых популярных десертов были фигуры из сахара

– еще одно новшество Медичи.

Это было последнее радостное событие в жизни Пьеро Подагрика. В этом же году, 2 декабря, он скончался в возрасте 53 лет. Он был похоронен рядом с братом Джованни в той же семейной церкви Сан-Лоренцо, над их надгробием работал Андреа Верроккьо по заказу сыновей Пьеро, Лоренцо и Джулиано Медичи. Если войти в Старую ризницу, то слева от входа можно увидеть саркофаг, сделанный по типу древнеримских. Он выполнен из порфира – самого дорогого мрамора темно-бордового цвета, с инкрустированным кругом из зеленого мрамора, с крышкой и постаментом из белого – цвета добродетелей. Надгробие украшено бронзовыми гирляндами и стоит на львиных лапах из бронзы. На постаменте надпись: *patres patriae*, отцы отечества. Это относится и к Пьеро, и к его брату Джованни. Если бы они жили дольше, то прославили бы Флоренцию не хуже их знаменитого отца. Впоследствии этот саркофаг изобразит Леонардо да Винчи на картине «Благовещение».

Лукреция Торнабуони после смерти мужа прожила еще 13 лет. Она помогала сыновьям в управлении банком Медичи, видела убийство своего младшего сына Джулиано, пережила смерть старшей дочери Марии и изгнание средней дочери Бьянки из Флоренции. Лукреция умерла 27 марта 1482 года в возрасте 55 лет и похоронена рядом с мужем в церкви Сан-Лоренцо. После смерти Пьеро Подагрика наступила эпоха Лоренцо Великолепного, золотой век Флорен-

ции.

Глава 6

Лоренцо Великолепный – некоронованный князь Флоренции

Лоренцо родился 1 января 1449 года во дворце Медичи. Рождение мальчика после трех девочек вызвало такую радость родителей, что праздники и банкеты длились несколько дней. Был еще жив его дед, Козимо Старший, который сразу же привязался к внуку. А через четыре года родился и младший сын, Джулиано. Таким образом, продолжение династии было обеспечено. Когда мальчики подросли, Козимо Старший сам занимался их воспитанием. Лоренцо называли в честь Святого Лаврентия, покровителя их семейной церкви. Это имя часто встречается в семье Медичи: один из сыновей Пьерфранческо, сына Лоренцо Старшего и двоюродного брата Пьеро Подагрика, тоже был назван Лоренцо. Он и его младший брат Джованни приходились троюродными братьями Лоренцо и Джулиано, будем называть их кузены Лоренцо и Джованни. Прозвище «Великолепный» Лоренцо получил уже позже за страсть к искусству и за свои благодеяния, он был самым большим поклонником архитектуры, живописи и скульптуры в этой семье и основал первую в Европе художественную академию. Лоренцо обожал старинные камеи и античные вазы, ими он существенно пополнил коллекцию

своего отца. Но есть и обратная сторона медали: Лоренцо оказался никудышным банкиром, тратил огромные деньги на меценатство и довел банк Медичи почти до банкротства.

Дети Пьеро и Лукреции получили прекрасное образование. Мать сама обучала их грамоте и стихосложению, благодаря ей Лоренцо начал писать свои первые стихи и впоследствии прославился как поэт. Домашними учителями были друзья Козимо Старшего, ученые-гуманисты: Марсилио Фичино и Кристофоро Ландино, которые преподавали латынь и философию Платона. Греческому языку и греческой философии Аристотеля их обучал византийский ученый Аргиропуло, грек по происхождению. Он приезжал на Ферраро-Флорентийскую унию, провел тогда много времени в Италии, а потом вернулся в Константинополь. После падения Восточной Римской империи ему пришлось оттуда бежать, он вернулся в Италию и нашел приют во Флоренции у Козимо Старшего. Алессандро Боттичелли изобразил Аргиропуло на картине «Поклонение волхвов», среди толпы справа, где есть его автопортрет. Лоренцо окончил Флорентийский университет, где учился риторике и поэтике, а также слушал лекции по истории греческой мысли и культуры. Его уже с детства готовили к большой политике, дед Козимо разрешал ему присутствовать на многих собраниях и переговорах. Достаточно быстро юноша уже сам проводил встречи с делегациями и купцами из других республик и стран.

С внешностью Лоренцо не повезло, он был откровенно

некрасив: неправильные черты лица, смуглая, нечистая кожа, жидкие черные волосы, кустистые брови над темными глазами навывкате, длинный широкий нос с приплюснутой переносицей и припухшим красным кончиком. Кроме того он не чувствовал запахов, как и его мать Лукреция Торнабуони. Верхняя губа была слишком тонкая, а нижняя – широкая и выпяченная, нижняя челюсть выдавалась вперед. Голос у Лоренцо был хриплый и неприятный, он говорил в нос. Несмотря на такую внешность, он был очень обаятельным молодым человеком и мог очаровать любую женщину.

Его младший брат Джулиано был, наоборот, большой красавец с утонченными, благородными чертами лица, темными, слегка вьющимися волосами, красивыми карими глазами, приятным голосом и учтивыми манерами. У Джулиано был веселый и дружелюбный характер, он был любимцем всей Флоренции и самым завидным женихом после Лоренцо. Братья были неразлучны с детства, вместе учились, развлекались, охотились, устраивали праздники, турниры и исторические шествия. Очень тесные отношения были у Лоренцо и с сестрами, и с матерью, и с отцом, и особенно с дедушкой Козимо. В те времена обычно глава семьи был патриархом, а остальные члены клана как бы растворялись в его тени и должны были подчиняться. Когда самый старший умирал – его сыновья становились патриархами уже в своих семьях. У Медичи, начиная с Козимо Старшего, эта система постепенно начала меняться. Члены его семьи не растворялись в

его тени, а могли проявить свою индивидуальность. Однажды, когда Козимо принимал делегацию из Лукки, в кабинет вошел 9-летний Лоренцо с палочкой в руках и попросил дедушку вырезать из нее дудку. Козимо тут же, прямо при купцах, принялся за работу и не остановился, пока не закончил. Когда довольный Лоренцо удалился, купцы недовольно спросили, что все это значит. Козимо объяснил им, что для него семья важнее всего, даже важнее переговоров.

Когда Лоренцо было 15 лет – умер дедушка Козимо. Пьеро чувствовал, что долго не проживет, и старался подготовить старшего сына как можно скорее к политической роли, руководству республикой. Он поручал ему выступать публично от своего имени, отправлял в другие города с дипломатическими миссиями, с которыми юноша успешно справлялся. Мы это уже видели на примере его удачных переговоров с королем Неаполя и папой Павлом II. Потом отец посылал его в Милан на бракосочетание сына неаполитанского короля Фердинанда I Альфонсо Арагонского с дочерью герцога Миланского Ипполитой Марией Сфорца. Присутствие на этой свадьбе было очень важно для поддержания дружеских связей с Неаполем и Миланом. Затем были поездки в Болонью, Феррару, Венецию, где Лоренцо выполнял различные поручения отца. Единственное, к чему у него не лежала душа, было банковское дело. Через много лет это привело к катастрофическим последствиям. Делами банка после смерти Пьеро занималась Лукреция Торнабуони, а после ее

смерти – доверенные служащие, которым, как оказалось, не всегда можно было доверять. Они проводили сомнительные сделки, воровали и довели Медичи почти до разорения.

Молодость – прекрасная пора, и она очень мимолетна. В возрасте 16 лет Лоренцо познакомился с местной красавицей Лукрецией Донати в очень неподходящем для этого месте: на похоронах. Ей было 18 лет, она была на два года старше Лоренцо и только что вышла замуж за Никколо Ардингелли. Муж был на 15 лет старше девушки, брак был заключен по расчету, особой любви между супругами не было. Никколо был торговцем, часто уезжал по делам на Восток и очень редко появлялся во Флоренции. Любовь между молодыми людьми вспыхнула быстро, как удар молнии, и впоследствии Лоренцо часто говорил, что никто не заменит в его сердце Лукрецию. Но, возможно, любовь между ними была платонической, и никакой физической связи не было. В те времена не было ничего плохого в том, чтобы выбрать дамой сердца замужнюю женщину. Для плотских утех вполне годились проститутки или служанки. Можно было писать восторженные стихи своей возлюбленной, а потом заниматься любовью с рабыней и плодить внебрачных детей. К чести Лоренцо, у него бастардов не было, по крайней мере о них ничего не известно. Может быть, поэтому Ардингелли относился к поклоннику своей жены совершенно спокойно. Впоследствии и жена Лоренцо, Клариче Орсини, нисколько не ревновала мужа. Об этом говорит тот факт, что Клариче со-

гласилась быть крестной матерью Пьеро Ардингелли, сына Лукреции и Никколо.

Сохранилось очень много любовных стихов, которые Лоренцо посвятил своей возлюбленной. В этих стихах он воспевал ее под именем Дианы, римской богини охоты. Он превозносил ее как светлую звезду, как блестящее солнце, как богиню, явившую земле небесное совершенство. В феврале 1469 года был организован рыцарский турнир, который, как утверждают, был связан с образом Лукреции. Такие турниры проводились часто, на них собиралась огромная толпа народа. На трибунах под навесами располагалась флорентийская знать, остальные толпились на площади, смотрели из окон, с балконов и крыш. Сначала герольды в роскошных ливреях трубили в фанфары и объявляли о начале турнира. Потом на площадь выезжали рыцари в блестящих доспехах и шлемах с плюмажами. Их коней вели под уздцы пажи, сами рыцари демонстрировали толпе щиты с семейными гербами и, проезжая мимо королевы турнира, опускали перед ней копья. Лоренцо выступал под знаменем работы Андреа Верроккьо, на котором была изображена молодая женщина, плетущая венок из зеленых и бурых листьев лавра. Над женской фигурой, очень похожей на Лукрецию Донати, была радуга в солнечном небе с девизом: «Эпоха возвращается». Поединки продолжались до тех пор, пока один рыцарь не выбьет другого из седла. Никто никого не собирался ни ранить, ни тем более убивать, это было чисто театральное представле-

ние. Лоренцо был объявлен победителем турнира, а Лукреция – королевой красоты.

В музее Барджелло находится знаменитый бюст работы Андреа Верроккьо под названием «Дама с букетом». Предположительно, заказчиком был Лоренцо, а позировала скульптору Лукреция Донати. Это был первый в истории скульптуры бюст почти по пояс, не только голова и плечи. Скульптор уделил детальное внимание не только чертам лица и прическе, но и изящным рукам с длинными тонкими пальцами, которые трепетно касаются маленького букетика цветов на груди. С тончайшим мастерством передано платье, создающее легкие, струящиеся складки и заломы ткани.

Семья Лоренцо Великолепного и начало его правления

Клариче Орсини была на четыре года младше мужа, за годы брака у них родилось 10 детей, трое из которых умерли в младенчестве. Старшая дочь Лукреция, названная в честь бабушки, была выдана замуж за Якопо Сальвиати. Она, в свою очередь, тоже родила 10. Одна из ее дочерей, Мария Сальвиати, станет женой Джованни делле Банде Нере и матерью герцога Козимо I Медичи. Джованни делле Банде Нере – это сын кузена Джованни в браке с Катериной Сфорца, незаконнорожденной дочерью герцога Миланского Галеаццо Мария Сфорца. Лукреция проживет 83 года, переживет

второе и третье изгнание Медичи из Флоренции, смерть своей дочери Марии. Она доживет до того дня, когда ее внук Козимо будет официально коронован как герцог Флоренции, в 1537 году. Другая дочь Лукреции, Франческа, выйдет замуж за своего дальнего родственника Оттавиано Медичи, их сын Алессандро станет папой Львом XI. Следующим родился сын Пьеро, которому впоследствии дадут прозвище «Невезучий», про него следующая глава. Потом родилась дочь Магдалина, которую выдадут замуж за племянника папы Франческо Чибо. Затем сын Джованни – будущий папа Лев X, про него тоже отдельная глава. Пятым ребенком была дочь Луиза, которая умерла в возрасте 11 лет от туберкулеза вместе с матерью Клариче Орсини. Потом родилась еще одна дочь, Контессина. Самым младшим в их семье был сын Джулиано, будущий герцог Немурский. Он первым в династии Медичи получит такой высокий титул.

Лоренцо получил такое превосходное гуманистическое образование, что с ним не мог сравниться ни один европейский государь. Опытный латинист Джентиле Бекки научил его понимать и любить мифологию и поэзию Овидия, риторику Цицерона, а Марсилио Фичино привил любовь к философии Платона. Уже подростком Лоренцо посещал собрания Платоновской академии, слушал рассуждения и споры видных философов. Все это было настолько новым и необычным в Европе, что он выделялся среди своих сверстников, европейских принцев. Он и рос, как маленький

принц. Когда после смерти отца Лоренцо стал его наследником – к нему явилась делегация приоров и самых уважаемых граждан республики – просить 20-летнего юношу «взять на себя, следом за дедом и отцом, заботу о городе». Так об этом пишет сам Лоренцо в своих воспоминаниях. По сути, официально он так и не был главой государства, но по факту стал некоронованным князем Флоренции.

Кроме получения знаний Лоренцо нравились конные прогулки в сельской местности, охота, особенно соколиная, игра в футбол без правил. Игра в такой футбол до сих пор проводится во Флоренции на площади Санта-Кроче 24 июня, в день святого покровителя города Иоанна Крестителя. Перед игрой через центр города идет исторический кортеж в костюмах: сначала градоначальник на коне, за ним представители гильдий со своими гербами на знаменах, оруженосцы, трубачи, барабанщики и флагометатели. Замыкают кортеж участники игры в средневековых костюмах, раньше они были с ливреями. Поэтому эту игру называют «футбол в костюме». Матч проводится между представителями четырех флорентийских кварталов, одетых в костюмы разного цвета: Санта-Мария Новелла – красные, Сан-Джованни – зеленые, Санта-Кроче – синие и квартал Святого Духа – белые. Перед днем Иоанна Крестителя проводятся два полуфинала, 24 июня – финал. Правил игры никаких нет, нужно забить гол любыми способами, поэтому постоянно бывают драки.

Лоренцо был хорошо развит физически, силен, энерги-

чен, он был лидером во всем. Мечта, а не мужчина, несмотря на некрасивую внешность. Стихи он сочинял не религиозные, а на любовные или на мифологические темы. Известны его сонеты, канцоны, секстины, баллады, даже детективная пьеса. Он использовал и народные мотивы, однажды написал поэму «Нимфа из Барберино», где воспевал любовь простого крестьянина к такой же, как и он, простушке. Барберино – это небольшой городок в долине Муджелло, недалеко от их замков, где Медичи часто проводили время летом. Себя Лоренцо часто отождествлял с каким-нибудь мифологическим героем, а Лукрецию Донати – с возлюбленной героя. Писал он, как и Данте, не на латыни, а на тосканском диалекте. Один из его стихов «О, как прекрасна юность. И как же она преходяща. Не трать времени на уныние, кто знает, что ждет тебя завтра».

Под стать ему был его брат Джулиано, который был мастером организации праздников и турниров, принимал активное участие в парадах и шествиях и был прекрасным барабанщиком. К тому же он был красавчиком и любимцем всех флорентийских девушек. И он платил им такой же пылкой любовью и очень часто влюблялся. Любая из них, не сомневаясь, тут же вышла бы замуж за Джулиано. Но, как мы уже знаем, династические браки были только по расчету. И если повезет – то будет и расчет, и любовь.

Мы не знаем, любил ли Лоренцо свою жену. Влюблен не был, но глубоко уважал, заботился о ней и детях и в какой-то

мере был привязан к жене. Своих сыновей и дочерей он просто обожал, особенно младшую, Контессину. Клариче Орсини была полной противоположностью Лоренцо: она была очень набожная и строгая, получила религиозное образование и не разделяла интересов мужа к гуманистическим наукам, философии и мифологии. Клариче не одобряла такое образование для своих детей и старалась воспитать их в религиозном духе. Для флорентийцев она была иностранкой, чужой по духу. Они ее приняли только потому, что она была женой Великолепного. Клариче и сама не пыталась вписаться в среду и найти подруг среди флорентийских дам. Ей было вполне достаточно жить по старинке, в тени мужа, и выполнять свои обязанности хозяйки дома. Орсини было чем заняться, она каждый год рожала по ребенку, то есть почти всегда была беременной. Пышные праздники и собрания гуманистов ее не интересовали, она принимала в них участие, только если это было необходимо. Ни искусство, ни литература не привлекали ее внимание, и она не одобряла мужа, который окружал себя философами, скульпторами, художниками и поэтами. Клариче считала, что это люди низкого сословия, и они отвлекают мужа от важных политических дел. Особенно ее раздражало, что эти «пополаны», так называли простой народ, постоянно толпятся в их дворце, обедают и ужинают, как равные, за их столом, а некоторые даже живут в палаццо Медичи. Она также подозревала мужа в изменах, но при этом держалась с достоинством, не устраивала мужу

скандалов. За 19 лет жизни во Флоренции Орсини так и не привыкла ни к городу, ни к его жителям, не сблизилась с мужем духовно. В 1488 году Клариче умерла от туберкулеза в возрасте 34 лет вместе с дочерью Луизой, ни одного ее портрета не осталось.

Если Лоренцо удалось легко женить, то с Джулиано все было не так просто. Лукреция Торнабуони делала несколько попыток найти ему невесту, но бракосочетание каждый раз срывалось. Джулиано много путешествовал, в 1471 году он пробыл месяц в Милане, при дворе Галеаццо Мария Сфорца. Потом он поехал в Венецию, где был принят со всеми почестями. Затем посетил Падую, Виченцу, Верону, Мантую – везде его принимали, как принца. Однажды, когда он возвращался на родину, он чуть не стал жертвой покушения со стороны давнего врага Медичи, изгнанного из Флоренции. В 1473 году ему предложили духовную карьеру и кардинальскую мантию, которую он вежливо отклонил. Точно так же Джулиано отклонял под любым благовидным предлогом предложения своей матери или брата о бракосочетании. Похоже, его не устраивала ни одна невеста. Этому была причина, которую звали Симонетта Веспуччи.

Симонетта Каттанео, по мужу Веспуччи, родилась 6 февраля 1453 года в городке Порто Венере недалеко от Генуи. Уже название городка романтическое, оно переводится «порт Венеры», богини любви. В апреле 1469 года 16-летняя Симонетта обвенчалась со своим ровесником Марко Веспуччи,

родственником знаменитого флорентийского мореплавателя Америго Веспуччи. Веспуччи были флорентийскими банкирами, тесными партнерами банка Медичи и их союзниками в политике. Бракосочетание состоялось в Генуе, после этого молодожены поехали на родину мужа, во Флоренцию. В честь их приезда Медичи устроили пышный прием с банкетом в своем палаццо.

В нее невозможно было не влюбиться: такое красивое, нежное лицо с правильным овалом, бледно-розоватой кожей, большими голубыми глазами и прелестными розовыми губками. Волнистые белокурые волосы были уложены в модную прическу, которая только подчеркивала ее красоту. От нее веяло такой чистотой и невинностью, что сердце бедного Джулиано упало к ее ногам навсегда. К тому же у Симонетты был такой добрый, приветливый характер, что она казалась ангелом, сошедшим с небес на грешную землю. Ее полюбили все во Флоренции, ее называли: прекрасная Симонетта, несравненная Симонетта. Лоренцо Великолепный воспевал ее в стихах, а его друг, поэт и гуманист Аньоло Полициано, пишет о Симонетте: «Среди других исключительных даров природы она обладала такой милой и привлекательной манерой общения, что все, кто сводил с ней близкое знакомство, или же те, к кому она проявляла хоть малейшее внимание, чувствовали себя объектом ее привязанности. Не было ни единой женщины, завидовавшей ей, и все настолько хвалили ее, что это казалось вещью необыкновенной: так много

мужчин любили ее без возбуждения и ревности и так много дам восхваляли ее без злобы».

Не только Джулиано влюбился в Симонетту без памяти, был еще один молодой талантливый художник: Алессандро Боттичелли. У него не было вообще никаких шансов на взаимность, Симонетта навсегда останется в его сердце как муза и вдохновительница. Ее лицо художник запечатлел на многих своих полотнах: многочисленные Мадонны, фигуры добродетелей, его самые известные картины: «Весна» и «Рождение Венеры». Сама того не подозревая, Симонетта Веспуччи станет символом флорентийского Ренессанса. В честь нее был устроен турнир на площади Санта-Кроче. Официальным поводом для этого турнира послужил дипломатический успех: заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией 2 ноября 1474 года. Главным героем праздника был Джулиано Медичи, одетый в дорогие золоченые доспехи, на которые вместе с оружием было потрачено около 60 000 флоринов. Оруженосец нес перед ним штандарт работы Боттичелли, на котором была изображена богиня Афина Паллада с лицом Симонетты. Аньоло Полициано сочинил по этому случаю поэму «Стансы на турнир»:

«Дама Джулиано, прекрасная Симонетта, изображенная в виде Минервы, стоит на пылающих оливковых ветвях. В одной руке у нее щит с головой Медузы, в другой – копье. Она смотрит на солнце. Амур, стоящий рядом с ней, привязан к стволу оливы, его лук и стрелы сломаны. Солнце олицетво-

ряло славу, которой Джулиано покрывает себя на турнире и которая воспламенит сердце красавицы».

Конечно же Джулиано выиграл сражение и посвятил его Симонетте: он провозгласил ее королевой турнира и своей дамой сердца. Нам неизвестно, была ли у них физическая связь и как ко всему этому относился Марко Веспуччи. Если они и были любовниками, то эта связь тщательно скрывалась. Но солнце недолго сияло на небосклоне, оно быстро закатилось, ангелы долго не живут. Симонетта умерла 26 апреля 1476 года в возрасте 23 лет от чахотки. Ее смерть оплакивала вся Флоренция, особенно убивался несчастный Джулиано, и молча страдал Боттичелли. Лоренцо Великолепный тоже сильно переживал, в своих воспоминаниях он пишет:

«Была ночь, и мы с моим дражайшим другом шли вдвоем, беседуя о поразившем нас несчастье. Погода была ясная, и мы, беседуя, увидели на западе сверкающую звезду, столь яркую, что она своим сиянием затмила не только другие звезды, но и прочие светила, померкшие в ее свете. Любуясь той звездой, я обернулся к другу своему и сказал: “Не удивимся мы, если душа этой дивной дамы превратилась в новую звезду или же, возносясь, соединилась с ней”».

Симонетта была похоронена в церкви Всех Святых в семейной капелле Веспуччи, детей у нее с мужем не было. А Марко женился во второй раз, в браке у него родился сын, которого называли Джулиано. Возможно, это говорит о том, что никакой физической связи у Джулиано и Симонетты не

было, а выбирать дамой сердца замужнюю женщину не считалось позором. Наоборот, это была большая честь. Но есть и другое мнение: что связь была, и оскорбленный Веспуччи перешел на сторону врагов Медичи.

Джулиано сильно тосковал после смерти любимой, но молодое тело дает периодически знать о себе. Где-то через год у него появляется новая возлюбленная, Фьоретта Горини, дочь оружейника, девушка из народа. Это не была такая сильная и романтическая любовь, как к Симонетте. О его новой любовнице почти ничего не известно, может, это и вообще была лишь мимолетная связь. Джулиано погибнет через два года после смерти Симонетты, 26 апреля 1478 года, день в день. А через месяц после его смерти Фьоретта родит его внебрачного сына Джулио, будущего папу Климента VII.

Кому было тяжелее всего, так это Алессандро Боттичелли. Он пережил Симонетту на 34 года и никогда ее не забыл, изображал на всех своих картинах по памяти. Алессандро никогда не женился, у него не было детей, он умер в 1510 году в возрасте 65 лет. Говорят, перед смертью Боттичелли пожелал быть похороненным у ног несравненной Симонетты. И его действительно похоронили там же, в церкви Всех Святых (Ognissanti), в семейной капелле Веспуччи. Но только под своим настоящим именем: Алессандро ди Мариано Филиппеи.

Алессандро, или, как его чаще всего называли, Сандро, родился в 1445 году в семье кожевника Мариано Филиппеи.

пи. У него было три брата: Джованни, Антонио и Симоне, и все они носили такое же прозвище: «Боттичелли». Наверное, они все были толстенькими, как бочонки. Про Алессандро пишут, что он был нездоровым, потому что много читал. Поэтому некоторые ученые сделали вывод и о его болезненном детстве, и характере интроверта, что отразилось потом в его творчестве: меланхолические и отрешенные лица персонажей на многих его картинах. Сначала Сандро обучался вместе с братьями ювелирному ремеслу. Братья так и остались ювелирами, а Сандро увлекся живописью и поступил учеником к художнику Филиппо Липпи. Потом, когда учитель уехал в Сполето, он перешел работать в мастерскую Андреа Верроккьо. В 1470 году, в возрасте 25 лет, Сандро открыл собственную боттегу. Первыми покровителями молодого художника были Веспуччи, для которых он написал фреску «Святой Августин в студии», и по их рекомендации начал выполнять некоторые алтарные образы для церквей. Потом Веспуччи познакомили его с Лукрецией Торнабуони, которая сразу оценила талант молодого человека и изящную манеру его стиля. Боттичелли быстро стал частым гостем во дворце Медичи, где он познакомился и подружился с Лоренцо и Джулиано. Впоследствии он станет их придворным художником.

Поначалу его стиль напоминал манеру его учителя Филиппо Липпи: объемность, элегантность и идеальная красота. Потом, постепенно, выработался его собственный стиль

с характерными четкими линиями контуров. Это было основным во флорентийской школе живописи в те времена: художники сначала рисовали очень четкие контуры, а потом уже их закрашивали. На естественность оттенка кожи и цвета тканей еще особого внимания не обращали, главными были красота и рисунок. Писали все еще темперой по дереву, иногда для блеска добавляли капли масла льна или грецкого ореха. Но это еще не были истинные масляные краски, которыми уже давно пользовались северные художники: фламандцы, венецианцы, немцы. Тема в живописи все еще преобладала религиозная, но уже появилась мода на индивидуальные портреты. До этого заказчиков изображали на религиозной картине в толпе других людей – персонажей религиозной сцены. Боттичелли написал множество портретов и алтарных образов, ими он хорошо зарабатывал себе на жизнь. Но про него Вазари пишет, что он умер в нищете, потому что был большим транжирой. Сандро прославился тем, что первым отступил от религиозной темы и начал писать на мифологическую. Он первым во Флоренции напишет не на дереве, а на холсте, и первым изобразит на картине обнаженную женскую натуру. Но это будет позже, а пока надо рассказать о трагических событиях, которые произошли во Флоренции на Пасху 1478 года, и о том, что им предшествовало.

Заговор Пацци

Заговор так называется по фамилии семьи, которые были его организаторами и главными исполнителями. Слово «пацци» (pazzi) переводится с итальянского «сумасшедшие». Действительно, сумасшедшие – пойти против Медици. Пацци был старинный флорентийский род, известный еще с XI века. По легенде, их предок Паццино ди Пацци (сумасшедший из сумасшедших) участвовал в Первом крестовом походе на Иерусалим с целью освобождения Святой земли от мусульман. Под командованием Готфрида Бульонского (Goffredo di Buglione) крестоносцы взяли город, и Паццино был первым, кто перелез через защитную стену и вошел в Иерусалим. За доблесть и отвагу он получил в подарок от полководца три священных камня с горы Голгофы и привез их во Флоренцию. Камни хранились в семейной резиденции, их использовали каждый год на Пасху: высекали в Страстную субботу вечером священный огонь, поджигали им факел и разносили по домам. Потом для этого использовали средневековую повозку, еще позже эту традицию перенесли на утро пасхального воскресенья. В настоящее время эти камни хранятся в церкви Святых Апостолов вместе с серебряной голубкой, которая заменила факел. На Пасху утром средневековую повозку под названием Бринделлоне (Brindellone) с гербом Пацци запрягают парой белых быков, рога которых

украшены цветочными гирляндами. Волю везут Бринделлоне к собору Санта-Мария дель Фьоре, где ее устанавливают перед центральной дверью храма и от алтаря к тележке протягивают металлический трос. В 11 часов в соборе высекают священный огонь, символически поджигают голубку, и она скользит по тросу от алтаря к повозке. В конце Бринделлоне взрывается фейерверком с разноцветным дымом.

История про Паццино и священные камни – это легенда, которая документально не подтверждена. Но Пацци гордились своим предком и ненавидели Медичи за их богатство и власть. Самым старшим в семье был Якопо Пацци, у которого не было сыновей. В заговоре вместе с ним участвовали его племянник Франческо Пацци и архиепископ Пизы Франческо Сальвиати. Второй племянник Якопо, Гульельмо Пацци, был женат на Бьянке Медичи, сестре Лоренцо Великолепного. Он не только не принимал участия в заговоре, но даже и не знал о нем.

Теперь все по порядку. В 1471 году Лоренцо Великолепный устроил пышный прием в честь прибытия во Флоренцию герцога Миланского Галеаццо Мария Сфорца с женой Боной Савойской. Прием был настолько роскошным, что это вызвало ревность неаполитанского короля Фердинанда Арагонского, который считал себя единственным лучшим другом Лоренцо. Фердинанд I был опасным человеком, его жестокость была просто патологической, и особое наслаждение ему доставлял вид поверженного врага. Это удоволь-

ствие было настолько острым, что его хотелось продлить. Трупы политических и иных противников Фердинанда, казненных, замученных или умерших в темнице, бальзамировали его придворные медики и доставляли во дворец. Фердинанд хранил эти мумии одетыми в их собственную одежду в одном из залов своего палаццо. У него скопилась целая коллекция: 49 покойников, и он жаждал ее пополнить. Придворные с опаской ожидали, когда король соберется округлить эту цифру. Ничто не радовало короля сильнее, чем созерцание своей коллекции: он приходил в зал, разговаривал с мумиями, иногда даже обедал с ними. Такого противника лучше было не злить, а то, не дай бог, попадешь в эту компанию мертвецов.

В тот же год умирает римский папа Пий II, и новым понтификом выбирают Франческо делла Ровере под именем Сикст IV. У этого папы было пять любимых племянников, и всех надо было пристроить. Лоренцо Медичи прибыл с делегацией в Рим – поздравить нового понтифика, и так его очаровал, что Сикст IV согласился продолжать держать счета Папской курии в банке Медичи. С этим все уладилось, но вскоре начинаются проблемы.

Недалеко от городка Вольтерра были обнаружены новые запасы квасцов. Вольтерра уже была богатым поставщиком соли и алебастра, соляные копи там были известны со времен этрусков. Город был под властью Флоренции, и право на разработку минералов передали компании, акционерами ко-

торой были Медичи. Но когда стало ясно, что залежи квасцов там гораздо больше, чем думали, власти передали подряд местной фирме. Во Флоренции с этим решением не согласились, тогда в Вольтерре вспыхнуло восстание, в ходе которого флорентийское правление было свергнуто. Лоренцо решил применить силу и призвал наемные войска под командованием кондотьера Федерико да Монтефельтро, герцога Урбинского.

Во Флоренции, в галерее Уффици, есть знаменитые портреты в профиль герцога Федерико да Монтефельтро и его жены Баттисты Сфорца. Их написал известный художник эпохи Возрождения Пьеро делла Франческа родом из города Сан-Сеполькро, который находится в провинции Аретцо. Это первые реалистичные портреты эпохи Ренессанса, выполненные через тысячу лет после падения Западной Римской империи.

Вольтерра сдалась после нескольких дней осады, но наемники вышли из повиновения, и началось насилие и мародерство. Местных жителей убивали без разбора: мужчин, женщин, стариков и детей. Женщин сначала насиловали, потом убивали, дома грабили и поджигали. Когда Лоренцо узнал об этом, он пришел в ужас и поскакал в Вольтерру. Там он лично раздавал деньги всем пострадавшим, но исправить что-то было уже поздно. Видение этого разрушенного города будет преследовать его всю жизнь, и он будет каяться в этом на смертном одре.

В 1476 году был убит союзник Медичи – герцог Милана Галеаццо Мария Сфорца: его закололи мечами собственные придворные. После этого в городе начались хаос и беспорядки, а Медичи лишились сильного союзника. Сын герцога Джан Галеаццо Сфорца был еще 7-летним ребенком, поэтому его мать Бону Савойскую назначили регентшей. Но вскоре фактическим правителем Милана становится дядя Джан Галеаццо, брат убитого герцога Лодовико Мария Сфорца. Ему дали прозвище Моро (Мавр) из-за очень смуглой кожи. Когда Бона Савойская стала регентшей, она вступила в интимную связь со своим камердинером Антонио Тассино. Лодовико Моро удалось убедить малолетнего Джан Галеаццо, что его жизни грозит опасность со стороны любовника его матери. Он практически вынудил племянника подписать бумаги и назначить его регентом вместо Боны Савойской. Герцогиню отправили в ссылку в замок Аббьятеграссо, где она прожила 15 лет. Со временем ей удалось вернуться в Милан и даже присутствовать на бракосочетаниях сына и двух дочерей: Бьянки Марии и Анны Марии.

Тем временем папа Сикст IV решил расширить папские земли, для этого ему нужно было сильное войско. Он женил своего племянника Джованни делла Ровере на дочери Федерико да Монтефельтро Джованне, от этого союза пошла линия герцогов Урбино – делла Ровере. Федерико, до этого воевавший на стороне Лоренцо в Вольтерре, переходит на сторону папы. Второго племянника, слабоумного Пьеро делла

Ровере, Сикст IV назначает архиепископом Флоренции, не считаясь с мнением флорентийцев. Вскоре по городу разнеслась сплетня, что новый архиепископ дарит своим любовницам золотые ночные горшки. Через три года Пьеро умирает, и место архиепископа снова становится свободным. Третьего племянника, Джулиано делла Ровере, Сикст IV назначает кардиналом-священником церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи, где до этого служил он сам. Впоследствии Джулиано делла Ровере сам станет известен под именем Юлий II, и ему дадут прозвище Юлий Грозный. Четвертого племянника, Рафаэле Риарио, он назначает кардиналом. Пятого, Джироламо Риарио, папа успел женить на Катерине Сфорца, внебрачной дочери Галеаццо Мария Сфорца. Теперь он хотел поставить его во главе города Имола, но проблема была в том, что этот город принадлежал Милану. За его покупку Лодовико Сфорца запросил 40 000 флоринов, которых у Сикста IV не было. Тогда он обратился с просьбой о займе к своим банкирам Медичи, но Лоренцо затянул с ответом. Дело в том, что Имола была важным стратегическим пунктом для Флоренции, через нее проходили многие торговые пути. Когда святой отец узнал о задержке – он пришел в такую ярость, что отозвал папские счета из банка Медичи и передал их в банк Пацци. Управляющий римским отделением Франческо Пацци тут же выдал ссуду – и папа купил Имолу.

В те времена банк Пацци был одним из самых богатых в Европе, они конкурировали с Медичи, но отношения меж-

ду семьями были дружескими. Пьеро Подагрик выдал свою дочь Бьянку за Гульельмо Пацци, брата Франческо. Отец братьев Пацци умер, когда они были маленькими, и их опекуном был дядя Якопо. Гульельмо дружил с шуринами Лоренцо и Джулиано, они вместе охотились, часто собирались во дворце Медичи, и Лоренцо обожал своих племянников. А Франческо в глубине души завидовал братьям Медичи, ему не нравилась их власть над республикой. Франческо Пацци заполучил папские счета и тем самым нанес первый удар банку Медичи. Но он не собирался останавливаться на этом, у него были далеко идущие планы: Пацци задумал убить обоих братьев Медичи. Франческо начал потихоньку собирать на свою сторону врагов Лоренцо и Джулиано и прежде всего обратился к новому градоначальнику Имо-лы Джироламо Риарио. Тот заверил его в своей полной поддержке, он тоже ненавидел Медичи. Потом Франческо Пацци подружился с непримиримым врагом Лоренцо Великолепного – архиепископом Пизы Франческо Сальвиати. Сальвиати ненавидел Лоренцо за то, что тот противился его назначению и не пускал его в Пизу в течение трех лет.

Заговорщики наняли войско кондотьера Джованни Баттиста Монтесекко, который до этого участвовал в осаде города Читта дель Кастелло для Сикста IV. Монтесекко расположил войска в Имоле и в горах на границе Флорентийской республики. Франческо считал Медичи тиранами и безродными выскочками. Он думал, что после падения власти Ло-

ренцо народ Флоренции встанет на сторону Пацци и сопротивления не будет. Франческо также знал, что Лоренцо Медичи больше не может рассчитывать на помощь Федерико да Монтефельтро, который был теперь союзником Сикста IV. Сам папа для виду был против кровопролития, но благословил заговорщиков и согласился, чтобы «корабль вели они». Осталось только заручиться поддержкой дяди Якопо, которому к тому времени было уже 57 лет. Но тот был умнее племянника и заявил, что заговор обречен на провал. Еле-еле удалось его убедить, Якопо согласился участвовать только после рассказа о поддержке папы.

Первоначальный план был отравить Лоренцо и Джулиано Медичи во время банкета, который братья организовали на вилле Медичи во Фьезоле, построенной по проекту Микелоццо. Ужин был запланирован 25 апреля 1478 года, в субботу перед Пасхой, в честь успешного избрания кардиналом восемнадцатилетнего Рафаэля Риарио. За отравление отвечали Якопо Пацци и Джироламо Риарио, которые должны были влить яд в один из кувшинов с вином, предназначенных для братьев Медичи. Сам банкет, а также семейные отношения между Пацци и Медичи должны были отвлечь подозрения от заговорщиков. Все гости уже собрались за столом, начали подавать закуски и разносить кувшины с вином, но Джулиано все не было. Наконец, Франческо Пацци поинтересовался у Лоренцо, где же его брат и когда придет. В ответ он услышал, что Джулиано занемог и на банкете не

появится, но завтра на пасхальной службе будет обязательно. План провалился, и медлить было нельзя. Заговорщики еле дождались конца банкета и собрались вместе, чтобы обсудить дальнейшие действия. Было решено убить братьев на следующий день в соборе во время пасхальной мессы.

Но Монтесекко, которому поручили убить Лоренцо, воспротивился идее кровопролития в храме, тем более во время пасхальной мессы. Он заявил, что он солдат и воюет только в открытом поле, а убивать в доме Божьем – это кощунство и грех. Как будто убивать в другом месте – это не грех. Впоследствии Лоренцо его за это не повесит, а позволит умереть, как солдату – Монтесекко отсекут голову. На роль убийц Лоренцо выбрали двух священников, которые ненавидели Медичи. Один из них был родом из Вольтерры и присутствовал при мародерстве наемных войск Монтефельтро. Это было роковой ошибкой, ведь священники едва умели держать в руках оружие. Для убийства Джулиано выбрали злобного и завистливого аристократа Бернардо Бандини, который был клиентом банка Пацци. В случае неудачи Бандини добить Джулиано должен был Франческо Пацци.

В воскресенье утром били колокола, созывая верующих в Санта-Мария дель Фьоре. На праздник собрался весь город, состоялось традиционное торжественное высечение священного огня. Народ потихоньку заходил в храм и занимал свои места согласно рангу. Только заговорщики толпились у входа и ожидали Медичи. Появляется Лоренцо с же-

ной и детьми, приветливо кивает Пацци и проходит в собор. Следом за ним появляется Лукреция Торнабуони в сопровождении брата Джованни и его жены, а Джулиано все нет и нет. Обеспокоенные Франческо Пацци и Бернардо Бандини отправились во дворец Медичи и застали Джулиано там неготовым идти на службу под предлогом все еще плохого самочувствия – его разбил ишиас. Они уговаривают его пойти вместе с ними в собор, подчеркивая, как это важно для их гостя – кардинала Риарио. После долгих уговоров Джулиано соглашается, и они втроем направляются к собору. Франческо дружески обнимает его, справляясь о здоровье. На самом деле он проверял, нет ли под кафтаном доспехов. Убедился, что нет, и подмигнул заговорщикам. Пацци вместе с Джулиано проходят в храм, внутри они весело и дружелюбно переговариваются между собой. Лоренцо с женой стояли ближе всего к алтарю, на самом почетном месте. Джулиано и его убийцы остались далеко позади, так как они пришли последними. Праздничная месса началась.

Сигналом к действию был момент, когда священник возьмет освященную гостию и поднесет ее Лоренцо. В то же самое время происходят два события одновременно: Бернардо Бандини, который стоял рядом с Джулиано, вдруг резко поворачивается к нему, выхватывает из ножен кинжал и с силой вонзает ему в сердце. Фонтан крови ослепляет его, и он остервенело наносит удары ножом еще и еще. Франческо Пацци тоже набрасывается на уже мертвое тело и наносит

удары кинжалом, при этом он нечаянно ранит и самого себя. Всего на теле Джулиано было обнаружено 19 ран, но, скорее всего, он умер уже от первой. В то же самое время один из священников выхватывает нож и хватает Лоренцо за плечо, чтобы нанести удар. Но тот выскальзывает из его рук, стилет оставил только царапину на его шее. Лоренцо отступает назад, вынимает меч из ножен и наматывает плащ на руку, которую использует как щит. Его пытается настичь второй священник, но друзья окружают Лоренцо и подталкивают его к ризнице. Народ в это время с криком пытается пробраться к выходу, никто не понимает, что произошло. Может, падает гигантский купол? Друзья Медичи выводят из храма мать, жену и детей Лоренцо, в толпе раздаётся крик Гульельмо Пацци: «Лоренцо, я ничего не знал. Я правда ничего не знал». Бандини отбросил кинжал, схватил меч и бросился прямо на Лоренцо. Но ему перекрывает дорогу Франческо Нори, близкий друг Медичи. Он принимает смертельный удар на себя и умирает на месте. Впоследствии Лоренцо устроит ему пышные похороны в церкви Санта-Кроче. Ризница уже близко, наконец, друзья вталкивают туда Лоренцо и закрывают дверь на засов. В опустевшем храме остается только растерзанное тело Джулиано на полу. Лоренцо постоянно спрашивает: «Где Джулиано? Что с ним?», но друзья не решаются ответить. Они промывают святой водой его рану, забинтовывают шею тканью разорванной рубашки и выводят через задний ход на улицу.

Тем временем заговорщики бегут к палаццо Синьории с криками: «Свобода. Свобода. Медичи мертвы». Они уверены, что Лоренцо тоже убит, но мрачный народ почему-то не разделяет их радости. Вместе с ними ко дворцу Приоров направляется армия наемников, которая врывается в здание – и внутри завязывается драка. Потом появляются вооруженные стражники и показывают в окна головы наемников, насаженные на пики. В городе царит паника, никто не понимает, что произошло: то ли и правда рухнул собор, то ли напали вражеские войска и всем грозит смерть. Наконец кое-что проясняется: оказывается, на Лоренцо и Джулиано напали в храме во время службы, и неизвестно, кто жив, а кто мертв. Люди бегут ко дворцу Медичи с криками отчаяния, кто же теперь будет править республикой? Лоренцо выходит на балкон и объявляет, что он жив и здоров, но его брат Джулиано зверски убит в соборе. Он называет имена убийц, и флорентийцы приходят в бешенство: их любимец убит. Красивый, добрый и веселый Джулиано мертв. Смерть убийцам. Люди рассеиваются по улицам – и начинается охота на заговорщиков. Лоренцо тем временем направляется с группой охранников во дворец Синьории.

Первым флорентийцам попался в руки Якопо Браччолини – один из тех, кто пытался убить Лоренцо. Ему связывают руки, волокут ко дворцу Синьории и тащат по лестнице в зал Аудиенций на третьем этаже. Гонфалоньер зачитывает смертный приговор, Браччолини набрасывают на шею ве-

ревку, другой конец которой закрепляют на массивной фрамуге. Потом его вышвыривают из окна, и он болтается вдоль стены, дергая ногами, пока не выпускает дух. Затем пришла очередь Франческо Пацци – его нашли в своем дворце, где он пытался перевязать рану. Его тоже тащат во дворец Правительства под крики и улюлюканье толпы, которая бросает в убийцу камни и куски грязи. Вскоре его тело с веревкой на шее вываливается из окна палаццо Синьории и повисает рядом с телом Браччолини. Потом хватают архиепископа Сальвиати, с ним поступают точно так же под восторженный рев толпы. Говорят, тела раскачивались и ударяли друг друга так, что в предсмертной агонии Сальвиати вцепился зубами в голое плечо Франческо.

Двух священников находят в аббатстве Бадиа Фиорентина, недалеко от дворца Пацци. Им связывают руки, кастрируют и вешают так же, как Браччолини, Пацци и Сальвиати. Якопо Пацци удалось бежать из города, но через четыре дня его нашли крестьяне в горах и доставили во Флоренцию. Там Якопо ждала участь племянника и остальных заговорщиков. Пока Пацци вели к площади – народ забрасывал его камнями. Затем его бросили в тюрьму и подвергли пыткам, а на следующий день раздели догола и повесили точно так же, как и всех остальных. Их тела еще несколько дней висели на стенах дворца Синьории, чтобы все видели, как Медичи вершат правосудие. Не буду описывать то, как местная молодежь издевалась над телом Пацци, это слишком страшно.

Народ Флоренции свирепствовал несколько дней, с криком «Шары! Шары!» (имеется в виду герб Медичи) они врывались в дома и волокли виновных на улицу. Были пойманы не только заговорщики, но и те, кто имел хотя бы косвенное отношение к заговору. Их растерзали так, что части тела валялись на улицах по всему городу, люди просто озверели. Это был единственный случай, когда удалось убить кого-то из Медичи в результате заговора, и расправа за это была действительно жестокой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.